

"Основы флирта с обнаженным оборотнем"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Молли Харпер

Основы флирта с обнаженным оборотнем

Команда перевода:

Перевод осуществлен на сайте <http://lady.webnice.ru>

Переводчики:

Anastar

GeeJay

Еленочка

Oljkin

ЛаЛуна

Бета-ридинг:

KattyK

Редактор

Королева

How To Flirt With a Naked Werewolf by Molly Harper, 2011.

Принять участие в работе Лиги переводчиков <http://lady.webnice.ru/forum/viewtopic.php?t=5151>

Внимание! Электронная версия книги не предназначены для коммерческого использования. Скачивая книгу, Вы соглашаетесь использовать ее исключительно в целях ознакомления и никоим образом не нарушать прав автора и издателя. Электронный текст представлен без целей коммерческого использования. Права в отношении книги принадлежат их законным правообладателям. Любое распространение и/или коммерческое использование без разрешения законных правообладателей запрещено.

Глава 1

Когда моя жизнь превратилась в песню Вилли Нельсона?

Если на пороге появляется обнаженный мужчина с медвежьим капканом на лодыжке – лучше всего сделать то, о чем он просит.

Этот урок мне пришлось усвоить на собственном горьком опыте. Урок, которого не предвещало то бодрящее июньское утро, когда я подъезжала на своей развалине к крошечному городку Гранди на юго-востоке Аляски. И как бы я ни сочувствовала своему «новому» полноприводному внедорожнику, я пока не могла остановиться.

- Еще несколько минут, детка, - сказала я, нежно поглаживая пальцами потертый пластик руля, который подрагивал на каждом обороте вокруг оси, будто страдающая артритом леди, утверждавшая, что сразу, как приедем в город, стоит найти приличного механика. Форд девяносто девятого года, который я любовно окрестила Люсиль, пока ехала через Канзас, нужно будет немного побаловать, дабы возместить физический и моральный износ от нашей первой совместной поездки.

Я проехала тысячи миль, выдула невероятное количество чашек отвратительнейшего кофе на вынос, вытерпела трехдневную переправу на пароме из Вашингтона, чтобы добраться до витиевато вырезанного указателя «Добро пожаловать в Гранди». Когда он показался впереди, мое сердце екнуло. Надпись гласила, что население города насчитывало две тысячи пятьдесят три человека. Я собираюсь изменить это число.

Решив, что Люсиль заслужила небольшой перерыв, я припарковалась прямо перед указателем. Автомобиль затрясся, затем загудел и заглох. Развернувшись на водительском сидении, я сошла на разбитую обочину асфальтированной дороги, чтобы размять ноги. Пробежавшись пальцами вдоль резьбы по дереву, я восхитилась способом, каким мастеру удалось вписать мотивы инуитского [1] искусства в дизайн и не смазать четкость указателя. И эстетично, и по назначению.

Я вытянула руки над головой, наслаждаясь хрустом одеревеневших позвонков, ставших на место после напряжения последних шести часов. Несмотря на относительное тепло конца июня, я дрожала. Расстроившись, я спрятала руки в новую с иголки спортивную куртку, которую первым делом приобрела для здешнего климата. Я привыкла к удушающе горячему влажному тяжелому воздуху в дельте Миссисипи. Казалось, что пока человек спал, эта духота просто продавливала простыни. Надеюсь, у моего тела будет время приспособиться к новым природным условиям, прежде чем станет по-настоящему холодно.

Вдалеке легкие ватные облака окружали синевато-серые горы. Вершины словно «ковшиком» обрамляли долину, где размещался Гранди. Флора этого города состояла из сплошной зелени, иногда прерывавшейся яркими вспышками цветов или серыми порослями испанского мха. Было так много оттенков и текстур зеленого, лавандового и золотого, что мне приходилось щуриться, чтобы защитить глаза.

Солнце уже начинало садиться за горным хребтом, а мне хотелось связаться с Нейтом Гоганом до конца его рабочего дня. Мистер Гоган, единственный в городе юрист, оформлял мне аренду так называемого «дома Майерса». Я искренне надеялась, что название было случайным и не имело ничего общего с какой-нибудь связанной с Хэллоуином резней в моем новом доме.

Я проверила, надежно ли маленький трейлер, взятый напрокат, прицеплен к Люсиль - привычка, выработавшаяся за последние несколько дней - и снова забралась внутрь. В двадцать седьмой раз за день зазвонил сотовый. Сказав пару ласковых в адрес своего провайдера, активно понаставившего вышки сотовой связи по всей стране, я проверила номер абонента и сунула телефон обратно в сумочку. Я знала, что первый вечер в Гранди проведу, безжалостно стирая не прослушанные голосовые сообщения от матери. Поскольку убила на это вчерашний вечер. И позавчерашний тоже.

Мой марш-бросок через всю страну начался как каприз после разорванной помолвки. Я жаждала оказаться так далеко от родного города, как только возможно, не меняя гражданства. Меня всегда очаровывали широкие, дикие просторы Аляски. Серия кликов мышкой по счастливой случайности привела меня на поразительно скудный веб-сайт Гранди, который состоял из одной единственной странички, описывающей прекрасные пешеходные тропы,

походы на охоту и рыбалку с опытными проводниками, «оживленную экономику» горстки местных владельцев магазинов. А под заголовком «Аренда жилья» показан дом Майерса. В пятьдесят шесть квадратных метров, он был намного меньше моей нынешней съемной квартиры: с одной спальней, гостиной, ванной и кухонькой. Но один взгляд на риэлтерское фото с открывающимся видом на лес с переднего крыльца – и я попала на крючок. В течение недели я связалась по электронной почте с мистером Гоганом, уволилась с работы в «Гольфсайд Маркетинг» и расторгла свой арендный договор.

Гранди показался, когда Люсиль, пытаясь преодолеть остаток дороги в гору. Хотя я и была готова к тому, что мистер Гоган описал как «очаровательная деревушка», но не смогла подавить шок, когда увидела весь городок сразу. От длинной главной дороги с магазинчиками ответвлялись немногочисленные улочки с расположенными тут и там несколькими десятками одноэтажных домов. Мистер Гоган сообщил, что большинство жителей Гранди, включая меня, живут в уединенных домиках примерно в пятидесяти милях в черте города.

Главная улица была похожа на уголок Дикого Запада. Внушительные кирпичные здания прошли проверку временем суровыми северными зимами и пронизывающими ветрами. Витрины рекламировали такие важные предприятия как банк, продуктовый магазин и охотничье хозяйство под открытым небом с чуть вычурной вывеской. Здания стояли вплотную друг другу, чтобы, как я подозревала, сэкономить на стройматериалах и сохранить тепло. Горы вырисовывались на окраине городка, словно внезапно возникли в конце Главной улицы. Их красота, защитная гряда вершин заставили чувствовать себя крошечной и глупой, раз меня волновали такие вещи, как расход топлива грузовика и встреча с будущим арендодателем.

Я нашла место для стоянки рядом с главной дорогой, перед бакалеей «У Ханнигана», и вылезла из грузовика. На улице стояли пешеходы, крепыши всех форм и расцветок в легких куртках. И они глазели. Я внезапно смутилась из-за трейлера, словно на нем висела табличка «Приезжая!».

Я заперла Люсиль и была счастлива, что до офиса поверенного два квартала, и я смогу размять ноги. Мои новые походные ботинки чуть поскрипывали, когда я шла по усеянному трещинами тротуару. Воздух был прохладным и чистым. Я чувствовала запах сосен, дождя и жарившихся гамбургеров в салуне дальше по улице. У меня слюнки потекли. С тех пор, как я позавтракала буррито в Кроули, прошло немало времени. Я пообещала себе, что если будет минутка, то обязательно загляну в салун «Голубой ледник», как гласила резная деревянная вывеска. Устрою себе маленький, персональный праздник живота: двойной бекон, салат-латук, маринованные огурчики и помидорки. Быть может даже чуток луковых колец.

вернуться

1

Этническое название эскимосов.

Со своими пышными с проседью усами, в поношенном твидовом пиджаке в паре с галстуком «боло», скрепленным чем-то наподобие рога, – Нейт Гоган напомнил мне Неуправляемого Сэма [2]. Несмотря на относительно поздний час, он ждал меня в своем офисе вместе с документами на аренду. Словно сотрудник организации, помогающей переселенцам, он по-отечески обнял меня за плечи и проводил в кабинет. Комната была обита деревянными панелями теплого желтовато-коричневого цвета, каждый квадратный дюйм, свободный от охотничьих и рыбацких трофеев, занимали дипломы и награды мистера Гогана, полученные за

годы на государственной службе. Мистер Гоган, настаивающий, чтобы его называли Нейтом, должно быть, постоянно подкидывал работенку местному чучельнику.

Памятуя о моей разжиженной южной крови, мистер Гоган заботливо предлагал кофе, чай, горячий шоколад, даже виски, чтобы помочь согреться, пока мы заключали договор на аренду. Юрист выглядел чрезвычайно довольным собой, когда засвидетельствовал мою подпись, закрепляющую за мной дом на год.

- Должен признаться, мисс Ванштейн, я надеюсь, что вы будете счастливы в Гранди, - пожелал он, блаженно улыбаясь.

Мистер Гоган неправильно произнес мою фамилию, но я не потрудилась исправить его. Мо Дюваль-Ванштейн не так уж легко выговорить. Хотя вот уже почти тридцать лет оно пишется через черточку, люди все равно думают, что Дюваль - мое второе имя, а не отказ моей матери подчиняться правилам, но я к этому привыкла. Seriously, попытайтесь разок объяснить это секретарю в колледже.

- Уверен, что вас ждет теплый прием, - мистер Гоган. - Не каждый день в город приезжает красивая незамужняя женщина. Я знаю пару ребят - милые, симпатичные, благочестивые парни - которые были бы просто счастливы познакомиться с вами.

После стольких дней, когда единственное, что мне приходилось видеть вокруг себя, - это лица равнодушных работников забегаловок и дальнобойщиков, склонных отпускать неприличные жесты, у меня не получалось разделить его воодушевление. Я усмехнулась.

- Так вы еще и сваха по совместительству?

Губы мистера Гогана дрогнули под пышными усами.

- Делаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить прирост городского населения. Свою Герти я нашел в седьмом классе начальной школы Гранди, и вот уже сорок три года мы состоим в браке. - Он повернул ко мне фотографию в рамочке, на которой была изображена улыбающаяся, пухлощекая женщина с белоснежными волосами, собранными на макушке. - Не всем так везет. Некоторых нужно слегка подтолкнуть.

- Как долго вы здесь живете? - спросила я его.

- всю свою жизнь, - гордо произнес мистер Гоган. - Конечно, юридические школы есть во всех континентальных штатах, но я предпочел не забираться далеко на юг и выбрал Вашингтонский университет. В Миссисипи я бы точно не смог жить - это настолько близко к экватору, что я просто растаял бы.

- Подходит не всем, - согласилась я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально. Хотя я постоянно жаловалась на климат Миссисипи - и однажды угрожала сослуживцу натянуть на голову трусы, если он скажет «это не жара, а влажность» еще хоть раз - но почувствовала легкую боль потери, укол ностальгии по размягчающей кости жару. Впервые с того момента, как вышла из грузовика, я почувствовала, как по спине прокатился холодок. Что если я совершаю огромную ошибку? Что если у меня недостаточно сил? Может, без лишних слов схватить бумаги на аренду со стола мистера Гогана и по-тихому дать стрекача к Люсиль?

- Ну вот, тут мы закончили, - сказал мистер Гоган, ставя на документы печать и пряча их в папку.

Как бы не так.

Мистер Гоган водрузил потрепанную ковбойскую шляпу из коричневой замши себе на голову и сказал:

- Я помогу вам зарегистрироваться в мотеле.

- Вообще-то я надеялась, что сразу смогу заселиться в дом, - сказала я ему.

Он побледнел.

- Видите ли, Мо, я не уверен, что он уже готов. Майерс сдавал домик на уик-энды охотничьим группам и другим таким же любителям активного отдыха. Только вчера утром его освободил отряд рыбаков-нахлыстовиков. Стоит подождать пару дней, пока дом, э-э, не проветрится.

- Мистер Гоган, я слишком долго ехала, избавьте меня от очередного мотеля. Ничего страшного, если там немного не прибрано. Видеть больше не могу эти синтетические одеяла.

Мистер Гоган слабо улыбнулся.

- Как скажете...

Могла бы уже перетерпеть синтетическое одеяло.

Насколько очаровательным и живописным казался домик снаружи, настолько бедственным все было внутри. Мое новое жилище напоминало задрюпанную общагу. Первое, что я увидела - чистенькая на снимках с сайта гостиная, заваленная пустыми пачками «Доритос» и грязной одеждой. Мебель - крепкие, прочные вещи - раскидана по всей комнате, словно перед старым камином провели импровизированный турнир по вольной борьбе. Со светильника над кухонным столом свисала причудливая композиция из пивных этикеток.

И весь дом провонял мертвой рыбой.

Мистер Гоган заметно смутился, но не особо удивился. Слабый румянец проступил на его морщинистых щеках, когда он начал извиняться:

- Линнет, уборщица, должна была прийти сюда после окончания смены в мотеле и прибраться. Но вижу, она еще этого не сделала, - сказал он, носком ботинка подпихнув парочку затхлых трусов через открытую дверь. По его немигающему взгляду я поняла: он надеялся, что я не заметила движения.

- Передайте, что она может не трудиться, - сказала я, натянув улыбку. Если я позволю ей сползти, мое лицо точно все выдаст. Я и представить не могла, что так проведу вечер. Ну, может, по наихудшему сценарию я и представляла кое-какую уборку. Но даже при непредвидимых обстоятельствах я и вообразить не могла так много мертвого лосося. Или кучу выброшенных плавок.

Глаза мистера Гогана вспыхнули от беспокойства, и мне почему-то захотелось успокоить его. Я могла это сделать. Домик был не совсем загублен. А если закрыть глаза на беспорядок - и запах - то он на самом деле был очень уютным.

- Я сама уберусь, - добавила я.

Тут же успокоившись, мистер Гоган показал мне остальную часть дома, все четыре комнаты.

Он предложил помочь принести из грузовика коробки, наверное, чтобы помешать мне сбежать из этой хибары. Я отказалась, заметив, что уже стемнело.

- Миссис Гоган будет волноваться, - убеждала я его.

- Как раз напомнили, - сказал он и достал с заднего сидения своего «мустанга» пластиковый контейнер. - Моя Герти передала. Тут ее знаменитое тушеное мясо с картофелем. И немного ягодного коблера. Она сказала, что не пристало женщине готовить после такого длительного переезда. Супруга надеется познакомиться с вами в следующий раз, когда вы наведаетесь в город.

Я немного расслабилась, а заботливо приготовленная и аккуратно упакованная еда успокоила мое сердце и нервы. Я улыбнулась мистеру Гогану. «Живописный вид и свободных мужчин», значившихся в рекламном проспекте, я еще ожидала, а добрососедских жестов - нет. Я была желанной гостьей, а это дорогого стоит.

- Пожалуйста, поблагодарите ее за меня.

Сев за руль своего грузовика, мистер Гоган подмигнул мне.

- Добро пожаловать домой, Мо.

Глава 2

Мертвая рыба и умирающий лось

Тишина была оглушительной.

Я считала маленький домик, который снимала в пригороде Лиланда - небольшого городка в штате Миссисипи, достаточно уединенным - но даже там до меня доносились случайные обрывки разговора или грохот басов стереосистемы из машины соседей. Здесь же было глухо, как в танке. До города надо ехать двадцати три километра, и еще где-то километр по извилистой грунтовой дороге до шоссе. Можно взорвать половину Гранди, а я бы даже не услышала. Я лежала в крохотной спальне и пыталась уловить хоть малейший звук. Что угодно, чтобы убедиться, что это не галлюцинация, и я действительно нахожусь в своем домике типа ранчо в ожидании начала новой жизни.

После ухода мистера Гогана я обнаружила в себе бешеную энергию, требующую выхода. Весьма кстати, ведь первые несколько часов в новом статусе жителя Гранди я провела на Великой Охоте на Мертвую Рыбу. Она была повсюду: в холодильнике, в раковине ванной, даже в кладовке свисала на веревке. К счастью, мистер Гоган подарил мне на новоселье универсальное моющее средство и бумажные полотенца. Хуже всего то, что я не могла просто выбросить испортившуюся рыбу на улицу и забыть о ней. Я боялась, что выброшенная рыба послужит сигнальной ракетой каждому медведю в радиусе ста пятидесяти километров, и они решат, что я развернула для них на своей лужайке шведский стол. Поэтому осторожно собрала тушки в двойные сверхпрочные мешки для мусора, наглухо завязала их и поставила в кладовку. Надеюсь, завтра смогу дотащить это до мусорного контейнера в конце подъездной дорожки.

вернуться

Неуправляемый Сэм - персонаж анимационного шоу «Луни Тюнз». Известный Техасский бандит или пират с длинными рыжими усами, при виде его все бросаются в бегство, очень маленького роста, часто соперничает с Багзом Банни, всегда проигрывает ему. Носит с собой два револьвера. Играет различные роли.

Честно говоря, я не шибко боялась встретиться с медведем, волком или кем там еще могла порадовать меня Аляска. Уверена, это ничуть не страшнее, чем дойти до гаража и наткнуться на двухметрового аллигатора, нежащегося на солнышке рядом с твоим автомобилем. А в Миссисипи это со мной случалось дважды. Не говоря уже о всяких змеях, опоссумах и других вредителях, которые забирались ко мне в дом.

Усталая, злющая и вонявшая дохлым лососем, я так долго стояла в душе, что израсходовала всю горячую воду, после чего разогрела в свежевывмытой микроволновке вкусности от миссис Гоган. Уминая за обе щеки, я сдалась своей потребности все организовывать и ко всему готовиться. А именно составила подробный список необходимых покупок, мебели и домашней утвари, нуждающихся в замене, а также включила в него обычные заботы, связанные с переездом: проведение кабельного телевидения и телефона. Мне стало гораздо лучше. Составляя списки и планы, я чувствовала, что держу все под контролем.

Это одно из многих отличий от моих родителей, чье единственное относительно религиозное credo было «Высшие силы смеются над человеческими планами».

Вот и все. В этом заключалось мое духовное образование, предоставленное мне сыном из набожной ортодоксальной еврейской семьи и дочерью баптистского священника.

Думая о родителях, я сделала несколько глубоких вздохов, разжевала две таблетки от изжоги и, впервые за неделю, прослушала голосовую почту.

«Милая, я звоню, потому что очень беспокоюсь о тебе». Так начинались все сообщения. «Мы знаем, как важно иметь собственный уголок. Мы старались уважать это, но не ожидали, что ты уедешь так далеко. Ты наша детка, наша драгоценная малышка. Мы просто не понимаем, как ты могла так поступить с нами». А затем нескончаемым потоком шли жалобы и обвинения, заканчивавшиеся мамулиными мольбами. «По крайней мере, позвонить хотя бы можно, чтобы мы знали, что ты в безопасности? Даже если для этого тебе придется взять сотовый ... ты же знаешь, как я беспокоюсь, что ты так часто пользуешься этим дурацким телефоном, все эти лучи идут прямо в ухо, так и опухоль мозга получить недолго. Я уже говорила и снова скажу: звони по домашнему...»

И не останавливалась, пока не заканчивался лимит голосового сообщения.

Я прислонилась лбом к кухонной столешнице, радуясь, что пластик такой гладкий и прохладный. И несмотря на многочисленные исследования, которые доказали безопасность мобильных телефонов в использовании, я раздраженно обнаружила, что отодвинула телефон в дальний конец стола, дабы он не смог грохнуть меня своими смертельными мозгоразжижающими волнами. Вот и общайся после такого с матерью. Иногда ей удавалось настолько запудрить мне мозги, что я вновь оказывалась в исходной точке.

Урожденная Линн Дюваль, мама родилась в техасском городке Браунсвилль. С моим отцом, Джорджем Ванштейном, она познакомилась на семинаре по переработке отходов в далеком семьдесят пятом году в Чикаго, и с тех пор они неразлучны. Уцепившись за идею «свободной любви» - должно быть, под влиянием эры Водолея, - не стесненной правилами и обычаями, вместо свадьбы они провели церемонию наречения, в которой мама переименовала отца в Эша

[3] Ванштейна. Годы спустя не одна я находила знакомым, что отец осмелился назвать мать Саффон [4], как специю, липнувшую коже и пристававшую к ней на много дней.

У Эша и Саффон имелись определенные представления о том, как воспитывать дочь. Эти стандарты не включали такие пустяки, как религия, телевидение, полуфабрикаты, официальная медицина или домашние животные. (Дело не в защите прав животных. Просто у папули аллергия.)

Домом моего детства служил едва отремонтированный старый сарай без стен, являвшийся центром созданной родителями собственной, независимой, экологически ответственной общины дальновидных строгих вегетарианцев, ненавидящих правительство. Папа назвал ее «Рассвет», но вскоре был вынужден сменить вывеску, поскольку люди оставляли у главных ворот своих подростков-наркоманов. Похоже, они думали, что это реабилитационный центр.

Через сообщество постоянно проходило множество людей. И хотя мне нравились смех, музыка, энергия, которую они привносили в мой дом, я поняла, что дружбы с ними не завяжешь. Дети все равно уходили через несколько месяцев, когда их родители не могли влиться в то, что мои предки называли «разумным образом жизни». Даже те, кому это удавалось, редко оставались у нас больше полугода – их неугомонные натуры жаждали продолжить странствие.

Тем не менее, дни мои были заполнены приключениями и весельем. Неважно, импульсивное ли это решение папули перекрасить наш семейный «фольксваген» в пурпурный цвет пасхального яйца, или мамуля, вырядив меня, как радиоактивную Статую Свободы, тащит с собой на митинг против атомной энергетики. Каждый день приносил что-то новое, нечто захватывающее. И я обожала своих родителей – их любовь, щедрость, внимание ко мне. Мне нравилось быть центром их мира.

Но то, что приносило радость карапузу, для взрослеющего подростка было скучным. До тринадцати лет я находилась на домашнем обучении, пока не поняла, что, если не закончу общеобразовательную школу, колледжа мне не видать. Учила меня мама, и она всегда держала под рукой подробные учебные планы на случай неожиданно нагрянувших с инспекцией чиновников окружного отдела образования. Хотя руководствовалась она всегда благими намерениями, уроки редко выходили за стадию планирования. Стоило у нее в голове мелькнуть мысли, что некое дело требует незамедлительного внимания, и объяснение мне дробей или изучение столиц штатов уже не казалось таким важным. Большую часть времени она оставляла меня одну для «самообучения». Если бы до того, как стать Эшем, папуля не работал бухгалтером – я бы по сей день не могла сводить баланс своей чековой книжки.

Когда я прикатила на своем велике в окружную среднюю школу Боудри и попросила записать меня, то привезла с собой только свидетельство о рождении и сочинение на тему «Почему мне прямо сейчас нужно записаться в общеобразовательную школу».

К счастью, как раз тогда, когда я просила секретаря войти в мое тяжелое положение, мимо проходил директор. Убедившись, что странная девочка не беспризорница и не жертва домашнего насилия, он сказал, что у каждого ребенка есть право посещать школу. Еще он предложил прийти ко мне домой и побеседовать о моем желании с родителями. Но я испугалась, что, увидев наш чудной, колоритный мирок, он посчитает меня безнадежной – или, того хуже, выпьет «солнечный чай» [5] моего отца, – поэтому отказалась.

Этот же день ознаменовался первым спором с родителями – точнее, с матерью. Похоже, отец считал, что родители должны поддержать ребенка, сделавшего собственный выбор, даже если этот выбор включал школу. Мама страшила ужасными последствиями, давлением со стороны

сверстников, влиянием невнимательных и неграмотных учителей, ревизионистским учебным планом, выпускающим во взрослую жизнь бездельников, но еще больший ужас у нее вызывал рафинированный сахар в школьной столовке. Однако, в конечном итоге, все же подписала бумаги на зачисление, и я начала учиться в девятом классе Лиландской средней школы.

В первый день занятий мама расплакалась, увидев меня в школьной форме, и даже настаивала на том, чтобы задобрить меня медово-овсяным печеньем. Я выбросила их в мусорку в кафетерии и купила свой первый школьный ланч на деньги в подарок ко дню рождения от любящих капиталистических предков – бабули и дедули.

Оглядываясь назад, я понимаю, что это был переломный момент. Начав посещать школу, я осознала, насколько отличалась от других детей своего возраста, насколько была не подготовлена для внешнего мира. И тут меня прорвало. Каждый бунтарский поступок, будь то ношение кожаной обуви или голос за консерваторов на предварительных выборах, заставлял меня чувствовать себя все более нормальной. Я освоилась в средней школе. Стала как все. Получала хорошие оценки. У меня появилась лучшая подруга, Кара Рейнольдс, которая с радостью обучила меня обрядам и ритуалам «обычных людей».

вернуться

3

Пепел

вернуться

4

Шафран

вернуться

5

Солнечный чай – напиток, часто со льдом, приготовленный из чайных листьев или других трав, залитых водой и настаивающихся под прямыми солнечными лучами.

Я даже устроилась работать после школы официанткой в авто-кафе «Тэйст-энд-Гриль». В этот же день я съела (и тут же вытошнила) свой первый чизбургер с беконом. Но Берни Харнед, владелец, помог мне потихоньку поднять толерантность к фаст-фуду и жирам до Фрито-Пай [6], в то время как я продвинулась по карьерной лестнице от официантки, обслуживающей автомобилистов, до гриль-персонала. На свои кровные я покупала новые шмотки, диски, косметику, калорийную нездоровую пищу – запретные маленькие сокровища, которые держала в старом сундуке у изножья кровати.

А после моего зачисления в университет Миссисипи у матери явно что-то переклинило в мозгах. Даже больше, чем когда она в конце шестидесятых давала концерты. Очаровательная чудаковатость помогла ей получить пропуск в мое общежитие, а затем и в съемную квартиру, чтобы, по ее словам, навещать меня в любое время. Мамуля использовала этот доступ, чтобы «помочь» мне разобраться с ненужными для меня вещами, такими как, например, мясо на обед

(то, что я ела плоть животных уже плохо, но нельзя забывать о нитратах!), неорганические продукты (это же отравы под видом пищи), химические моющие средства (пищевая сода и разбавленный уксус гораздо эффективнее). А когда она выбросила целую коробку пастилы, я стала держать все вкусняшки под замком. Но вернувшись однажды домой увидела, что она отнесла пластиковый контейнер с моим скарбом в пункт сбора вторичного сырья.

Мамуля искренне считала, что действует в моих интересах... в своей искаженной, себялюбивой манере. Кроме того, как можно сказать родной матери, что ей не рады? Почему я злюсь на нее за то, что она выбросила кучу дряни, вредной для меня? Мама ведь печется о моем здоровье. К тому же, разве не заменила она это на низкокалорийные хлебцы, соевые сосиски и печенье с кэробом [7] – все, что я любила в детстве? Спорить с ней все равно, что пытаться удержать угря, смазанного маслом. Стоит мне подумать, что крепко ухватилась – она изворачивалась и меняла тактику.

Так что я усердно училась и мечтала, что степень по маркетингу обеспечит меня работой в Иллинойсе, Нью-Йорке, Калифорнии – любом далеком от Миссисипи штате, куда я смогу добраться. Я мечтала об уединении, тихом уголке, собственном доме, куда родители не смогут вломиться в любой момент, просто выпросив запасной ключ у слесаря.

Папуля исповедовал пацифизм. То есть не встречал между нами с мамой во время наших перепалок. Потом мы с мамулей поспорили почти за месяц до выпуска по поводу их приезда на церемонию вручения дипломов. Родительница хотела в тот уик-энд посетить конференцию по влиянию фармакологических отходов на водоснабжение. Когда я запротестовала, она заявила, что в первую очередь я сама не должна принимать участие в таких помпезных, высокомерных, бессмысленных церемониях. Я ответила, что это моя помпезная, высокомерная, бессмысленная церемония, и мамуля не умрет, если на одно утро задвинет подальше множество своих принципов и для разнообразия порадует меня.

- Вот всегда так, черт возьми! – орала я. – Пытаетесь завладеть всеми сферами моей жизни! Ходите за мной и чуть ли не обрезки ногтей собираете на память, а когда случается что-то по-настоящему важное, важное для меня, вам до лампочки! Потому что я не хожу в школу, ратующую за экологию. Я не изучаю правильные предметы. Считаете, что это учителя промыли мне мозги? Да вы хоть знаете, что большинство людей были бы в восторге, что их дочь закончила колледж с хорошими оценками?! Когда же вы оба начнете вести себя как нормальные родители?

Вот после этого папуля и свалился от тяжелого сердечного приступа.

Похоже, никакие овсяные отруби сердечнососудистую систему не защищали.

Именно мне пришлось заниматься госпитализацией и разговаривать с врачами вместо матери, театрально заламывающей руки. Я вернулась в общину, чтобы помочь, пока папа выздоравливал. А когда он встал на ноги, я нашла работу в небольшой компании в пригороде Джексона, занимавшейся рекламными вкладышами для газет. Тратить час на дорогу в один конец, чтобы отметить на работе, было утомительно, но, когда в конце рабочего дня меня ждал собственный домик, – это того стоило.

Вскоре мама принялась за старое. Утром, днем и вечером родители появлялись на моем пороге с огромными тарелками маринованного тофу, травяными чаями, а то и сентиментальными, пропахшими марихуаной, сувенирами родом из детства. Все стало хуже после моей помолвки с Тимом, аварийным комиссаром, чей страховой офис находился рядом с моим. Мама часто повторяла, что встречи в Старбаксе по утрам за латте служили доказательством, что наши

отношения обречены на провал. Ничто, связанное с Кофеиновой Империей Зла, не сулило по ее мнению ничего хорошего.

Тим Галлоузэй был олицетворением всего, что ненавидели мои родители. Консерватор, христианин, продукт полноценной семьи и домохозяйства с двумя источниками дохода. Он с готовностью платил налоги. Входил в клуб «Стейк месяца». Хотя внешне Тим явно не был в моем вкусе, с ним я чувствовала себя в безопасности. Он уравновешенный, забавный и добрый. У него имелся пятилетний план, который, после определенного количества весьма традиционных свиданий типа «ужин-кино», включал и меня. Да, не было ни пламенной страсти, ни умопомрачительных сексуальных шалостей, но это и к лучшему. Я знала, чего ожидать.

По крайней мере, думала, что знаю, вплоть до того момента, когда однажды в среду за обедом Тим не попросил вернуть ему кольцо. Даже не смог придумать приличной истории, которую можно было подсунуть Каре. Он не встречается с другой женщиной. Бога ради, чтобы порвать со мной, он принес цветы. Тим просто почувствовал, что ошибся, так скоро сделал предложение. Пару десятков раз он упомянул моих родителей и тот факт, что я, кажется, невероятно одержима идеей оставаться «нормальной» и меня не волнует, во что это обойдется.

Когда я отправилась домой, чтобы помочь Тиму собрать вещи и съехать, то поняла, что чувствую себя скорее виноватой, чем задетой. А ведь должна страдать, теряя кого-то, с кем планировала провести остаток жизни. Тим оказался прав. Я выбрала его потому, что знала – родители не одобряют. Собственно говоря, я и маркетинг выбрала, поскольку им они точно никогда не будут заниматься. Папа сказал, что работа в рекламе сделает меня винтиком в корпоративной машине, и я иду против всего, чему они меня учили. Людям родители говорили, что я занимаюсь утилизацией макулатуры.

Я чуть не обрекла себя на пресный брак и бесперспективную карьеру из-за своего глупого бунтарства. Даже притом, что много лет билась за свою независимость, я продолжала позволять им влиять на каждое мое решение. Мне двадцать девять лет. Пора бы уже прекратить жить, как избалованный испуганный подросток. Я хотела начать с нуля, поехать куда-то, где бы никто не знал меня и мою семью, где бы родители не достали меня. В то же время я боялась начинать с чистого листа. Что если я все эти годы лишь использовала родителей как оправдание? А если причиной моего недовольства было то, что я всего лишь заурядная жалкая личность?

Я поехала в Гранди, зная, что не смогу, вероятно, найти работу по специальности. Но я унаследовала небольшой капитал от дедули и бабули Дюваль. Задолго до их смерти мама сказала, что не желает «кровавых денег» от семейной мясной лавки и шашлычной. Что сделало меня единственной наследницей. Я копила и осторожно инвестировала наследство, и это помогло выжить на стипендию в колледже и жалкие комиссионные в начале карьеры. Теперь оно поможет обосноваться в Гранди.

Мой план – поскольку, конечно же, у меня был план – состоял в том, чтобы бесцельно жить в Гранди, так сказать, плыть по течению год. Моя замечательная работа в Гольфсайде менеджером по рекламе совсем меня не вдохновляла. Я не уходила домой в конце дня с мыслями «Надо же, а я и вправду сегодня сделала кому-то доброе дело».

Хотелось понять, чего я хотела от жизни, когда не делала выбор назло. У меня было достаточно средств, чтобы в комфорте жить год или два, пока я размышляла. И если за год справлюсь, то заплачу первый взнос за дом Майерса, найду работу, и пущу корни. Если нет, всегда оставался Вашингтон и Нью-Йорк. Вот черт, да я бы и в Обезьяньей брови, штат Кентукки, жила, если бы

нашла там свое место.

вернуться

6

Пирог из чили кон карне и кукурузных чипсов.

вернуться

7

Кэроб - сладкий порошок из мякоти плодов (стручков) рожкового дерева. По вкусу кэроб-порошок немного напоминает какао-порошок, только очень сладкий.

Этот город существует на самом деле. Я его проезжала.

Из всех я буду скучать только по Каре, так получилось, что только ей и почтовому клерку я оставила свой новый адрес. Расстроенная, но точно не удивленная моим шагом, Кара заставила пообещать писать по электронной почте каждый день. Точно, нужно узнать, как жители Гранди выходят в мировую паутину.

Да, было трусостью сбежать из дома тогда, когда родители поехали за город на конференцию, посвященную правам человека. Требовались радикальные меры, что я и сделала, хоть желудок инстинктивно сжимался от чувства вины и раздражения - обычное дело, когда общаешься с родителями. Но я избежала сцены с водопадом слез, которой боялась. К тому же, мамуля постоянно повторяла, что мне нужно быть более непредсказуемой.

И вот в темноте, натянув до подбородка стеганое одеяло рук Яи Ванштейн, я мысленно составляла списки. Что сделать, что купить, что распаковать. Думала, как переставить мебель в домике. Решала, какие блюда приготовлю сразу после того, как избавлюсь от оставшейся дохлой рыбы в кухне. Мечтала о долгих ночах беспробудного сна, не прерываемого постоянными звонками заботливых предков. Надеялась, что буду счастлива или, по крайней мере, довольна жизнью в Гранди.

Я резко подскочила - за моим окном раздавалось истошное бляение, сопровождаемое треском продирающихся сквозь чащу тел. У меня голова пошла кругом, и я пулей выскочила из постели, совершенно дезориентированная в темноте. Впечаталась в прикроватную тумбочку, непослушными пальцами нащупала очки, надела их и поплелась, спотыкаясь, к двери. Точнее туда, где располагалась дверь в спальню в моем старом доме. Я ударилась лбом о стену. Сыпля проклятиями, я кое-как пересекла гостиную и добралась до входной двери. Распахнув ее, я ожидала, что найду раненую овечку, запутавшуюся в колючей ежевике. Как овца могла туда попасть, я даже не задумывалась, но я же была полусонная.

Мое зрение приспособилось к темноте. Луна такая полная и ясная, отбрасывала достаточно серебристого света, чтобы предметы обрели очертания. Прямо на границе леса, меньше чем в шести метрах от моей двери, лежал раненый лось, тяжело дышащий и крайне испуганный.

Кровь хлестала из раны на шее, образуя черную блестящую лужу на траве. Над ним вздымался наигромadнейший черный волк из всех, мною виденных.

Не думаю, что он почувствовал мое присутствие. Волк всецело сосредоточился на своей умирающей добыче. Я ахнула, отступив в тень дома, но почему-то не смогла закрыть дверь. Волк зарычал, его гигантские челюсти почти сомкнулись на горле лося.

Недолго думая, я заверещала:

- Нееет!

Волк вскинул голову. Его широко раскрытые от удивления глаза, неземного сине-зеленого оттенка, полыхнули праведным гневом.

Черт!

Лось, воспользовавшись тем, что волк отвлекся, еле встал на ноги и, спотыкаясь, ломанулся через чащу. Хищник сузил глаза, словно безмолвно ругая меня за то, что помешала ему. Я тоже пялилась на него, и когда наконец смогла онемевшими пальцами нащупать дверную ручку, повернула ее и влетела в дом. В панике я спрашивала себя, какой прок от запертой двери, если громадному волку ничего не стоит сломать такую незначительную преграду?

Через окно я видела, что он взирает на дверь. Я затаила дыхание, нервно пытаюсь вспомнить, что в доме сгодится для оружия. Кочерга? Лосиные рога, висевшие над камином, были даже своего рода кармическим правосудием над этой тварью. Внезапно волк наострил уши, наверное, услышал лося, продиравшегося через кустарник. Издав нечто похожее на гневный рев, волк помчался в лес, преследуя свою истекающую кровью трапезу.

Я рухнула на колени и подползла к кровати, зная, что ночью глаз не сомкну.

Глава 3

«Как оттяпать палец». Руководство для чайников

Бар «Голубой ледник» совмещал в себе сельский магазинчик, где продавались самые разнообразные товары, ресторанчик и кабаk. Слово сбылась моя мечта, и «У Стаки» [8] стали подавать выпивку.

Только после того, как избавилась от последней рыбины в домике и вернула пустой трейлер местному представительству компании, я позвонила родителям. Никто не взял трубку. В автоответчики они не верили и полагали, это логично: раз к телефону не подходят – значит, никого нет дома. Хотя были в курсе, что на свете имеется такая штука. Очередной вынос мозга откладывался на несколько часов, и настроение заметно улучшилось. И я проголодалась.

Проезжая по городишку, я вновь поразила отчаянным усилиям людей поддерживать здания в исправном состоянии. Все до одного сооружения были заняты. Каждый квадратный метр внутреннего пространства подо что-то использовался. Мистер Гоган рассказывал, что, даже если бизнес прогорал, демонстрационный зал, тот, что с выходом на улицу, занимался под склад, импровизированную церковь или дополнительный класс для средней школы. Плохая погода и большие расходы на поставку стройматериалов не давали Гранди расширяться, поэтому кощунственно было позволять простаивать драгоценным пустым помещениям.

На Юге, где дожди сменялись удушающей жарой, с течением времени упадок зданий был

предсказуем. Отходя от дел, люди замораживали бизнес и оставляли его словно некий музейный экспонат под присмотром недобросовестного управляющего. Обычное дело – проехать по городской площади и увидеть заброшенную заправку с нетронутыми знаками самообслуживания, подставку с истлевшей жвачкой рядом с кассой, гниющие дома с потрескавшимися серыми стенами, заросшими кудзу – вьющимся сорняком, а неподалеку новехонький трейлер. Довольно угнетающее зрелище. Я поняла, что мне приятны преемственность и бережность – особенности моего нового дома, и восхитилась старинной резьбой на двери в «Ледник».

Хотя магазин «У Ханнигана» и снабжал молоком, яйцами, овощами и фруктами, мужское население Гранди во второй половине дня предпочитало подтягиваться в «Голубой ледник», где продавались бакалейные товары, и можно сыграть партию в бильярд или просто понаблюдать за игрой. Обеденный зал освещался послеполуденным солнцем, проникающим через гигантские панорамные окна. В дальнем конце стояла огромная дровяная печь из черного металла, казавшаяся центральной фигурой комнаты, придавая ей обжитой и подомашнему уютный вид. Обшитые деревянными панелями стены были украшены вперемешку неоновыми пивными этикетками и изображениями дикой природы. От запаха картошки, жарящейся на арахисовом масле, у меня потекли слюнки.

В салуне было многолюдно и шумно – обед все-таки. Казалось, что обрывки разговора и взрывы смеха доносились из всех углов. Большинство моих новых соседей носили плотные фланелевые рубашки и изношенные походные ботинки. Порой мелькали костюмы и галстуки местной интеллигенции – дипломированных специалистов вроде Нейта Гогана и управляющего банком мистера Риггинса. Однако в основном это была толпа рабочих. Очень разношерстная многонациональная толпа, но их объединяло одно – буквально все излучали силу и стойкость. Обвалились крыша или забреди сюда через парадный вход медведь, подозреваю, все до единого точно разберутся, что делать. Подумалось, стану ли я когда-либо настолько уверена в собственных силах, чтобы справиться со всем самостоятельно.

Я представилась владелице, Эви Дюшан. Эви была неброской красавицей с большими карими глазами и прямыми волосами цвета воронова крыла, аккуратной косой струящимися по спине. Кожа орехово-коричневого цвета и невероятно гладкая. Муж Эви Базз оказался огромным белокурым великаном – эдакий человек-гора. Не сомневаюсь, что свое прозвище он заработал из-за короткой военной стрижки под «ежик». Базз напоминал наглядное пособие по рисованию «Как изобразить угловатое лицо» - худое вытянутое с квадратным подбородком и почти плоской головой. Видно, что от жены он без ума. Каждый раз, когда смотрел на нее, на его лице, подобно вареной патоке, растекалась теплая глуповатая улыбка.

вернуться

8

«У Стаки» - фирменная сеть кафе и магазинов.

С минуту поглазев на ничем не примечательные бургеры на поцарапанной сосновой буфетной стойке, я заказала сэндвичи с индейкой и принялась болтать с Эви. Она знала, кто я, стоило мне переступить порог. Нейт Гоган постоянно обедал в салуне и очевидно рассказал о своей новой клиентке во всех подробностях – вот тебе и право на личную жизнь. Я могла бы возмутиться такому вмешательству, но Эви из тех людей, которым волей-неволей выкладываешь всю подноготную о себе. Один ее вид располагал и успокаивал, заставлял

чувствовать себя легко и непринужденно. Незаметно для себя я уже рассказывала ей про бессонную ночь и историю с волком. Она ответила, что это обычное дело, и местному скоту да мусорным бакам иногда доставалось от волков, но они, как правило, убегали, сталкиваясь с человеком. Особенно когда тот держал ружье.

Несколько раз наш разговор прерывался подходившими ко мне представиться местными. Ладушки, местными мужчинами. Крупные, грузные, в большинстве своем небритые, они были вежливы, даже учтивы, непонятно откуда возникали рядом со мной и предлагали оплатить обед, сходить за пивом или, как Абнер Голайтли, просто нагло флиртовали. Абнер Голайтли, восьмидесяти семи лет от роду, был самопровозглашенным старателем наших дней и напоминал мне Блю из «Старой закалки». Ни за что на свете не признаюсь, что видела этот фильм... или что скупил все работы Уилла Феррелла на дивиди. Даже «Колдунью».

Абнер убеждал меня, что если я перееду к нему в домик на окраине, то мои ножки всегда будут в тепле, а сиденье унитаза опущено. Я поблагодарила его за заманчивое предложение. Он подмигнул Эви и поковылял к своему бургеру до того, как очень симпатичный учитель химии из средней школы Гранди пригласил меня выпить с ним пива. Я пока что отказалась.

Нечто в том, как все эти мужчины подходили знакомиться, заставило меня сравнить себя с оцениваемой племенной кобылой. В наследство от папули мне досталась густая угольно-черная шевелюра, которую я обрезала два года назад, с треском проиграв пожизненную борьбу с влажностью Миссисипи. Кара утверждала, что я стала похожа на стриженного ангелочка, а короткие пряди на макушке в стиле пикси-панк компенсировались высокими скулами и милым ротиком с чуть более пухлой верхней губой, унаследованной от матери, и большими скорее серыми, чем голубыми, глазами, доставшимися мне не пойми от кого. Но все-таки казалось, что мои потенциальные женихи думали больше по следующей схеме: Грудь? (Имеется). Признаки жизни? (Не обязательно, но есть).

Даже несмотря на неугомонных старичков, я не рассматривала возможность закрутить роман в Гранди. Во-первых, я не знала, как долго пробуду здесь. Во-вторых, не имела ни малейшего понятия, из кого тут выбирать. Правда, мистер Гоган не обманул: выбор оказался широк и разнообразен. Мой послушной список состоял из отношений, которые после расставания можно было упаковать в маленькие аккуратные коробки. Без взаимных обвинений и сжиганий вещей. От большинства бывших я регулярно получала рождественские открытки. А что я буду делать, если застряну на всю зиму – пристыженно избегать тех, с кем не сложилось? К тому же моя внушительная коллекция презервативов из комода на время переезда была поручена Каре, которой они скорее понадобятся, когда она в одиночестве ринется покорять ряды мужского населения Миссисипи.

- Это такой сценарий «как перепихнуться с незнакомкой»? – спросила я Эви после того, как Леонард Трамбле предложил мне наглядно продемонстрировать, как «хорошо провести время». Эви помотала головой и, когда поклонник отчалил с добродушной усмешкой, предупредила меня, что под «хорошо провести время» подразумевалось раскошегарить самодельную джакузи на его заднем дворе. Я хотела спросить, как такое вообще сделать, но выражение лица Эви говорило, что лучше мне не знать.

Она ухмыльнулась.

- О, милая, ты более-менее привлекательна, и зубы все свои. Ты самая горячая штучка, которую видел этот городок с тех времен, когда Хербу Торпу удалось поймать полузакодированный «Синемакс» по спутнику.

- Не пойму, зачем добавлять «более-менее», но спасибо, - пробормотала я и отхлебнула колы. - Вот почему ваша официантка метает в меня убийственные взгляды.

Линетт, официантка и уборщица по совместительству, выглядела типичной «соседкой», если конечно вам довелось жить рядом с борделем. Когда-то она была довольно красива, но в погоне за очередным развлечением быстро состарилась. Волосы выкрашены в непонятный бледный оттенок. Слишком яркая помада подчеркивала начавшую проявляться сеть «паучьих лапок» вокруг рта. Тазовые кости выпирали под потертыми джинсами. Позже я узнала, что даже при минусовой температуре она под паркой носила коротенькие топики ... к тому же девица отличалась наглостью.

- Не обращай внимания на Линетт, - посоветовала Эви, закатив глаза. - Много лет назад она убедила себя, что при любых обстоятельствах должна быть самой горячей штучкой из присутствующих, и не упускает возможности доказать это. Для официантки качество прекрасное. Чаевые она получать умеет. Но то, что все парни в баре заговаривают с тобой только, чтобы услышать твой акцент, наверняка взбесило ее до чертиков.

- Вот почему они все просят меня сказать «айс»? - спросила я немного раздраженно. Я много лет работала, чтобы сгладить свой акцент - смесь легкой тexasской гнусавости мамы и плавной, тягучей манеры речи моих одноклассников. Мне казалось, что я преуспела в этом и включала «южанку» только от волнения. Я проворчала: - Кстати, для меня вы все звучите как канадцы.

- Просто наслаждайся. Это легкий, ни к чему не обязывающий флирт. Не стоит беспокоиться о серьезных намерениях, пока они не начнут предлагать мясо.

Я выгнула бровь.

- Это какое-то пошлое двусмысленное выражение?

Темные глаза Эви заблестели.

- Нет, настоящее мясо. Традиция в стиле Гранди - крутой мачо-добытчик и все такое. Этим они сигнализируют тебе, что не прочь свить гнездышко, так сказать. Повадки пещерных людей, но в то же время так мило. Когда местный кавалер предлагает тебе жареный ростбиф, знай - это предложение серьезных отношений.

- Надо же! - воскликнула я. - На этом прошу меня извинить.

Я соскочила с барного стула и направилась в уборную, когда зацепилась ногой за выступающую половицу и упала на мужчину-шкаф, стоявшего позади меня. Ощущения такое, будто все тело охватило пламенем. Щеку покалывало там, где я касалась его груди. Меня опалил жар от его надежных рук, обжигающих даже через рукава рубашки.

Я воскликнула что-то вроде «уф!» и посмотрела вверх. Эти глаза лишили меня дара речи - такие же волнующе сине-зеленые, как те, из леса, что ошеломили прошлой ночью. Отмахнувшись от смазанного из-за сна воспоминания, я попыталась вежливо улыбнуться.

- Мо, познакомься с Купером Грэхемом. Купер, это моя новая подруга Мо, - смущенно сказала Эви.

Я сглотнула готовые потечь слюнки. Первое, на что я обратила внимание - большие глаза, бездонного лазурного оттенка, а также острые скулы и тонкий длинный нос, очевидно

сломанный в юности. Волосы казались и темно-каштановыми, и черными, не дотягивавшими до «конского хвоста», но слишком длинными и выбивающимися из-под выцветшей бордовой бейсболки.

Купер определенно такой парень, с кем я займусь сексом на первом свидании. Темный, опасный, мускулистый. Капец, столкнуться именно здесь с личным секс-криптонитом – а предохраняться нечем.

Купер блеснул белозубой улыбкой и поставил меня на ноги. У него были самые большие руки, которые мне довелось только видеть. Мне стало интересно, каково это – чувствовать их на своей коже, и сомкнуться ли кончики его пальцев, положи он обе руки мне на бедра. И везде ли он такой большой...

Пока я в полуобморочном состоянии пожирала парня вождедеющим взглядом, Купер спросил у Эви хриплым серьезным тоном:

- В отпуске?

Очевидно, он не станет утруждаться, обращаясь ко мне лично.

- Свежая кровь, - криво усмехнулась Эви, покачав головой. - Мо сняла дом Майерса. С правом выкупа.

- Уже слышал эту песню раньше, - прогрохотал Купер. Его улыбка стала коварной и не шибко дружелюбной. Он поджал губы и выдохнул, затем насмешливо адресовал мне: - Попробуйте яблочный пирог с изюмом, приготовленный Эви. Он изменит вашу жизнь.

Я приподняла брови, когда Купер развернулся и пошел к концу стойки без единого слова. Я заметила, что большинство посетителей встречали хлопками по спине и вольными шуточками о трудовой этике или размере члена – Купера же не беспокоили. Но и холодный прием не оказали. То есть несколько человек кивнули ему, здороваясь. Однако ощущалась некая дистанция, подчеркнутое отсутствие панибратства с остальными местными. За исключением Линнетт, которая тут же под предлогом заказа нарисовалась у его стула, демонстрируя свои кости.

Я повернулась к Эви:

- Я его чем-то оскорбила?

- О, Купер всего лишь... ну, чертовски неприветлив, но он семья, так что придется терпеть его, даже если никто другой не станет. Он мой кузен со стороны матери, мы вместе выросли в Кресент-Вэлли, - сказала она, качая головой. - У него свое мнение о чужаках, приезжающих сюда. Только не вздумай при нем сказать «пообщаться с природой», иначе он тут же разразится гневной тирадой.

На собственном опыте мне нечасто приходилось сталкиваться с подобным, но я читала об отношении жителей Аляски к чужакам, всеобщем недоверии и раздражении к людям, которые переезжали к ним домой в поисках мира и натуральных продуктов с собственной грядки. Можно прожить там двадцать лет и по-прежнему считаться чужаком. Мистер Гоган предупредил, что местный почтальон, Сьюзен Куин, не станет утруждаться и доставлять мне почту, пока я не перезимуем тут хоть раз. Так что забирать почту придется самой. Сьюзи Ку, как называли ее в округе, была малость с причудами, но тут, по ходу, все такие. У этой платиновой блондинки, стараниями краски для волос, стиль был еще тот – деревенским видком

она перещеголяла саму Долли Партон [9]. Сьюзи носила ковбойские рубашки в облипку, обтягивающие и без того выдающиеся формы, и каждое утро рисовала на щеке мушку. Однако в работе она оставалась профессионалом своего дела, если не обращать внимания на такую мелочь, как такса Оскар, которую любящая хозяйка пускала в почтовое отделение за компанию.

Я снова украдкой глянула на Купера, пытаюсь проследить границы зоны отчуждения, которую тот, кажется, возвел вокруг себя. Ближе тридцати сантиметров никто не подходил, размещая ли заказы на стойке или передавая кетчуп – все от него шарахались. Опять же, кроме Линнетт, о намерениях которой преодолеть эту зону не говорил бы красноречивее и рекламный щит с лозунгом «Раздеваюсь за десять секунд!». До сих пор всей реакцией Купера на подобные попытки было редкое равнодушное хмыканье.

Ну просто душка.

- Нужно только пережить первый снегопад, и Купер даже, возможно, заговорит с тобой, почти не закатывая глаза, - сообщила Эви голосом, полным надежды.

Я пробурчала:

- Какое счастье, обалдеть! Знаешь ли, в Миссисипи были зимы.

Эви сочувственно покачала головой.

- Нам даже приходилось носить одежду с длинными рукавами, - убеждала ее я, но, похоже, не впечатлила новоиспеченную подругу.

- Черт побери! – заорал из кухни Базз.

Я выпучила глаза, однако остальные, однако, совершенно не обратили внимания на крик, поглощая обед. Эви заметила мое состояние, улыбнулась чему-то, известному только ей, и закатила глаза.

- Мой муж – поэт.

Но затем кто-то позвал ее громким шепотом, вероятно, чтобы не беспокоить клиентов:

- Эви! Тут нужна твоя помощь.

Долговязый подросток-азиат в заляпанном переднике вышел из-за угла, таща за собой бледного Базза. Рука последнего была обернута белым кухонным полотенцем, уже пропитавшимся кровью. Тревога омрачила лицо Эви.

- Пит, что случилось? – Хриплым от беспокойства голосом спросила она. Я молча обошла барную стойку и помогла Питу удержать Базза. Мы отвели его на кухню и усадили на ящик консервированной фасоли. Я аккуратно подняла руку пострадавшего над его головой, чтобы Эви смогла размотать ткань. Мельком взглянув на рану, поняла, что, наверное, мне тоже стоит присесть.

- Всего лишь небольшой несчастный случай, - пробормотал Базз, морщась от боли.

Бедняга Пит начал тархтеть. От паники перед видом крови или из страха потерять работу – понятия не имею. Он лепетал:

- Мы ждали, когда поджарится картошка фри, и немного заскучали. А ты знаешь, Базз только получил новые ножи и стал хвастаться ими, пытаюсь убедить, что они настолько острые, что могут резать пивные банки, а ему: «Да ладно!», а он такой: «Я тебе докажу...»

- Джон Мэтью Дюшан, ты пытаешься сказать, что, отмотав два срока службы и вернувшись невредимым, искалечил себя, пытаюсь располосить пивную банку? - потребовала Эви.

Услышав свое полное имя, Базз смутился... и позеленел.

- Дело плохо, - сказал Пит. - Нужно немедленно отвезти его в клинику.

- Я отвезу, - сказала Эви, стаскивая фартук через голову, и потянулась за сумочкой.

- Сейчас самый наплыв посетителей, - запротестовал Базз. - Вы не можете уйти вдвоем. Я сам доеду.

- Ты на ногах еле держишься, - отрезала Эви. - Я отвезу тебя. Пит может постоять за стойкой.

- Один? - паникуя пискнул Пит. - Эви, ты же знаешь, что происходит, когда ты отлучаешься. Гомер Перкинс придирается к еде, вопит, что я неправильно принял у него заказ и бросается в меня вещами.

- Ну-ну. - Эви похлопала его по руке. - Это было всего один раз.

- Топорищем!

Эви поцеловала Базза в лоб.

- Ладно, я останусь тут, а Пит отвезет тебя к врачу.

- Хорошо, если я заберу с собой Пита, то кто будет готовить? - поинтересовался Базз.

Хозяйка салуна пожевала губу.

- Эви на кухне настоящая катастрофа, - заговорщицким тоном объяснил мне Пит. - Как-то устроила пожар, когда варила яйца.

- Но Купер советовал попробовать ее пирог, - шепнула я. Эви была слишком занята Баззом, чтобы обращать на нас внимание. - Говорил, это изменит мою жизнь.

- Ну, если застрять в отхожем месте на неделю, то жизнь наверняка изменится, - признался Пит.

У меня отвисла челюсть, и я сердито уставилась на Купера. Ну что ж, понятно: он та еще задница. Определенно все закончится тем, что я с ним пересплю.

Я припомнила, что значилось в меню: типичная американская еда почти без изысков. Бургеры. Жареная картошка. Блины размером с крышки. Бекон. Яйца. Стейк, стейк, много стейков. Я готовила все это и даже больше в «Тэйст-энд-Гриль».

- Я могу помочь, - обратилась я к Эви. Слова сорвались с губ прежде, чем я осознала значение поставленной задачи. Я оглядела кухню и увидела готовые булочки для гамбургеров и нарезанные овощи. Несколько заказов уже начинали пригорать на гриле. - Еще в школе я работала в авто-кафе. К тому же основная часть работы сделана, мне остается только наделать

блюد быстрого приготовления.

Лицо Эви затопила волна облегчения.

- Правда?

Базз не сильно стремился отдавать контроль над драгоценным грилем.

- Право, Эви, думаю, я буду в порядке, только... - Он поднялся, но побледнел, а на лбу выступили бисеринки пота. Храбрец оперся на Пита и сказал: - Ага, сейчас мне врач не помешает.

Купер, который едва избавился от приставучей Линнетт, помешавшей ему немедленно помочь после несчастного случая, смог оказаться по другую сторону стойки прежде, чем Базз рухнул наземь. Схватив того за локоть, он удержал родственника в вертикальном положении, чуть ли не болтающегося на здоровой руке.

- Эви, хочешь, я поеду? - спросил он хриплым баритоном. - Пит не удержит Базза, когда его попытаются заштопать.

Эви закусила губу.

- А ты сможешь, Купер?

- Базз боится иголок, - доверительно поведал мне Пит. - Просто с ума сходит от уколов. Доктор Гордон подойти не успевает, как летит через комнату, когда нужно ввести противостолбнячную сыворотку.

Купер проигнорировал Пита и ответил Эви, пожав плечами:

вернуться

9

Долли Ребекка Партон — американская кантри-певица и киноактриса.

- Конечно. В противном случае все кончится тем, что позже придется вытаскивать Базза из тюрьмы, когда он разнесет клинику.

Под строгим взглядом Эви, сдобренным поцелуем, Базз был спроважен в больницу. Она вернулась на свое место за барной стойкой с чистым передником и спокойная, чего я и предположить не могла еще несколько минут назад.

За исключением лужицы крови, кухня оказалась стерильно чистой. Я натянула резиновые перчатки и обработала дезинфицирующим средством все поверхности, которые могли пострадать от несчастного случая. Тщательно вымыв руки, уменьшила огонь под громадной сковородой в надежде спасти большую часть из того, что наготовил Базз. Помимо армейской стрижки, военные привычки Базза распространялись и на организацию работы кухни. Во всем. Так что сориентировалась я легко.

Сверившись с накопившимися заказами, сообразила две порции стейков, яичницу и горячие бутерброды с тунцом. Следующие несколько часов слились в сплошные полные тарелки и

приятное потрескивание жира. Забавно, как быстро мои руки вспомнили летнюю работу в гриль-баре. Звуки и запахи не изменились. Только шум разговоров теперь доносился не из окон машин у авто-кафе. Несколько клиентов были так довольны своим обедом, что забросали Эви вопросами о «той новой девочке у плиты». Постоянно занятая заказами, я могла не высовываться и притвориться, что не слышала.

Пит позвонил отчитаться, что Базз перерезал сухожилие пальца, и нужно ехать в ближайшую больницу за двести километров в Дирли к хирургу. Эви восприняла это довольно спокойно и попросила помочь с ужином. Мы справились с обеденной текучкой, а перед ужином ожидалось затишье на два-четыре часа, затем повалит народ. Гриль-бар закрывался около шести, когда буфетная стойка превращалась в барную. Ночные завсегдатаи больше интересовались спиртным, чем бургерами.

Когда Бен, ночной бармен, заступил в смену, мои ноги гудели, свитер загублен брызгами жира, а руки по локоть в обмывках. Сев на ящик с фасолью, Эви достала бутылку с ледяным чаем и вздохнула:

- Я люблю Базза, но честно, о чем, черт возьми, думают мужики, когда вытворяют такое?

Я хмыкнула, протирая стойку.

- Не знаю, но думаю, что после слов «это будет круто» мозг у них отключается.

Эви улыбнулась и закрыла глаза. И распахнула через несколько секунд, когда зазвонил телефон.

- Базз? – спросила она, ее голос был на грани, словно только сейчас она наконец позволила себе волноваться о муже. Я отвернулась, дав ей минутку на личную беседу и слышала тихий торопливый разговор, признания и угрозы самым нежным мужским частям Базза, если он вздумает когда-либо повторить подобное. Я улыбнулась про себя, однако сосредоточилась на мытье посуды. Со вздохом Эви повесила трубку.

- Они переночуют в Дирли. Базз в порядке, ловит кайф от болеутоляющих. Врач сказал Куперу, что пройдут месяцы, прежде чем рука Базза полностью восстановится. – Ее поза и лицо выражали облегчение и беспокойство одновременно. – Он одеваться сам не сможет, какое там готовить.

- О, Эви. Мне так жаль. Но я уверена, что Пит может взять на себя кухню, пока Базз не поправится.

- Пит неплохой помощник. И яйца разобьет, и овощи нашинкует, хотя, думаю, после сегодняшнего придется убрать подальше острые предметы от них обоих. Но я не могу доверить ему кухню, - ответила она, и между ее бровями пролегла тонкая складка. – Он ненадежный. Паникует, когда заказов целая прорва, и не раз, плача, сбежал из кухни.

Я пожала плечами.

- Ну, может, если он будет под руководством Базза...

- Именно из-за руководства Базза Пит и сбежал из кухни в слезах, - объяснила мне Эви. – Мо, а как тебе идея поработать тут? На полную ставку, пока Базз на больничном? Может, возьмешь на себя выпечку?

- Но ты едва меня знаешь, - запротестовала я. - Еще утром мы не были знакомы.

- И то, что я увидела, мне понравилось: ты не падаешь в обморок от вида крови, готова прийти на помощь незнакомцу и прекрасный повар. Ты несколько раз могла стащить чаевые из банки, но не взяла и цента- это больше, чем я могу сказать о нескольких своих работниках.

Я поджала губы и задумалась. Первоначально я планировала наслаждаться жизнью в Гранди, но не могла не признать, что день выдался довольно интересным. Мне нравилось находиться в кухне. Я чувствовала себя частью заведения, и в то же время была наедине с собой. И мне понравился салун, дружелюбные голоса и болтовня. Нравилась компания Эви. Словно я потихоньку сближалась с местным населением.

Мамуля всегда говорила, что ничего не случается просто так. Правда, она еще уверяла, что частое окрашивание волос и использование стиральных порошков вызовет мутации моих хромосом. Но сейчас я готова задушить ее в объятиях за ярое отвергание случайных совпадений. Может, мне суждено обосноваться в Гранди. Может, мне суждено было оказаться у буфетной стойки, когда Базза потянуло на дурацкую демонстрацию своих драгоценных ножичков «Гинсу». Быть может, это мое место.

Я с улыбкой повернулась к Эви:

- Думаю, идея замечательная.

Глава 4

Яду мне, яду

Я и забыла, как могут гудеть ноги после рабочей смены на кухне. А также о том, что, в конце концов, возникает чувство, будто даже контактные линзы покрылись пленкой жира. Даже рабочую одежду пришлось держать в кладовке, чтобы остальная не пропиталась запахом. Но я была счастлива.

У меня установился распорядок дня. Каждое утро я вставала, натягивала самые удобные ботинки, выкидывала для птиц все остатки выпечки на задний двор и выезжала на Люсиль в город. Молва разносилась по Гранди почти как в Лиланде и уже облетела все кухни, школьные коридоры и единственный в городе салон красоты. Салун являлся социальным центром городка. Когда разлетелся слух, что там работает новенькая, число наших клиентов удвоилось.

Первые два дня у меня над душой стоял Базз. Он явно негодовал от перемен на кухне, но мало что, кроме помешивания, мог делать своей раненой рукой. Его доверие я заслужила лишь на третий день, после того как один из клиентов заплатил по счету лосятиной вместо денег, как делал ежемесячно. Я и глазом не моргнула от вида странно пахнущих, почти фиолетовых кусков мяса. Только спросила Базза, как лучше: сделать фарш для мясного рулета или замариновать в кока-коле, чтобы избавиться от душка, и приготовить жаркое. Базз пробормотал, что мясной рулет станет хорошим блюдом дня, а затем проконтролировал, как я приготовила две огромные сковородки.

- Откуда столько познаний в приготовлении дичи? - спросил он после того, как взял на пробу кусочек готового блюда и выдал «сойдет». Базз так выражал свой восторг.

- Это еще ничего. Позови меня, когда попробуешь зажарить во фритюре аллигатора. Или свиную требуху. Но требуху не советую, правда.

База передернуло.

- Спасибо, не надо.

И отошел за стойку выпить кофе и поговорить с Эви. Она поцеловала мужа в лоб, затем обернулась и подмигнула мне.

Здесь было мое место, собственное пространство. Через несколько дней соседи стали называть меня Мо из «Голубого ледника». Мне нравилось выходить из кухни, принимать заказы, разливать кофе, знакомиться и болтать с клиентами. Я не разделяла нужды и убеждения родителей. Я стала не невидимкой, а полезным членом общества и частой мишенью для добродушных романтических предложений. Попадались такие, кто вообще со мной не разговаривал, поскольку я все еще оставалась слишком «новенькой». Это было не откровенным хамством, а просто нежеланием признавать мое присутствие, пока я не проявлю характер. Но большинство городских холостяков все же предпринимали робкие попытки флирта. Это казалось довольно мило, своего рода негласное посвящение.

Прекрасная половина населения, похоже, разделилась на тех, кто видел во мне соперницу в борьбе за лучших представителей сильного пола, типа Линнетт, которая, кроме того, чтобы проорать заказы, и словом со мной не обмолвилась, и тех, кто ошалел от счастья «разделить бремя» повышенного внимания. Например, Дэрби Кармайкл, кассирша в бакалее «У Ханнигана», когда Эви нас представила, ответила вздохом и сказала: «Еще одна? Слава богу!» Дэрби тут же поклялась мне в вечной дружбе, если я отвлеку на себя Леонарда Трамбле, но вроде смирилась, когда я отказалась.

Среди моих горячих поклонников в мехах самым упорным был Алан Далинг, лесной рейнджер США, в чьем ведении находился огромный охотничий заказник Эванстон, окружавший город. Запусти Нейт Гоган рекламную кампанию с изображением Алана, гласившую: «Переезжайте на Аляску - и встретите мужчин, похожих на него» - и Гранди наводнят одинокие дамы. Природа щедро одарила Алана кучерявой, песчаного цвета шевелюрой и большими голубыми глазами в обрамлении черных ресниц, за которые любая женщина убила бы. А накрахмаленная зеленая униформа подчеркивала крупную, прекрасную, очень высокую фигуру.

Нейт сидел у стойки с Аланом в мою первую рабочую пятницу. Когда он увидел, что я направляюсь к нему поздороваться, Нейт сорвал с Алана бейсболку и поправил ему галстук. Поглощая свой бутерброд с говядиной и плавленым сыром, Алан выглядел смущенным, пока Нейт недвусмысленно смотрел на меня.

- Мо, это рейнджер Алан Далинг, - сказал он, подталкивая Алана локтем. - Алан, это Мо Дюваль-Ванштейн - последнее и лучшее прибавление к нашей маленькой общине.

- Нейт мне все уши прожужжал о новой красивой соседке, - сказал Алан, на его щеках появились ямочки. Он улыбнулся мне во весь рот. - Вижу, что рассказы не воздали вам должного. Как ближайшее подобие городского законника, позвольте выступить в качестве официального представителя «Вэлкам Вагон». - Он протянул загорелую грубую руку через прилавок и пожал мою.

- Берегись! - предупредил Базз, который на полставки служил констеблем Гранди. Это была выборная должность, и в его обязанности входило носить значок и разнимать драки в баре. В более серьезных случаях звонили на полицейский пост штата почти в семидесяти километрах отсюда. Но поскольку большинство стычек происходили в баре, договоренность оказалась довольно удобной.

Не зная, что на это ответить, я лишь покраснела.

- Приятно познакомиться, рейнджер Далинг.

От звука моего голоса на лице Алана расцвела улыбка.

- Не возражаете, если я сяду здесь и буду слушать вас весь день?

Я улыбнулась в ответ, наслаждаясь крохотными бабочками, порхавшими у меня в животе. За исключением горячей вспышки от первой встречи с Купером, бабочки на много месяцев взяли тайм-аут.

- Хоть завладеть вниманием мужской аудитории - моя давняя женская мечта, но боюсь, что тогда сожгу много обедов.

- Ну, это стоит того, чтобы только услышать, как вы говорите мне «дарлинг», - сказал он с очередной сногшибательной улыбкой.

- Я произнесла вашу фамилию как «Далинг».

- А мне послышалось другое. У меня даже возникло желание попросить вас не называть меня Аланом. Боюсь, с вашим акцентом и готовкой, другие женщины для меня теперь не существуют, - торжественно объявил Алан. - Так что мы вполне можем перейти на «ты».

- Неа, думается, для вас теперь не существует других гамбургеров. Вам повезло, что я не хлопала ресничками. Ваша жалкая задница уже была бы моей.

- Что ж, придется возвращаться до тех пор, пока мы не убедимся наверняка. - Алан лукаво ухмыльнулся и подмигнул. - Оказывается, я ваш ближайший сосед. По прямой от вашего дома до рейнджерского поста восемь километров. Если что понадобится, только дайте знать.

На этот раз я не могла не улыбнуться со всей искренностью. Алан быстро превратился в моего любимчика среди постоянных клиентов - заигрывающие улыбки, комплименты, щедрые чаевые. Каждый день самооценка взлетала ввысь со скоростью ракеты. Поболтаешь с ним - и весь день хорошее настроение. Алан вообще являлся тогда, когда Эви была чересчур загружена другими заказами, поэтому обслуживала его я. Он всегда заказывал одно и то же: бутерброд с говядиной и плавленым сыром и кусок яблочного пирога с изюмом, который, после того, как я взяла на себя выпечку, меньше изменял жизнь. Алан садился в конце стойки, где мог наблюдать за мной на кухне. Иногда, если в обеденном зале было достаточно тихо, он разговаривал со мной, пока я работала. Мы трепались о музыке, фильмах, хобби. Словно он знал, что я не готова обсуждать большее. К сожалению, остальные клиенты поняли, что если сидеть в конце стойки, то можно привлечь внимание новой работницы, так что Алану все эти дни оставалось всеми правдами и неправдами бороться за свое место. Но было даже занятно наблюдать, как он приходит на обед уже в десять тридцать.

Я обслуживала, общалась, зарабатывала на жизнь. Каждый раз, когда мистер Гоган замечал, что я улыбаюсь клиенту, он выглядел таким самоуверенным, что я беспокоилась, как бы на его лице навсегда не застыло выражение самодовольного восторга.

«Ледник» не работал по воскресеньям, так что у меня был выходной. Я серьезно прикидывала два часа рулить до оптовки в Гидри, но поняла, что лучший способ подружиться с новыми соседями - отовариваться у местных.

Конечно, это было до того, как я увидела белый хлеб по три доллара шестьдесят пять центов за буханку.

Придется снова начать печь хлеб. И возможно молоть собственную муку. Быть может, есть свои преимущества вырасти в семье, не доверявшей магазинному глютену.

Бакалея «У Ханнигана» выглядела как обычный местный продовольственный магазин в любой точке страны, за исключением непомерных цен и большого количества продуктов, необходимых для приготовления дичи. Я толкала перед собой тележку, кидая в нее мороженое наряду с фруктами, рогаликами из цельного зерна и арахисовым маслом. Хотя я и съедала большую часть своего рациона в «Леднике», что входило в мой «пакет привилегий», все равно чувствовала необходимость запастись. Похоже, что вся первая зарплата останется в магазине.

Я повернула тележку за угол, больше обращая внимание на витрины со свежей рыбой, чем на окружающий мир, и врезалась в другую тележку.

- Вам нужно что-то делать с пространственным зрением, - проворчал Купер Грэхем где-то надо мной.

Я задрала голову. Купер не появлялся в «Леднике» с того рокового дня, когда Базз играл в «отрежь себе что-нибудь». Эви упоминала, что Купер профессиональный проводник, водит туристические группы на охоту и рыбалку в местные популярные места. Для него нормально исчезать на много дней в таких походах. Втайне я злилась, что каждое утро бесплодно оглядывала обеденный зал в его поисках. Что не мешало мне делать это, но я все равно негодовала.

Купер выглядел уставшим, под глазами залегли темные круги, которые скрывала старая бордовая кепка. Щеки запали, на лице густая черная борода. Интересно, а не болен ли он - возможно, именно недомогание держало его подальше от салуна. Но в конечном счете поняла, что это не мое дело и лучше не лезть.

- Закатываете вечеринку? - спросил Купер, разглядывая содержимое моей перегруженной тележки. Кажется, он чуть словами не подавился, словно ему буквально больно оттого, что пришлось общаться с другим человеком. Как этот мужчина водил группы людей по диким местам? Неужели они не ожидали чуточку любезности за свои деньги? Или Купер убедил их, что его грубость в стиле янки из Юкона [10] является частью впечатлений?

- Нет. - Я поджала губы и заглянула в тележку Купера, наполненную беконом, ветчиной, колбасами - от количества мяса глаза разбегались. - Сидите на диете Аткинса [11]?

Он закатил глаза.

- Нет.

Так мы и стояли, плясь друг на друга. Ну, Купер сверлил дыру у меня на голове, а я таранилась на его крупные руки с длинными пальцами со всякими грешными мыслями об остальных его размерах. Я подняла глаза и поняла, он видел, что именно я рассматривала. Я ненавидела румянец, расплывшийся по щекам, зная, что в конечном итоге он распространится на грудь и ниже, а в животе поселится неприличное тепло. Я выдохнула и попыталась силой воли согнать приток крови.

Прошло еще несколько секунд в молчании.

Купер прочистил горло:

– Эви сказала, что вам нужна помощь по дому, перетащить какое-то барахло из гаража? Уверяла, что я должен протянуть вам руку помощи.

Я выгнула бровь – единственная вещь, стоящая в моем гараже, это эллиптический тренажер. Я не смогла допереть его до дома, когда разгружала трейлер, и рассказала Эви, что мне придется заниматься спортом в гараже до тех пор, пока не найду кого-нибудь, кто поможет перетащить инвентарь. Придется потолковать с Эви о разнице в том, когда я просто болтаю, а когда действительно намеками прошу свести меня со здоровенным социопатом, горящим желанием перетаскивать тяжести. Бьюсь об заклад, она здорово забавлялась, наблюдая, как я пускаю по Куперу слюнки в первое утро.

вернуться

10

Северо-западный штат Канады, граничит с Аляской.

вернуться

11

Низкоуглеводная диета Роберта Аткинса, не ограничивает употребление в пищу мяса, рыбы, яиц, овощей, грибов.

Слава богу, я и словом не обмолвилась о «коллекции», которую везла с собой пять тысяч километров. Веселью Эви не было бы предела. Меня смело можно назвать знатоком нижнего белья. Прошлой зимой, после года жесточайшей экономии, я сделала огромный заказ в «Ла Перла» [12], поклявшись, что мамуля никогда не узнает мою страшную тайну, ведь на нижнее белье потрачено столько деньжищ, что хватило бы прокормить целую деревню Третьего мира да еще купить ее жителям козью ферму. Родительница и не знала до тех пор, пока не прошлась по моим счетам под предлогом «помочь все привести в порядок».

Из-за этого мы почти месяц не разговаривали.

Оно того стоило. Я любила красивое белье. Обожала ощущение атласа и шелка на коже. Мне нравилась мысль, что под простыми голубыми джинсами прячутся кружевные трусики за двести долларов, как те, что на мне сейчас. Белье – это личное заявление, которое не обязательно делать на весь мир. Можно быть тихоней или озорницей – кем угодно, но никто и не догадается, пока ты не покажешь... ну, или если не пострадаешь в серьезной автокатастрофе. Прожив с людьми, у которых что на уме, то и на языке, носить в буквальном смысле несколько секретиков оказалось довольно приятно.

Почти с каждым из маленьких ансамблей меня связывали приятные воспоминания. Я все еще хранила тот классический белый кружевной бюстгальтер, который надевала под платье на выпускной. Еще у меня сохранились атласные красные бикини, чуть не потерянные, с наслаждением кувыркаясь с ассистентом кафедры университета Миссисипи, чье имя я уже и не помнила. И несмотря на то, как закончилась моя помолвка, я не выбросила черный кружевной корсет, который надевала в ночь, когда Тим сделал предложение. Я не могла

думать о белье, вспоминая о мужчине, с которым оно связано, и наоборот.

Эй, как по мне, так скрапбукинг [13] настораживает гораздо больше.

Зная свои пределы в плане самоограничения, я притащила с собой всю коллекцию в Гранди, которая сейчас упакована в крепкие отдельные коробки с ярлыками, аккуратно расставленные на полках шкафа. И если бы я рассказала об этом Эви, не сомневаюсь, что та и с Купером бы поделилась. Когда дело касалось сводничества, у этой женщины отсутствовали угрызения совести.

- Там всего лишь тренажер, - ответила я ему. - Знаю, кажется глупо, что я тащила его всю дорогу. Но здесь нет тренажерки, поэтому никакого кикбоксинга, ни ракетбола. Не хотелось бы в первую же зиму набрать килограммов двадцать, так что...

- О, я не стал бы так переживать, - фыркнул Купер таким тоном, будто не ждал, что меня хватит на всю зиму, и набор веса - наименьшая моя проблема.

- Ну а вы что делаете для поддержания формы? - спросила я, прищурившись.

- Рублю лес и перетаскиваю бревна, много хожу пешком с туристами - знаете, работаю, чтобы содержать себя, - подчеркнул он.

- Точно, и вам нравится? - спросила я.

Что ж, получилось более дерзко, чем я собиралась.

Купер вздохнул, почти пыхтя от раздражения.

- Слушайте, если Эви хочет, чтобы я вам помог - я помогу. Только скажите, когда прийти.

Приказной тон и раздражение в его голосе задели меня за живое. Почему именно этот человек во всем городке заставляет меня так злиться? Были другие, еще менее приветливые. Черт, да Линнетт до сих пор звала меня «эй, ты», когда передавала заказы. Но почему-то именно встреча с Купером довела меня до белого каления.

Я рявкнула:

- Не надо. Меня и так все устраивает.

- Перестанет, когда ударят морозы и двигатель замерзнет, потому что вы не смогли загнать грузовик в гараж.

Я выдала свою самую сахарную улыбку:

- Ну, я не хочу доставлять вам неудобства. Уверена, что смогу попросить еще кого-нибудь помочь. Алан Далинг вроде как вызвался добровольцем.

Ноздри Купера раздулись при упоминании рейнджера.

- Что ж, тогда, полагаю, все улажено.

- Наверное. Но все равно спасибо.

Я объехала Купера, пытаюсь управлять тележкой без резких движений, не теряя чувства

собственного достоинства. Я поменяла свой маршрут вдоль полок с продуктами, сознательно избегая Купера, пока мы опять не встретились, одновременно вырвав к очереди. Дэрби Кармайкл косилась на меня, пока я пялилась на Купера, которого молодая продавщица рассчитывала на второй кассе.

- Почему в твоём взгляде на Купера написано «попробовать овцебыка и умереть»? - спросила она, когда он вышел из магазина.

- Это такой оборот речи? - не поняла я.

- А ты когда-нибудь его пробовала? - поинтересовалась она.

- Нет, - призналась я. - Знаешь, как с некоторыми людьми бывают терки? Так вот, Купер моя личная наждачная бумага.

- Он со всеми так, - заверила меня Дэрби. - Не принимай на свой счет. Некоторые рождаются с шилом в заднице. В случае Купера, оно торчит в бок.

- Что ж, спасибо за веселую картинку.

- Знаешь, что по-настоящему сведет его с ума? - спросила Дэрби, и в ее глазах заплясали чертята. - Свидание с Леонардом Трамбле.

- Хорошая попытка, Дэрби.

- Ну не можешь же ты осуждать девушку за настойчивость.

Так уж сложилось, что когда я расстроена, то занимаюсь выпечкой. Или мне скучно... или у меня ПМС... или сегодня вторник. Короче, я использую любой предлог.

Придя домой, я распаковала пакеты и испекла шесть десятков шоколадных шахматок, чтобы взять завтра на работу. Шахматные пирожные южное лакомство, вариация шахматного пирога - выпечки с заварным кремом, где как загуститель вместо обычной муки использовалась кукурузная крупа. И когда я воспользовалась секретным рецептом Ребы Рейнольдс, то получилась своего рода смесь шоколадного кекса и чизкейка. Взрослые мужики плакали от счастья, попробовав мои шахматки.

Я прямо-таки горжусь своими кулинарными способностями.

Я собиралась сразить Базза и Эви наповал и убедить изменить меню «Ледника». Пирожные стали бы первым залпом. Не то чтобы еда в салуне была плохой, просто немного примитивной.

Ладно-ладно, я надеялась убедить их изменить меню, потому что мне скучно. Но Эви уже позволила мне внести кое-какие дополнения, например, помимо соли добавлять специи в смесь для бургеров. Правда Баззу, каждый день с кислой миной сидящему за стойкой, она никогда не признается, что клиентам моя стряпня нравится больше, чем его.

Я планировала предложить начать с малого: супы, омлеты с разными начинками, расширить десертное меню. Мы бы подавали хорошие, полезные обеды, после которых я в конце дня не пахла бы, как Рональд МакДональд.

Оставив последнюю партию пирожных остывать, я включила компьютер и обнаружила, что местная телефонная компания наконец предоставила мне доступ в Интернет. На удивление, скорость оказалась приличной, учитывая на какое расстояние пришлось тянуть кабели. В ящик на «Хотмэйле» во входящих пришло двадцать три новых сообщения. Четыре из них от Кары.

«Мо, я знаю, что пару дней у тебя не будет электронной почты, так что писать бессмысленно, но я уже скучаю. Это странно. В последние годы мы жили за сотни километров друг от друга, но теперь, мне кажется, стало хуже, когда между нами целый континент. Я все думаю: «Я должна позвонить Мо и рассказать ей это», но затем вспоминаю, что во-первых, ты больше не у себя дома, и во-вторых, мало того, что ты сменила место жительства, так выбрала для этого другой конец гребанного полушария.

Итак, как я провела последние дни: ужасное первое свидание во вторник вечером с тем парнем из тренажерки. Оказывается, его потливость не связана с долгой тренировкой на беговой дорожке. Думала, понадобится полотенце, когда он обнял меня, пожелав спокойной ночи. Вечером в среду проходило заседание книжного клуба, но книгу я не осилила. Чего лукавить, я вступила в клуб ради бесплатного вина и легкодоступных мужчин. В четверг я бросила книжный клуб и записалась в новый спортзал. Так что да, неделя была очень продуктивная.

вернуться

12

Ла Перла - итальянский бренд, специализирующийся на производстве женского белья и купальников.

вернуться

13

Скрапбукинг — вид рукодельного искусства, заключающийся в изготовлении и оформлении семейных или личных фотоальбомов.

На выходных у папы день рождения, я поеду домой, вот и будет возможность сообщить новости о твоём переезде. Уверена, мама и папа порадуются за тебя.

Пожалуйста, позвони или напиши, когда сможешь. С любовью, Кара».

Я фыркнула. Мать Кары обычно называла нас Черепаха и Заяц. Мы двигались с разной скоростью, но в конечном итоге достигали одного и того же места. Кара крошечная блондинистая динамо-машина. Я же - ужасно высокий сторонний наблюдатель. Вы подумаете, что учеба в одном классе, работа и совместное проведение всего свободного времени посеют разногласия или периодические язвительные перепалки между двумя совершенно разными девочками-подростками? Но мы с Карой пропустили все болезненные периоды развития дружбы. Кажется, она никогда не возражала против того, что я буквально поселилась в ее доме, отнимая время и внимание ее родителей. Со своей стороны Кара настаивала, что я не знаю, во что ввязываюсь, и ее родители навязчивые и властные, хоть и в меньшем масштабе, чем мои. Но я никогда не забуду готовность Джона и Ребы Рейнольдсов принять «ту девчонку хиппи» в своем доме, несмотря на пересуды и сплетни соседей. Я целую жизнь прожила среди людей, превозносивших разделение и жертвования, и все еще благоговела перед щедрыми

душами Рейнольдсов.

Пролистав ее еще более безумные письма, я щелкнула по сообщению, которое пришло сегодня утром.

«Мо, не знаю, работает ли твоя почта или у тебя проблемы с выходом в Интернет, а может тебя медведь-гризли сожрал. Давай, женщина, мне нужны все подробности. Как прошел переезд? Как тебе дом? Нравится в Гранди? Познакомилась ли с хорошими людьми? Есть ли магазины в городке? Может нужно, чтобы национальная гвардия перебросила тебе по воздуху диет-колу и карамель? Если до пятницы ты не отзовешься, я позвоню тебе, и плевать на роуминг. С любовью, Кара. P.S. Не заставляй меня давать твой новый адрес твоей матери».

Хихикая, я набрала номер Кары на мобильном. Мой оператор связи поддерживал междугородние звонки по всем штатам, кроме Гавайев и Аляски, так что это влетит мне в копейку. Но в этом случае я не думала, что электронное письмо успокоит раненую гордость подруги.

Телефон зазвонил за долю секунды до того, как я нажала на кнопку вызова.

- Мо? - в трубке раздался требовательный голос.

Я ощутила, как по моему лицу расплзается улыбка шириной в километр.

- Я объясняла, что переехала сюда, чтобы избавиться от ноющих эмоциональных шантажистов, так?

Кара выпалила:

- Мне жаль, Мо.

Холодок тревоги сразу же пробежал по моему позвоночнику от ее голоса.

- Что случилось? Мои родители в порядке?

- С ними все хорошо, - быстро сказала она. - Прости, я не хотела пугать тебя. Но... я облажалась. Мне так жаль. Я говорила, что собираюсь рассказать моим родителям, что ты переехала? Папа сказал, что давно пора, и он будет считать это подарком на день рождения от тебя. А мама сожалеет, что не помогала тебе собирать вещи.

Все ясно. Я вспомнила, как на церемонии окончания средней школы мама Кары предложила одеться в черное, нанести на лицо боевую маскировочную раскраску и глухой ночью провести меня в общежитие колледжа.

- И?

Кара вздохнула:

- Ну, вчера моя мама встретила твою в библиотеке и не могла не поддеть немного, что ты наконец сбежала. Затем мама ляпнула, как тяжело будет фургону твоего папы преодолеть весь путь до Аляски. Твоя мама набросилась на информацию как лев на тушу зебры, и в следующую секунду моя мама понимает, что Саффрон вытянула из нее и название городка. Мне очень жаль, Мо. Твоя мама обладает какой-то пагубной гипнотической силой, а у моей - длинный язык.

Я набрала полные легкие воздуха. «О, пожалуйста, – молча взмолилась про себя, – пусть все остается так подольше, пока ураган «Саффон» и его разрушительный поток не засосали меня». Дыхание с шипением вырывалось сквозь зубы, и я открыла флакончик «Тамса».

- Кара, рано или поздно это должно было случиться. Не переживай. И передай маме не расстраиваться. Она же не дала им точные координаты для навигатора или что-то в этом духе.

Кара испустила вздох облегчения.

- Спасибо. Мама ужасно себя чувствует.

- Не переживай, – повторила я, разжевывая таблетки антацида.

- Тогда давай перейдем к твоей глухости! – завопила она. – О боже мой, выкладывай все. Там красиво? Ты уже видела огромного мохнатого лося? Город ужасно, ужасно далекий и запустелый? Люди чем-то похожи на актерский состав «Северной стороны» [14]?

- Да, нет, нет и, к сожалению, нет. Поскольку каждой девушке не помешал бы кто-то вроде Джона Корбетта [15], – со вздохом ответила я.

- Ну и какие они?

- Кара, они обычные люди. В смысле, немного эксцентричные и независимые. Но не страннее любого, кого мы знали в Миссисипи. Бога ради, да родители некоторых наших одноклассников вообще на карнавалах работали. По большей части они очень добрые и приняли меня с распростертыми объятиями. Мне кажется, это потому, что они хотят, чтобы я вышла здесь замуж и улучшала демографию.

- Так я и знала, – прошипела Кара, имитируя ликование. – В лесу жить – пенькам молиться. Нужно было тридцать лет сопротивляться воспитанию родителей, чтобы пасть жертвой демографической машины. Чувствую, придется мне приехать к тебе и присмотреть себе кого-нибудь на перспективу.

Не выдержав, я расхохоталась и рассказала Каре о «Леднике», несчастном случае с Баззом, об Эви, Алане, Нейте и Абнере, своей популярности в качестве потенциальной невесты, о своем домике, который стал более пригодным для жизни. Опустила только сведения о сексуально-угрюмом Купере. Не хотелось бы, чтобы Кара использовала враждебность местных жителей как причину моего возвращения.

- Ну так как, на медведей еще не натыкалась? – спросила она. У Кары тайная боязнь медведей, особенно гризли, какая ирония – ведь их единственные представители в радиусе почти тысячи километров обитали лишь в зоопарках. Моя подруга – единственный человек, на кого наводил жуть кондиционер для белья «Мишутка».

Я вздохнула, зная, что следующее, что я скажу, заставит Кару воздержаться от визитов в мой новый дом.

- На медведя нет, но в первую же ночь прямо у меня за дверью волк загнал лося, не такого, о котором ты спрашивала, а больше похожего на оленя.

- Бог ты мой!

- Ничего страшного, – заверила я, – больше такого не было.

- Животные, конечно, величественные, прекрасные, благородные и тому подобное, но не забывай, что они еще и опасные. Вспомни, что случилось с тем парнем-гризли [16]. Всю жизнь он боролся за защиту медведей, а кончил тем, что они сожрали его. Буквально.

- Я даже пытаться не буду жить среди волков, - пообещала я.

- Должна признаться, что немного разочарована. Я лелеяла надежду, что тебе может там не понравиться, и надеялась, ну, не знаю, что ты переедешь хотя бы в то же полушарие, где живу я.

- Думаю, что я здесь счастлива, Кара.

- Знаю, слышу по твоему голосу, - вздохнула подруга. - Проклятье.

Потребовалось еще два таблетки от изжоги, час йоги и шоколадная шахматка, чтобы я почувствовала себя морально готовой позвонить матери. Я откладывала слишком долго, и теперь, когда область поиска сузилась, я должна первой предпринять решительные меры, пока она не нарубила дров. Набрав номер родителей, я молилась, чтобы они были в саду или подошел папа. Эш далеко не образцовый родитель, но, когда дело касалось чтения лекций и нотаций, тянул лишь на разряд любителей.

- Как ты могла просто взять и убежать? - тут же отозвалась на другом конце провода мать.

- Мама.

- Ты совсем не думала, что станет с отцом? Или что мы будем чувствовать, когда придем к тебе и обнаружим твой дом пустым?

Я заметила, что матери удавалось походить на «нормального» родителя, когда она расстраивалась из-за меня. Но подобные наблюдения или замечание по поводу того, что неудивительно обнаружить пустой дом, придя без предупреждения, на данном этапе не сыграют в мою пользу.

вернуться

14

Северная сторона — американский телесериал, который выходил в эфир на канале CBS с 1990 по 1995 год. События сериала должны разворачиваться в маленьком изолированном городе, окруженном дикой природой Аляски.

вернуться

15

Герой Джона Корбетта - Крис Стивенс, в прошлом преступник, работает диск-жокеем.

вернуться

Имеется в виду Тимоти Тредуэлл — натуралист, который 13 лет провёл в национальном парке Катмай (Аляска), общаясь с медведями гризли. В 2003 году Тредуэлл и его подруга Эми Хугенард были убиты и частично съедены медведями гризли.

- Мама.

- Знаешь, как важно для нас иметь возможность навестить тебя? Знаешь, как нам необходимо проводить с тобой время? Как ты могла уехать поздно ночью ни слова не сказав? - всхлипнула она, давясь слезами.

- Мама.

- Я не понимаю, что заставило тебя так поступить? - вскричала она. - Что мы сделали, чтобы заставить так себя ненавидеть? Мы просто тебя слишком сильно любим!

- Верно, мама, вы слишком сильно любите меня! - взорвалась я. - Из огромной любви ты проходишь по моей кухне и выкидываешь половину еды, решив, что она вредна для меня. Ты звонишь моему боссу, чтобы он дал мне отгулы на мероприятие, ехать куда я ни за что не согласилась бы. Мне пришлось объяснять начальнику, что за мероприятие такое - то еще унижение. Ты пыталась заставить медсестру гинеколога дать тебе результаты моего ежегодного осмотра...

- Я всего лишь обеспокоенный родитель. И в мыслях не было узнавать информацию, не предназначенную для моих ушей. Если мне что-то рассказывают, в чем моя вина?

- Ты без предупреждения заявила ко мне домой, застала меня в постели с Рэем Ридли и даже не потрудилась выйти!

- О, детка, ты же знаешь, мне плевать на подобные вещи. Я всегда говорила тебе, что секс - самое естественное выражение твоего внутреннего существа.

- В этом и проблема, мам. Тебе плевать, а мне - нет. Большинству мужчин не нравится голяком лежать в постели с женщиной, пока ее мать, сидя в изножье этой самой кровати, расписывает преимущества тантрического секса.

На другом конце линии мама презрительно фыркнула:

- Ну, любой мужчина, с которым ты встречаешься, должен понимать, что к тебе прилагаются любящие и заботливые родители. Поэтому я всегда знала, что с Томом у вас ничего не получится.

- Его звали Тим. И мужчины хотят встречаться с женщиной, а не с ее семьей, мама. И без того достаточно трудно найти человека, который полюбит тебя со всеми недостатками. А добавлять к этой гремучей смеси еще двух людей уже слишком. Но я уехала не поэтому. Просто какое-то время мне нужно побыть одной, чтобы понять, кто я, вдали от вас. Мне нужно пространство. Я задыхаюсь.

- О, ты всегда была самосознательной личностью, - разозлилась мама. - Не знаю, откуда ты взяла, что у нас есть хоть какое-то влияние на тебя. Бога ради, да ты пользуешься

полиэтиленовыми пакетами для продуктов. Но твой отец сказал, что если мы хотим делать в жизни собственный выбор, то должны уважать твой – даже если он идет вразрез всему, чему мы пытались научить тебя.

- При чем тут ваше учение? Дело во мне и в том, чего я хочу от жизни. Вы с папой желаете бороться с системой. Чудно. Лично мне система нравится. Благодаря ей в моем доме электричество, в окрестностях – школы, а в местном «Уолмарте» – мороженое.

- Ты делаешь покупки в «Уолмарте»? – завизжала мама.

Я отодвинула трубку подальше от уха, когда мать принялась за свои обличительные речи о зле усредненной, централизованной розничной империи, которая относилась к своим сотрудникам как к рабам.

- Да, – ответила я. – Теперь ты знаешь мой позорный секрет.

- Значит, ты собираешься сидеть в своей Тмутаракани, закупаться в «Уолмарте» и дышать полной грудью сколько душе угодно? – насмешливо спросила мама.

- Нет, между прочим, я готовлю в ресторане, каждый день встречаюсь с новыми людьми – вливаюсь в общество. Мне это нравится.

- Что за ресторан? – с подозрением спросила мать.

- Нормальный ресторан с нормальной едой и полунормальными людьми.

Я слышала, как она скрежещет зубами по ту сторону провода.

- Так ты снова обугливаешь плоть животных?!

- Да, в ресторане подают мясо, – сказала я, ожидая неизбежного звона, когда мама ударит в свой «гонг праведного гнева», чтобы выпустить негативные чувства. Гневный гонг пришлось заменить, когда мама узнала, что я шесть месяцев работаю в «Тэйст-энд-Гриль», а ей и словом не обмолвилась. Кончилось тем, что в качестве покаяния мне пришлось собирать средства для одной организации по защите прав животных. Но как только мне стукнуло восемнадцать, и я сразу вернулась к работе в авто-кафе после школы и летом, пока училась в колледже.

Мама предпочитала не замечать этого – но изо всех сил била в свой гонг.

- Я не собираюсь злиться, – протянула мама, хотя на заднем фоне я слышала отзвуки гонга. – Я владелица своих чувств. Мои чувства мне не хозяева. Ясно, тебя не заботит, что мы думаем или чувствуем. И что ты полностью отвергла принципы, которые мы пытались всеми силами привить тебе. Я не собираюсь читать тебе лекции об ужасах скотобойни или что потребление мяса животных делает со слизистой твоего толстого кишечника.

- Мама, я не собираюсь оплачивать роуминг за разговоры о моем толстом кишечнике.

Она громко выдохнула через ноздри.

- Я просто хочу попросить тебя как твоя мать, женщина, давшая тебе жизнь, вскормившая, лелеявшая и любящая тебя, порадовать меня и дать свой новый адрес и номер телефона, чтобы мы могли связаться с тобой в случае необходимости.

Я хранила молчание, в основном потому, что мне стало плохо от слова «вскормила». Если я

дам ей свой домашний номер телефона, трубка на прикроватной тумбочке будет разрываться утром, днем и ночью. Мобильный я хотя бы могла отключить или перевести звонки на голосовую почту. По крайней мере, эти сведения я могла держать под контролем, удержать еще одну границу. Я тщательно подобрала слова:

- Не думаю, что это хорошая мысль. Я буду звонить тебе по возможности. А ты всегда сможешь написать мне по электронной почте, когда захочешь.

Это был грязный трюк, и я понимала это. Родители до сих пор не обзавелись компьютером. Я совершенно уверена, они считают, что электронные письма прибывают в конвертах, вылетая из дисководов.

- Но как я дозвонюсь до тебя? - вскричала она. - Что делать в чрезвычайной ситуации? А если у твоего отца снова случится приступ?

- Звони мне на мобильный и оставляй сообщения.

- Солнышко, пожалуйста, не поступай так! - Под звук ее причитаний я отняла телефон от уха и нажала «отбой». Я сморгнула горячую влагу, собравшуюся у меня в глазах. Глупо было плакать, как и ощущать вину. Я что, неправа, желая жизни на собственных условиях? Возможно, я пошла на крайние меры, чтобы добиться этого, но теперь не отступлюсь.

Глава 5

Из хренового огня да в отстойное полымя

На следующий день во время обеденного наплыва шоколадные шахматки имели оглушительный успех. Герти Гоган купила с полдюжины, сказав, что отнесет их в офис Нейта. Но тот, придя позже, понятия не имел, о чем я. Абнер Голайтли расщедрился и, помимо гарантированных ножек в тепле и постоянно опущенного сидения унитаза, обещал, если мы съедемся, наступить себе на горло и обзавестись цветным телевизором. Поцеловав старичка в щеку, я вежливо отказалась. Даже Баззу, который вроде уже все меньше и меньше злился на свою ни на что не годную руку, пришлось признать, что печенки были «чертовски хороши», и попросить принести завтра еще шесть десятков.

На горизонте замаячила победа. Купаясь в триумфе, основанном на сахаре, я даже не возражала, когда в затишье перед ужином Эви оставила на меня салун. Ей нужно было отвезти Баззу в клинику на очередной осмотр. Но затем Бену, ночному бармену, стало плохо прямо посреди смены, и мы с Линнетт остались вдвоем. Помощница из нее не ахти какая. В итоге мне пришлось разливать выпивку, мыть стаканы и выставлять счета, пока она крутилась вокруг бильярдного стола и флиртовала с Леонардом Трамбле.

Я сделала мысленную пометку позвонить Дэрби и сообщить, что у нее еще есть надежда.

Немногочисленная в основном толпа состояла из постоянных клиентов, готовых терпеливо ждать, пока я освобожусь и принесу им пива. Черт, да они готовы были для меня столы вытереть, если им разрешат остаться и досмотреть последние минуты матча, пока я мою посуду.

- Эй, милашка на кухне.

Я оторвалась от раковины и вытерла руки о передник. За стойкой сидел незнакомец. Высокий и мускулистый, с большими карими глазами и ямочкам на щеках, которые появлялись, когда он

улыбнулся. Судя по надписи «Перевозки Харриса» на зеленой куртке, я предположила, что он дальнбойщик. Частенько они останавливались в Гранди переночевать в мотеле «Эвергрин» или перехватить горяченького в «Леднике». Большинство из них были хорошими, семейными ребятами, которые, немного заскучав, заходили в «Ледник» пообщаться и поесть. А если попросить их показать фотографии своих детей, то щедро оставляли чаевые в сорок процентов.

Но что-то в этом парне отталкивало меня. И дело не только в трехдневной щетине, покрывавшей его щеки, или в долгом оценивающем взгляде, которым он окинул меня, пока я вытирала последнее блюдо. Еле сдерживая дрожь от странного предчувствия, я натянула самую вежливую улыбку:

- Чем могу помочь?

- Пива, - попросил незнакомец, и снова появились ямочки. - Не присоединишься?

- Я не пью на работе, но спасибо.

Он склонил голову с притворно виноватым выражением.

- Прискорбно. Как получилось, что такая красотка застряла за барной стойкой на ночь глядя?

- Доверчивый босс и умение с лазерной точностью разливать пиво, - ответила я, осторожно убирая высокие пивные стаканы. Я стремилась занять руки. Не хотелось поощрять этого парня, давая почувствовать, что он завладел моим вниманием. Однако Базз с Эви не хотели, чтобы я игнорировала одиноких клиентов. Я ходила по тонкому льду.

Кареглазка-дальнбойщик внимательно посмотрел на меня, склонив голову, и спросил:

- Неужели тебя дома никто не ждет, лапуля? Кто-то, кто согреет тебе ножки?

- Да, очень толстая пара шерстяных носков, - на полном серьезе ответила я. Дальнбойщик рассмеялся, и я не смогла не улыбнуться в ответ.

- Самые везучие чертовы носки на земле, - фыркнул он. - Интересно, как они будут смотреться утром на моем полу.

- Видишь ли, все шло хорошо, пока ты не приплел избитую фишку с «одеждой на полу». Извини, но у меня четкие правила насчет мужчин, которые используют дешевый подкат.

Он подмигнул:

- Ну, говорят, правила на то и правила, чтобы их нарушать.

Я не успела ответить, потому что Уолт Гантер, один из компании «вечеров хоккея», подозвал меня к своему столику. Извинившись, я направилась к нему.

- Тот посторонний тип беспокоит тебя, Мо? - спросил Уолт.

Я благодарно улыбнулась ему. Что-то в том, как Уолт произнес «посторонний», заставило меня ощутить тепло внутри. Я стала своей и уже не была «посторонней».

- Неа, просто намеков не понимает.

- Ладно, дорогуша, если он доставит тебе неприятности, мы с Абнером знаем, где спрятать

тело, - сказал он.

- Будем надеяться, что до этого не дойдет. Ну что, повторить?

Уолт рассеянно потер выступающий живот.

- Нет, спасибо, Дженни и так с меня шкуру спустит, что припозднился. Не хочу добавлять нетрезвый вид к списку ее претензий.

Я налила Уолту колы и досыпала Абнеру орешки, закончившиеся к третьему периоду. Уолт продолжал приглядывать за мной, пока дальнбойщик допивал пиво. Заказывать второй бокал он не стал и оставил мне чаевые в сорок шесть центов, и чувство неприязни к нему только возросло. Он уже давно исчез, когда я проводила Абнера и Уолта до входных дверей и перевернула табличку «Закрyто». Прежде чем забраться в грузовик, Уолт настоял проводить меня до парковки. Я улыбнулась и помахала ему, когда он отъехал.

Уже вставив ключ в зажигание, я поняла, что забыла выбросить мусор, накопившийся за вечер. Блюдом дня сегодня были тушеные устрицы. Если я не выкину отходы до завтра, утром в кухне будет вонь до небес.

Ворча про себя всю обратную дорогу, я зашла с черного хода и захватила мешки с мусором. Запахнула куртку, понимая, что тонкая ткань не спасает от ночного похолодания. Через несколько недель придется перейти на заказанную по интернету тяжелую меховую парку. Я уже запираю дверь на замок, когда услышала шаги за спиной. Развернувшись, схватила мешок в надежде вывалить на незваного гостя весь накопившийся за день мусор и убежать.

Держи карман шире. Это был чужак, тот дальнбойщик.

- Эй, мы снова встретились, - протянул он. Улыбка была дружелюбной, но почти не затронула глаз. Шестое чувство заставило меня прижаться спиной к стене, а ключи зажать в правой руке. - Похоже, я оставил где-то в баре синюю вязаную шапку. Не находила?

Я покачала головой, пытаясь сохранить на лице непроницаемую вежливую маску, хоть по позвоночнику пробежала легкая дрожь.

- Нет, перед закрытием я все проверила и ничего не заметила. Но если ты вернешься сюда утром, то, может, что и найдешь.

Он нахмурился, изображая разочарование.

- Ну, я уеду рано, еще до рассвета. У меня нет времени останавливаться. Давай всего лишь заглянем на минутку и проверим. Это моя любимая шапка. Ты же не хочешь, чтобы я путешествовал с непокрытой головой? Я могу простудиться.

- Не выйдет, - сказала я, бросая мусорные мешки на землю. - После закрытия я не имею права пускать посторонних в бар.

- Мы никому не расскажем, - уговаривал парень и подмигнул мне. Его тон, когда он произнес «мы», заставил меня заскрежетать зубами. Чужак подался вперед. - Давай же, всего на минутку.

Я прикинула расстояние до своего грузовика, но удирать было слишком далеко.

- Извини. Заберешь ее, когда будешь в городе следующий раз.

- Ты ведешь себя ужасно грубо, лапуля. Я же не прошу сделать мне огромное одолжение.

На секунду я почувствовала вину. Он действительно не просил многого. Неужели трудно просто пустить его в бар поискать дурацкую шапку? И я была довольно невежлива. Однако подкоркой ощущала, что не стоит заходить с ним в темный бар, а лучше побыстрее смыться из переулка и как можно скорее добраться домой.

- Давай же, милая. Просто отопри, - настаивал чужак, улыбаясь во весь рот, пока я сделала шаг в обход его.

«Нам не страшен серый волк, серый волк, гребаный серый волк!» - выдал мне мозг, словно я была одним из трех поросят, когда дальнобойщик схватил меня за руку.

Я поняла, что попала в ловушку, и сердце загрохотало в груди. Даже если мне удастся добраться до грузовика и получится забраться внутрь прежде, чем бандит меня остановит, придется сначала сбить его с ног. Получится ли? Я окинула взглядом огромную, массивную фигуру, холодные сухие руки и содрогнулась при мысли, что они могут коснуться меня. Да, да, должно получиться.

Я посещала курсы самообороны для женщин, когда съехала от родителей. Уроки выживания папули типа «попробуй просто заговорить их» не подходили для прогулок в одиночестве по темным парковкам Джексона. Я пыталась вспомнить, чему научилась, но на ум приходили советы инструктора: поставить грязные мужские сапоги и огромную собачью миску у крыльца, чтобы дом казался хорошо защищенным. Сейчас не совсем то, что надо.

- Послушай, я просто хочу уйти. Оставь адрес мотеля, и я вышлю твою шапку. - Я попыталась высвободиться из его хватки, но он был слишком силен.

Чужак заломил мне руку за спину и толкнул лицом в кирпичную стену. Голос оставался неизменно мягким, даже дружелюбным, в то время как моя щека царапалась о кирпич:

- Выбирай, лапуля. Я не желаю причинять тебе боль, но придется. Ты же не хочешь, чтобы было больно?

Я содрогнулась, почувствовав его пальцы у себя на затылке.

- Да или нет, лапуля? - спросил он.

- Нет, - пискнула я и поморщилась от острой боли в щеке.

- Тогда ты дашь мне ключи, и мы заглянем в кассу. Денек был оживленный, да? Там, вероятно, много налика. В кабинете есть сейф? Ты знаешь код?

- Нет, я недавно устроилась на работу, - промямлила я, думая о полной сумке вечерней выручки, которую оставила под барной стойкой. Эви говорила, что каждое утро класть деньги в банк гораздо проще, чем возиться вечером с громоздким старым сейфом. Она утверждала, что уровень преступности в Гранди невероятно низок и не стоило сильно переживать об ограблениях. Ой как не хотелось становиться исключением из правил.

- А если я дам тебе ключи, дверь ты уже сам откроешь? - спросила я, ненавидя свой пронзительный и тонкий голос, задрожавший от страха. - Не хочу в этом участвовать.

Пожалуйста, просто отпусти меня.

- Зачем? Чтобы ты вызвала копов, пока я внутри? Ну уж нет, лапуля. Мы с тобой какое-то время проведем вместе. Может, просто закинуть тебя в мешочек с подарками и забрать с собой? – Бандит так расхохотался, что ему пришлось прислониться к стене. Я осторожно сделала шаг вправо, пытаюсь выскользнуть из его хватки. Жим на шее стал сильнее. – Здесь я устанавливаю правила. Принцип такой. Ты не указываешь, что делать, и выполняешь все мои указания.

Он потащил меня к двери, на мгновение ослабив захват на голове. Я тут же подняла руку, пытаюсь вообразить, что это стремительная змея, и резким движением запястья ткнула ключами в его щеку, безжалостно раздирая металлическими зубьями кожу. Когда злодей согнулся, сыпля проклятиями, я развернулась, схватила его за голову и врезала коленом прямо по лицу. Подавив желание разреветься или блевануть, или все сразу, я ломанулась к своей машине. Но тут он вцепился мне в волосы, намотав их на руку, и с такой силой рванул меня назад, что я увидела звезды, а из глаз посыпались искры. Слезы жгли веки, а скальп невыносимо гудел. Ключи выпали из рук.

- Сука, ты мне лицо испортила! – заорал грабитель, булькнув от крови. Я почувствовала, как что-то теплое потекло по моему плечу, впитываясь в легкий свитер. Дальнобойщик вцепился пальцами мне в горло, перекрывая кислород.

Я изо всех сил старалась не потерять сознание. Я должна бороться. Одному Богу известно, что он сотворит со мной, если я отключусь. С другой стороны, блаженное неведение может помочь справиться со всем, что я пережила. Отключиться и забыть или бодрствовать и терпеть?

Внутренние споры были в высшей степени отвратными.

В конце переулка послышался низкий предупреждающий рык. В слабом свете фонарей я увидела очертания волка, его глаза цвета голубой электрик сверкнули, когда он наклонил голову ниже, готовясь к нападению.

- Да угомонись ты, - прогнусавил дальнобойщик, сильнее натягивая волосы. Я взвизгнула. Рычание волка стало громче.

Хватка дальнобойщика ослабла, когда волк приблизился. От паники у меня перед глазами замигали темные пятна. Теперь выбор еще сложнее. Быть растерзанной волком или предстать жертвой в следующем эфире ток-шоу? Вдруг, как гром среди ясного неба, в голове возник голос инструктора по самообороне. «Лягни». Он говорил нам, что если нападающий за спиной, лучший способ вырваться – лягнуть назад, как осел, целясь в колени или пах.

Помирать, так с музыкой. А мой выбор запинать грабителя, по ходу, поразил волка. Я ударила, метя пяткой в ширинку дальнобойщика, и попала прямо по яйцам. Волк зарычал и метнулся вправо. Бандит взвыл и согнулся пополам. Я развернулась и с ноги вмазала ему в лицо, отправив в свободный полет на тротуар.

И тут осознала, что стою спиной к другому хищнику. Я медленно обернулась, ожидая, что волк припал на лапы, готовясь к нападению. Но огромный черный зверь даже не смотрел на меня. Дальнобойщик полностью завладел его вниманием. Хищник обошел меня, его хвост задел мою ногу, когда волк крался напрямиком к почти бессознательному мужчине.

Я подобрала ключи с земли, поскольку дальнобойщик начал приходить в себя. Он закричал при виде волка и повалился обратно на землю, как раненый краб. Волк сделал выпад, щелкнув челюстями в миллиметре от лица преступника, когда тот откинулся на стену. Когда хищник

принялся за него, парень придушенно вскрикнул, и я почти пожалела его. Но мой грузовик припаркован совсем рядом. Последний раз я увидела дальнбойщика в свете фар в тот момент, когда волк бросился на него.

Не знаю, как добралась домой. Следующее, что я помню, это как вбегаю в парадную дверь. Я хотела спрятаться в душевой навсегда. От запаха крови грабителя на моей одежде я бросилась в ванную, где меня тут же вырвало. Когда желудок опустел, а горло саднило, я осторожно стянула куртку и свитер. Вытащив из глаз липкие, сухие контактные линзы, посмотрела в зеркало и увидела начинавшие багроветь синяки на горле, да и грудь пестрела ими. Один из моих любимых бюстгалтеров из белого кружева с маленькими розовыми ленточками, пришитыми к лямкам, испачкался и порвался. На левой щеке красовалась огромная кровавая ссадина. Я глубоко вздохнула и дрожащими руками набрала номер Базза и Эви.

Пришлось несколько раз останавливаться и начинать заново объяснять, что случилось, но Базз в рекордный срок появился у меня на пороге в шляпе официального представителя закона. Он сохранял спокойствие и профессионализм, задавая стандартные вопросы, но затем чуть не задушил меня в объятиях. Несмотря на кошмарные события ночи, я обнаружила, что сдавленно смеялась, уткнувшись в полиэстеровую куртку униформы Базза. Я даже не думала, что он переживал.

Одетая в пижаму Эви, которая должна была оставаться в машине, мягко оттолкнула Базза в сторонку и обняла меня за шею. Горло сдавило от слез, и я прижалась здоровой щекой к ее теплой коже, почувствовав себя от этого лучше.

- Ты осмотрел переулок? - спросила я Базза, когда наконец очухалась.

- Там были пятна крови, но ты говорила, что нехило влупила ему в нос, так? - Он сделал паузу, и я кивнула.

- Но на него напал волк, - возразила я, наморщив лоб. - Там должно быть много крови. И, возможно, некоторые... куски.

Базз, казалось, немного смутился.

- Мо, в грязи не было никаких отпечатков, что свидетельствовало бы о присутствии волка. И обычно они не забираются так далеко в город...

- Я не сумасшедшая, - убеждала я его. - Там был волк.

- Никто не считает тебя сумасшедшей, Мо. Если ты говоришь, что там был волк, значит, был, - мягко сказала Эви, кидая на Базза строгий взгляд. - Но почему ты закрывала бар совершенно одна? Где Бен?

- Бен заболел, так что я доработала смену за него. И Линнетт еще работала, или, по крайней мере, я так думала, пока не заметила около десяти, что они с Леонардом слиняли, - проворчала я. - Я не хотела беспокоить вас. Думала, что справлюсь. Как видно, я ошибалась.

- В следующий раз звони нам, - приказал Базз. - Есть причина, почему мы не разрешаем персоналу закрывать бар в одиночку.

Я кивнула, зная, что это не станет проблемой, ведь закрывать бар сама я больше не собиралась.

- Я заходил в мотель. Клерк узнал по твоему описанию одного гостя, дальнобойщика по имени Джон Тиг. Его барахло все еще в номере, а вот тягача нет. Скорее всего, грабитель просто смылся. Я позвонил в полицию штата, дал им ориентировку на него и машину. Нужно еще отправить твоё заявление и фотографии всех синяков в придачу.

Я молча кивнула. Базз очень деликатно попросил Эви увести меня в ванную и снять на его «полароид» мое лицо и шею. Это заняло всего несколько минут. Эви молча вручила фотографии Баззу, и он вложил их в черный пластиковый пакет с печатью.

- Завтра к тебе, скорее всего, придет патрульный поговорить, - сказал Базз. - Могу присутствовать, если хочешь.

Я благодарно улыбнулась.

- Я позвоню доктору Гордону, чтобы он приехал в клинику осмотреть тебя, - сказал Базз.

- Я в порядке, - запротестовала я. - Всего-то пару ссадин и синяков. Это не повод будить его.

Эви покачала головой:

- Мо.

- Я сказала, что все в порядке, - настаивала я.

Должно быть, что-то в моем голосе убедило Эви, что я близка к срыву. Она вздохнула и убрала с моих глаз волосы:

- Если хочешь, я останусь с тобой на ночь.

- Нет, - отказалась я. - Кроме того, ты должна быть с Баззом дома на случай, если нужно почистить зубы или еще что-нибудь.

Смеясь, Базз сделал неприличный жест перевязанной рукой.

- Ну, на утро возьми отгул, - посоветовала она. - Верить или нет, мы можем управиться с заведением без тебя.

- Нет, не можете, - засмеялась я.

- Ага, ты права, не можем, но в любом случае бери завтра отгул. Мы справимся.

- Просто я хочу, чтобы все было настолько нормальным, насколько можно, - объяснила я. - А это означает погрузиться в рутину. Нельзя из-за этого происшествия бояться салуна. Мне слишком сильно нравится там работать.

Прошел еще час, прежде чем я убедила их уехать. Я заставила себя принять долгий душ, затем нацепила пушистую пижаму и выпила ромашковый чай. Но все равно подсакивала от каждого шороха. Трясущимися руками я пыталась найти книгу, чтобы почитать на ночь. Каждый раз, подходя к окну, вглядывалась в деревья, ожидая увидеть огромную мужскую тень, четко вырисовывающуюся в лунном свете. Часть меня надеялась, что в темноте замерцают сине-зеленые волчьи глаза.

Глава 6

Отстаньте от моего акцента!

Как оказалось, уговорить Эви внести изменения в меню не составило большого труда.

Из чувства вины, что в мою смену на бар напали, или благодаря всемогущей силе шоколадных шахматок, но к моей радости она заинтересовалась новыми идеями. И это дало мне пищу для размышлений помимо «инцидента».

Несмотря на протесты Эви, мы с Баззом решили никому не рассказывать о неприятной стычке в переулке. Мужики перебарщивали с бдительностью, когда их хрупким цветочкам, слабому полу Гранди, грозила опасность. Хотя большая часть этих цветочков могла орудовать бензопилой с хирургической точностью. Тем не менее, Базз не хотел сеять панику.

На вопросы клиентов, откуда у меня на щеке ссадина, я отмахивалась, что споткнулась на крыльце и пропахала головой землю. Когда Абнер и Уолт предложили прийти и починить его, я почувствовала, что купаюсь в заботе, но испытывала легкое чувство вины.

А когда Линнетт спросила меня, что случилось, я ответила, что Леонард Трамбле забыл наше стоп-слово.

Мы с Баззом встретились с рядовым Brentом, сдержанным, невысоким, коренастым, цепким человечком, в кабинете салуна. Рядового Brentа больше волновало, остался ли у нас пирог с яблочным повидлом, чем мои показания. Насколько он знал, я не пострадала, так что ничего страшного. Я опознала Джона Тига по фотографии. Когда Базз попытался вручить рядовому снимки моих травм, он вернул конверт обратно.

- В этом нет необходимости, - грубо сказал Brent. - Грузовик Тига нашли в пятидесяти километрах от города. Мы думаем, он потерял управление над тягачом и скатился с насыпи в овраг. Аварии никто не видел, так что пожар полыхал много часов, пока заметили. Мы все еще ждем зубную карту, чтобы опознать тело, но совершенно уверены, что это он. И вы не можете обвинить мертвеца в нападении.

Казалось, весь воздух высосало из комнаты. Я не чувствовала ничего, кроме наплыва облегчения. Нападавший мертв, и я этому рада. Ну, не просто рада. У меня голова шла кругом от дикого восторга, что он мертв и, возможно, порядочно помучился. Черт возьми, что со мной не так? Что за человек будет ликовать, когда другой сгорел в машине? Может, в Гранди я поменялась не в лучшую сторону?

Что произошло с Джоном Тигом? А с волком? Я поняла, что благополучие волка меня волнует гораздо больше.

- На Тиге есть какие-то повреждения, кроме тех, что он мог получить в автокатастрофе? - спросила я.

Brent поднял густые коричневые брови, словно удивляясь, что я знала такие длинные слова. Козел.

- Ну, как вы можете себе представить, раз нам нужны записи дантиста для опознания, то труп обгорел до такой степени, что от него осталось немного. А почему вы спрашиваете?

Базз вставил прежде, чем я успела открыть рот:

- В переулке Мо врезала ему в нос. Думаю, она хотела сказать, что сломанный нос у трупа

может облегчить идентификацию.

Я недоумевающе покосилась на Базза. Он поджал губы и многозначительно посмотрел в сторону Брента, счищавшего крошки уже третьего куска пирога с груди. Очевидно, Базз не хотел, чтобы я хоть словом обмолвилась о волке или возможных ранах от когтей на теле Тига. Полагаю из-за того, что сорока восьмичасовая принудительная психиатрическая экспертиза повара чертовски плохо скажется на блюдах быстрого приготовления.

- Что ж, милочка, пара сломанных костей у него была, - снисходительным тоном ответил Brent, передвинув папку по столешнице. - Опрокинутый грузовик и все такое, тяжело найти хоть одну целую кость. Записи дантиста гораздо более надежный метод идентификации трупа. Но вам повезло, что удалось хорошенько ему врезать на его несчастье.

«Простите, он действительно сказал «на его несчастье»?» Базз, кажется, почувствовал мое напряжение по тому, как я сжала кулаки. Он похлопал меня по руке и покачал головой.

- Вы очень везучая девушка. Этот парень колесил по дорогам, его подозревают в ограблениях закусочных. Парочка женщин по его милости в реанимации. Он выбирает одну из официанток после закрытия, подстерегает ее в темном переулке и заставляет провести к сейфу. Затем он... Ну, вы не первая дали ему отпор, но вам первой удалось сбежать.

Я открыла папку и лишилась самообладания при виде обуглившегося черепа, навечно обнажившего зубы в безмолвном крике. Мои веки захлопнулись сами собой. Зрелище было в сто раз хуже всего, что только можно увидеть по телевизору, потому что я видела плоть, покрывавшую эти кости, смотрела в те обдолбанные глаза. Лишь гордость удержала меня в кресле, не дав согнуться над мусорной корзиной Базза и извергнуть в нее блинчики.

- Что с тобой, черт возьми? - заорал Базз, отпихнув папку Brentу. - Она что, мало натерпелась? Ей не надо видеть еще и это дерьмо!

- Я подумал, ей будет приятно узнать, что он канул в лету, - пожал плечами рядовой. Он выглядел слегка пристыженным, будто только сейчас допустил мысль, что Базз больше предан мне, чем коллеге-представителю правопорядка и собрату-мужчине.

- Каким образом это могло ей понравиться? Черт возьми, почему я первый раз об этом слышу? Я должен знать, если моим людям грозит опасность, Скотти. Проклятье, я представитель правоохранительных органов в этом городе, а меня не предупредили.

- Большинство баров не проявляет такого энтузиазма в защите официанток, - пробормотал Brent.

- Что ж, наш исключение, - парировал Базз, хлопнув ладонью по столу.

Кажется, до Brentа дошло, что сейчас он разбудил в Баззе лихо.

- Слушай, он мертв. Твоя официантка в порядке. Все утрясется. Мы свяжемся с вами, когда личность трупа точно установят. А вам, мисс, не мешало бы быть более осторожной, когда поздно возвращаетесь с работы. Лучше узнайте ваше окружение. Не ходите по темным переулкам в одиночку.

Я щелкнула зубами, так что челюсть заболела. По его словам выходило, что это моя ошибка, будто на подходящей, безопасной офисной работе я не пострадала бы.

- Я больше не работаю допоздна, - огрызнулась я. - И просто хочу забыть все это, притвориться, что ничего не происходило. Сообщите, если опознаете его, в противном случае я не желаю больше слышать ни о чем. Базз, спасибо, что поддержал. Я высоко ценю именно твою помощь.

Не дожидаясь, пока меня отпустят, я вышла из кабинета и весь оставшийся день пряталась на кухне, пытаясь прогнать образ Тига из головы. Как он стоял передо мной, ухмыляясь, когда я кричала. Как в неестественной позе уползал от волка, загоняя себя в тупик. Кровь из трех длинных порезов пропитала рубашку. Затем последовали плоды моего воображения. Грузовик, падающий в овраг. Мучительные вопли Тига в объятый пламенем кабине, распахнутый в предсмертном крике рот, лопнувшая и почерневшая кожа. Когда Эви увидела мою бледность, слишком яркий, лихорадочный блеск в глазах, то отправила домой, сказав, что вечером закроет кухню немного раньше.

Но даже с намертво запертой дверью, в удобной пижамке, с тремя чашками травяного чая «Баюшки-баю» в желудке я не могла успокоиться. Я заставила себя выползти на улицу, чтобы не хорониться в четырех стенах. Я сидела на крыльце, закутавшись в одеяло, и наблюдала за чернохвостым оленем [17], который вышел из леса и теперь уплетал хлебные корки, оставленные мной во дворе. Стараясь не шевелиться, чтобы не спугнуть его, я не сдержала чих, и олень сиганул за деревья. Так я просидела еще около часа, напряженно всматриваясь в кромку леса... зачем, собственно? Выглядывала своего мохнатого черного спасителя? Призрака сгоревшего Тига? Боялась ли я, что он каким-то образом избежал смерти в огне и явится за мной?

После выпечки, йоги и всякой ерунды по телевизору я забила на отдых и с маниакальной энергией стала дорабатывать новое меню. Я не спала всю ночь, ища нужные рецепты, просчитывала стоимость, планировала закупки.

Я свалилась с ног где-то в три часа ночи, поднялась на рассвете, наделала еще немного выпечки и пришла на работу раньше Эви, чтобы разместить новые блюда на кухне. Я предложила хозяйке традиционную домашнюю еду по разумным ценам: куриный суп с лапшой, тушеную говядину, мясной хлеб, гороховый пирог по секретному рецепту моей тетушки Шерри, цыпленок с клецками и, наконец, все виды бургеров и бутербродов. Расширенное десертное меню включало улучшенный яблочный пирог с изюмом, шахматки, мой сногсшибательный торт с кремом из яблочного повидла, банановый пудинг и шоколадные пирожные с шариком мороженого.

вернуться

17

Фото отсутствует

- Дай мне волю, Эви, и дел у нас будет больше, чем у одноногого на конкурсе пенделей, - пообещала я.

- О, как я тащусь от твоего благородного южного жаргона, - сказала Эви, беспокойно глядя на меня, напичканную суперкрепким кофеином и дерганную с выражением, которое я описала как настороженную озабоченность. - Я думала, твои сравнения ограничатся верандами и мятным джулепом [18].

- А как тебе это? Дел у нас будет больше, чем у однорукого карманника.

Эви поджала губы:

- Почему все твои метафоры на основе ампутаций?

- Понятия не имею.

Я пожала плечами.

- Ладно, долой потерянные конечности. Я уже давно хочу изменить меню, - призналась она, когда мы шептались под треск фритюрницы. - Но когда ты не кулинар, довольно сложно попытаться изменить приготовленное. Просто скажем Баззу, что Пит уронил все листы с меню в раковину, и мы должны распечатать новые.

- Базз ни за что в это не поверит, - усмехнулась я.

- Эй, Пит, - крикнула она в обеденный зал. - Не мог бы ты принести мне стопку меню?

Я поражено смотрела, как Эви направилась за меню к послушному Питу и, натолкнувшись на его руку, отправила в мойку бумагу, которая бултыхнулась в грязную воду с громким плюхом. У меня отвалилась челюсть. Пит принялся извиняться заикаясь.

- О, дорогуша, не переживай так. Сама виновата. Почему бы тебе не приготовить Абнеру кофе, а я приберусь здесь, хорошо? - Явно перепуганный, Пит закивал, схватил кофейник и выскользнул из кухни. Эви аж светилась от самодовольства.

- А я тебя недооценивала, - сказала я плутовке.

Она лишь пожала плечами:

- Как и многие.

Стараясь избавиться от ощущения загрязненности, которое у меня порой появлялось из-за Тига и передалось на «Ледник», на следующей неделе я с головой погрузилась в наши планы. Я даже поддакивала Эви, когда та без тени лукавства втирала Баззу историю, как «Пит уронил меню».

Однажды после обеда, только что из «Древностей Ларсона» - славного магазинчика поддержанных товаров, который промышлял распродажей вещей бывших жителей Гранди, которые торопились переехать, - я влетела в салун. Улыбаясь до ушей, я поудобнее передвинула на бедре коробку со стеклянными десертными тарелками. Я умудрилась заполучить шесть тарелок за пятьдесят долларов и нанять сына Сары Ларсон, Ника, чтобы тот наколот мне дров в эти выходные. В целом, день был очень продуктивным.

- Эй, Мо! - крикнул Базз, успешно подражая Керли из «Трех балбесов» [19]. Ему потребовалась всего неделя знакомства, чтобы придумать «свою» шутку, но теперь, когда он де-факто считал себя моим старшим братом и защитником, то держался непринужденно и дразнил вволю. А несколько дней назад тихо отвел меня в сторонку и сообщил, что Тига опознали, таким образом сблизившись со мной. Мужчины на Аляске очень странные.

Пит вышел из-за барной стойки и помог с тяжелой коробкой хрустала.

- Посмотри, что я откопала, Эви, - похвасталась я, осторожно разворачивая покупки. - Думаю, мы можем использовать их для демонстрации новых десертов. Они все из разных наборов, но мне кажется, так будет даже очень необычно и забавно.

- Как круто, Мо. - Эви широко улыбнулась, а я повязала фартук и занялась отложенными заказами.

- Когда день икс? - Я повернулась и обнаружила за стойкой Купера, буравящего меня взглядом, хотя голос был относительно спокойным.

- Новое меню будет с понедельника. Что я могу для вас сделать? - спросила я.

- Спасибо, я не голоден, - ответил он. - Лучше выпью кофе.

- Не голоден он, - передразнила Эви. - Я видела, как ты умял пять лепешек и сказал Баззу поскорее приготовить шестую.

Купер метнул в Эви предупреждающий взгляд. Она взяла кофейник и пошла вдоль диванчиков.

Я уже понесла подставки на кухню, когда Купер проворчал:

- Уже обустроились? - Говоря со мной, он даже головы не поднял. Все смотрел в свой кофе, словно мог найти там ответ.

- В чем проблема? - спросила я, и, увидев, что его чашка почти опустела, сняла очередной кофейник с разогревателя. - Я выручаю подругу. Я не думала, что найду тут друзей и получу работу, которая мне понравится, так что хочу сделать все возможное, чтобы отплатить Эви за ее доброту.

Купер поднял голову, я заметила у него под глазами темные круги, словно он несколько недель не высыпался.

- Нет, вы подводите Эви к пропасти. Она уже от вас зависит. Ее бизнес пошел в гору, потому что людям хочется приходить сюда, чтобы посмотреть на вас. А когда вы уедете, она пострадает. Но вы отправитесь дальше искать себя в каком-то другом месте, и вам будет начхать.

Мне хотелось зарычать, что если нападение в переулке у работы не заставило меня уехать из города, ничто не заставит. Но Купер не знал об этом, а особого желания делиться с ним у меня не было.

Я ответила спокойно, но горло сдавило:

- Вам не приходило в голову, что это не ваше дело и вы должны позволить нам с Эви самим разбираться?

- А вам не приходило в голову, что вы можете не обрести тут того, чего хотите: удовлетворенности, цельности или единения с землей или что вы, чужаки, так упорно приезжаете тут искать? - прорычал он в ответ. - Если вы не обрели это в нижних сорока восьми штатах, то не найдете, просто сменив место жительства. Вы прикатили сюда на своем «Рэндж Ровере» и в походных ботинках за триста баксов и Бог знает еще сколько тратите на обустройство дома, который вам не понадобится, потому что в первый же день, когда температура опустится ниже нуля, выяснится «О Боже, на Аляске холодно!». И станете ныть и жаловаться всем, кто вас станет слушать, что не можете купить любимую марку зубной пасты. Или что до ближайшего Старбакса приходится рулить четыре часа. И вы станете отыгрываться на окружающих и смотреть на них, как на дерьмо, потому что они довольствуются жизнью в «захолустье», и будете портить им настроение до тех пор, пока не расчистят дороги до ближайшего аэропорта. А вы, вы хуже, потому что изо всех сил стараетесь притворяться, что собираетесь остаться тут...

- Довольно. - Я сначала даже не поняла, что этот грубый хриплый шепот принадлежит мне. Я поджала губы, чтобы сдержать гневную, обиженную отповедь. Потому что она будет громкая, возможно нецензурная, а я не хотела устраивать сцену.

- Сам нальешь себе чертов кофе, - сказала я, со стуком опустив кофейник рядом с его чашкой.
- Эви, я пойду подышу.

- Конечно, дорогая. - Она похлопала меня по спине, и я сбежала из кухни. Я услышала, как она дала Куперу подзатыльник и он ругнулся. - Что ты ей наговорил?

Я с грохотом захлопнула за собой служебную дверь и прислонилась к холодному кирпичу в переулке. Слез, которых я ожидала, не последовало, они остались в груди тяжелым грузом на сердце. Я согнулась, уперлась в колени и дрожащей рукой потерла грудь.

Возвращение на место преступления не улучшило моего настроения. Скрип асфальта под туфлями, кислый запах из мусорного бака заставили вернуться отвратительные воспоминания. Я словно наяву почувствовала дыхание Тига на своей шее, тепло крови, залившей мне плечо.

Меня внезапно замутило, и я закрыла глаза, глубоко дыша. Я представила сладкий, пьянящий запах жимолости, огромные грузовики, перевозившие хлопок с полей каждое лето, оставляя по пути белоснежный пух.

- Эви сказала...

- А-а-а! - закричала я, размахнулась и врезала кому-то кулаком в челюсть. Глаза широко распахнулись.

Я даже не поняла, как это произошло, но крохотная частичка меня была просто счастлива засветить кулаком в Купера.

- Боже! - заорал он, потирая челюсть. - За что?

- Ты напугал меня! - Я закричала и толкнула его в грудь. - Это вообще нормально, черт возьми, так подкрадываться?

Я разозлилась, что толкнула Купера изо всех сил, а тот даже не покачнулся. Он словил мои руки без особых усилий и удержал у своей груди. Тепло, исходившее от его рук, успокаивало, что, кажется, бесило меня еще больше. Мне не хотелось, чтобы Купер утешал меня. Я жаждала пнуть его по яйцам. Его горячее дыхание щекотало мне щеки, привлекая внимание к полным губам в нескольких жалких сантиметрах от моего лица. Я ощутила пряный мускусный вкус Купера еще до того, как его губы со стоном поражения сомкнулись на моих.

вернуться

18

Напиток из коньяка или виски с водой, сахаром, льдом и мятой.

вернуться

19

«Три балбеса» (англ. The Three Stooges) — комедия-буффонада братьев Фарелли 2012 года. Герои картины подкидыши Ларри, Керли и Мо.

Вся ярость во мне тут же улеглась. Я с полной ясностью чувствовала мягкое, но настойчивое движение губ Купера, смешавшееся дыхание. Холодную кирпичную стену за спиной, когда он навис надо мной, скользнув теплыми шершавыми руками мне под куртку, притягивая теснее. Я зарылась руками в его волосы, оказавшиеся мягкими и шелковистыми. Его руки, сами пальцы, от которых я балдела, были невероятно нежными, когда обхватили изгиб подбородка. Кончик его языка проследил контур моей нижней губы, затем осторожно толкнулся. Я вздохнула и удивилась, почему мы так долго шли к этому? Почему последние несколько месяцев я не могла провести вот так: в его объятиях, упиваясь теплом, пряным ароматом?

Так, стоп. Купер вел себя со мной как полный урод, вот почему. Он был грубым, саркастичным и вредным без всякой причины. И я ему не нравилась. Он ясно дал это понять. А целовал лишь потому, что я была одной из немногих свободных женщин в радиусе больше ста пятидесяти километров, и он застал меня в уязвимом состоянии. Использовал, чтобы унять зуд.

С рычанием я стремительно подняла колено, угодив прямо в выпирающую молнию Купера. Выскользнула из его объятий и встала рядом с ним, задыхаясь, а он прислонился к стене для поддержки, приходя в себя.

- Какого черта?! - прохрипел он.

- Незачем целовать меня, - сказала я ему. От смущения и смятения горячие слезы закололи глаза. - Я не путаюсь с мужчинами, которым даже не нравлюсь. Просто перестань дурить мне голову, Купер. Оставь меня в покое.

Купер окинул взглядом мое лицо, дрожащие губы, тяжело вздымающуюся грудь, когда я пыталась отдышаться. Он наклонился ниже, проведя кончиком носа по моему горлу, и глубоко втянул воздух.

Он даже забыл о собственной боли, нахмутив брови, когда его теплые пальцы коснулись глухого воротника. Он оттянул его вниз, обнажив уродливые желтые тени заживающих синяков. Я хлопнула его по рукам, отстраняясь.

- Не прикидывайся, что переживаешь, - прошипела я. - Ты очень доступно рассказал о своих чувствах. Это взаимно. Держись от меня подальше, и я изо всех сил постараюсь держаться подальше от тебя.

- Прости, - сказал он, его лицо из бледного стало пепельно серым. - Я не знал.

Купер отступил в тень, взгляд его поблескивающих сине-зеленых глаз был устремлен на меня. Глаза такого же цвета смотрели из темного переулка на Тига перед нападением.

Даже стыдно стало, как много времени мне потребовалось, чтобы связать Купера с волком. Мой мозг вскипел от такой информации. Все кусочки сложились воедино. Глаза. Купер слишком далеко жил от городка. А его частые «охотничьи вылазки». Груда мяса в продуктовой тележке.

Открыв рот, я смотрела на него и хватала воздух. Выражение его лица менялось каждую секунду от гнева к стыду и какой-то странной смеси страха и облегчения. Я сморщила губы, силясь что-то сказать, но он бесшумно вылетел из переулка.

Я сползла по стене и вспомнила все разговоры и перебранки с Купером. Кто-то в переулке все твердил: «Купер волк... волк это Купер...» Потребовалось несколько повторений, чтобы понять, что говорила я.

Рациональной половине моего мозга пришлось нелегко, обуздывая недоверие. То есть на определенном уровне это имело смысл. В этом мужчине слишком много злости, чтобы уместиться в одной телесной оболочке.

Я прислонилась к стене, радуясь хоть какому-то отвлечению от панических воспоминаний. Если оборотни существуют, что дальше? Призраки? Чупакабра [20]? А если я слишком далеко забреду от своей лачуги, то наткнусь на Сасквотча [21]?

Сцены смерти Тига приобрели новые краски перед моим мысленным взором. Купер укусил Тига, покромсал его и оставил истекать кровью. Тиг добрался до своего грузовика, но был слишком сильно ранен или в ужасе, чтобы ехать осторожно. Купер внес свой вклад в то, что Тиг упал в овраг и умер ужасной смертью. Я заглянула себе в душу и не нашла там и намека на отвращение или испуг. Джон Тиг был плохим человеком, творившим мерзости с беззащитными

женщинами только из жадности. Мир без него стал лучше. Если об этом позаботился Купер, я чувствовала к нему благодарность... под толстым слоем досады и раздражения.

Что там по этикету, когда узнаешь, что твой заклятый враг – мифическая тварь из кошмара? Нужно кому-то рассказать? Начать выплавлять серебряные пули? Позвонить в службу отлова бездомных животных?

Я расхохоталась, представив, как Купера вырубает транквилизатором и бросают в приют. Смех отразился от стен – горький, истеричный звук, режущий уши. Я хлопнула по рту рукой, но снова захихикала. И снова. Начав смеяться, я не могла остановиться. Это вылилось в хриплый, мучительный хохот, заставивший меня согнуться и упереть руки в колени.

- Оборотень! – заржала я. – Я думаю, что он оборотень!

Я должна узнать у Эви, где девушка может быстро и без вопросов получить рецепт на нейрорептику.

Нет, не так. Зная Эви, та обязательно спросит, что случилось, а я отвечу «Думаю, что твой кузен по ночам превращается в огромного волка, обеспечивая безопасность женщин на улочках Гранди». И конец дружбе от такого разговора.

Я вытерла глаза, губы немного тряслись от последнего нервного смешка. Волчья теория, скорее всего, была результатом шока, истерики и пережаренного буррито на завтрак. Я потрясла головой. Назад к реальности. Галлюцинации об оборотне в сторону, на самом деле ничего не изменилось. Я не выносила Купера. Если он мог игнорировать всю эту ситуацию с поцелуем в переулке, то и я смогу.

Я вытерла потные ладони о джинсы и поплелась назад в кухню с непроницаемым выражением лица, которое наловчилась принимать. Я шутила с Эви, хоть на ее лбу еще несколько часов оставалась обеспокоенная бороздка. Я улыбалась и разливала кофе. И игнорировала полупустую тарелку Купера, которая стояла в конце бара.

Глава 7

Громовые яйца и этикет пончиков

Все мои дни рождения были чудными.

В детстве я радовалась каждым именинам, потому что становилась еще на год ближе к моменту, когда смогу съехать. Но моя семейка выпендрилась даже в том, как отмечать дни рождения. Вместо того чтобы отпраздновать с тортом (кишащим ядовитым рафинированным сахаром) и подарком (так материалистично), моя мать входила ко мне в комнату точно в три пятьдесят семь утра дабы поведать расчудесную историю моего появления на свет, словно некую сказку. Хотя мне казалось, что в немногих сказках встречались слова «зияние влагалища»

После моего переезда мамуля звонила снова в три пятьдесят семь, чтобы подарить мне с утра пораньше аудио-версию. Это помогло мне занять друзей в общаге. Учитывая, что я родилась в воде, я еще должна быть благодарна, что она не залезала каждый год в ванну, чтобы продемонстрировать.

У меня никогда не было того, что вы понимаете под традиционной вечеринкой на день рождения. Как и в случае с Рождеством, Ханукой, Пасхой и другими традиционными

праздниками, которые отмечали девяносто девять процентов остального населения. Мои родители не видели смысла в днях рождения. В средней школе каждый год мы с Карой и ее родителями проводили небольшие праздники. Но и тут не разгуляешься, чтобы окончательно не обидеть моих родителей. Мать Кары пекла шоколадные пирожные по-немецки, и мы шли в кино. Когда мне исполнилось шестнадцать, Рейнольдсы купили мне тонкий серебряный браслет с подвесками, как и Каре. Каждый год они добавляли по подвеске – шапочку выпускника в выпускном классе или маленькую магнолию, чтобы отдать дань нашим корням. Кара уже отправила мне подвеску на этот год – серебряного лося, чтобы отметить мой переезд на Большой Север.

Утро, когда мне стукнуло тридцать, стало первым, когда я пропустила один из мамулиных монологов. Мне всего лишь хотелось провести тихий и спокойный день на работе. Но когда я утром вошла в салун, там было необычно темно. Я услышала слабый звук быстрого шепота, затем шорох шагов за стойкой. Я попятилась, ударившись в дверь, едва не выронив утреннюю выпечку на пол, нащупывая ручку.

вернуться

20

Чупакабра — неизвестное науке существо, персонаж городской легенды. Согласно легенде, чупакабра убивает животных и высасывает у них кровь.

вернуться

21

«Сасквотч» — так называют индейцы огромное, покрытое шерстью создание, которое, как полагают, бродит в лесах северо-западного побережья Тихого океана.

«Нет».

Нет, черт возьми, это мой дом. Я устала плакать и бояться. Я нашла свое место. Пусть меня снова ограбят, но я не сбегу. Я тихонько поставила пакеты на бильярдный стол и взяла кий. Обогнув буфетную стойку, я приготовилась сделать защитный выпад, когда вспыхнул свет и комнату заполнил оглушительный рев «СЮРПРИЗ!». Я вскрикнула и выронила бильярдный кий. Эви, Базз, Пит, Уолт, Нейт, Герти, Сьюзи Ку и несколько постоянных утренних клиентов повыскакивали из-за прилавка, дуя в свистульки.

Я заморгала от слепящего света. Мне удалось разглядеть, что в баре натянуты розовые и белые гирлянды. На всех дурацкие бумажные шляпы и широкие ухмылки. А на плакате я прочитала «С тридцатым днем рождения, Мо!» из букв, вырезанных из цветного картона. А на стойке стояла до неприличия огромная куча пончиков со свечками. От потока облегчения, любви ко всем им мне сдавило грудь.

- Как вы узнали? - спросила я, все еще дрожа, когда Эви заключила меня в объятия.

- Понимаешь, я же всегда читаю бланки найма, - поддразнила Эви, когда Базз сгреб меня медвежьей хваткой. - Вопрос в том, почему ты промолчала?

- Не люблю юбилеи.

- Привыкай, - сказала на это Эви, поднеся пончик с сахарной пудрой к моим губам.

- Нет-нет, ошибочка, Эви, - вмешалась Герти, ее двойной подбородок дрожал от притворного неодобрения. - Когда девушке исполняется тридцать, она получает шоколадный пончик. Сахарная пудра для сорокалетних.

Эви засмеялась и подала шоколадный пончик с завитушками.

- Вот почему мы терпим ее, - просветила меня Сьюзи, напялив мне на голову большую розовую шляпу «Именинница». - Из-за обширных знаний этикета.

Я смеялась, утирая глаза. Я даже не поняла, что плачу, пока первая слеза не скатилась по щеке. Я смущенно смахнула ее.

- Ой, черт, ребята, мы заставили ее расчувствоваться, - чертыхнулся Абнер.

- Спасибо всем вам за это. Это лучший день рождения из всех, что у меня были.

- Ну, лапочка, как удручающе, - сказал Уолт, качая головой.

Я ожидала, что вечеринка свернется, когда толпа утренних посетителей начала стекаться, но новые клиенты присоединились к нам на пончики. Было немного странно получать обнимашки и пожелания от людей, с которыми познакомилась совсем недавно. Я ожидала, что разозлюсь от такого внимания, захочу сбежать на кухню в поисках тишины и покоя. Но я не чувствовала давления толпы и обязательства изображать радость. Все эти люди лишь хотели, чтобы я веселилась, и вовсе не по их правилам.

- Ну вот, опоздал на сюрприз.

Я повернулась и увидела, как в дверь входит Алан с небольшой коробкой в голубой обертке.

- Уж извини, но Мо ранняя пташка, - сказал Базз. - Ты должен вставать с кровати довольно рано и все такое.

- Если только... - Алан ослепительно мне улыбнулся. Я закатила глаза. Он явно поддразнивал. Алан обнял меня за талию и ласково сжал. Я ожидала бабочек, а ощутила скорее теплый порыв привязанности - такая же любовь у меня была к Нейту, Уолту или Абнеру.

- Эви сказала, подарков не надо, но мне хотелось отдать его тебе, - сказал он, вручая коробку.

- Очень мило. Не стоило... - Я вытащила нечто, смахивающее на миниатюрный огнетушитель. - Ух ты! Алан, у меня нет слов.

- Этот газовый баллончик - медвежий мейс, - сказал он, гордо показывая мне этикетку. - Ты живешь одна, и я беспокоюсь о тебе. С каждым годом медведи подбираются к городу все ближе и ближе. Я хочу, чтобы ты все время носила его с собой. Но не срывай пломбу, не убедившись, потому что это вещество жжет... и окрашивает.

Я кивнула.

- Это очень заботливо, - поблагодарила я.

- Парню действительно должна нравиться девушка, раз он дарит ей перцовый спрей, - заметил Нейт, подмигивая мне. Он выглядел донельзя довольным.

- Можно мне поцеловать именинницу? - спросил Алан, подавшись вперед. Я ощутила запах ополаскивателя полости рта «Скоуп». Готовился, значит. - На удачу, как мне сказали.

- Кто сказал? - поддразнивая, спросила я.

- Ну, уверен, кто-то из них да говорил, - добродушно ответил он, пожимая плечами.

Когда Алан наклонился, я по-дружески клюнула его в губы. Он засмеялся и, намереваясь вернуть поцелуй, пробормотал:

- Одного мало.

Я округлила глаза, когда Алан наклонился и коснулся моего рта. Что касается поцелуев, свое дело он знал. Теплая, мягкая волна от его губ прошла по моему телу до больших пальцев ног.

- Ей тридцать, ты знаешь, - вставил Нейт. - Потребуется много целоваться.

- Сегодня мне еще работать, - запротестовала я в притворном ужасе, обнимая Алана. Он сжал меня в ответ тепло и сильно, и, Господь помоги, я не удержалась и прижалась к нему. От Алана свежесть ментола и хорошим лосьоном после бритья с лесным запахом. Под моим ухом ровно билось его сердце, и я чувствовала теплое дыхание у себя в волосах. Впервые за неделю я ощутила полный покой... и, конечно же, именно этот момент выбрал Купер, чтобы войти в бар.

Через плечо Алана я смотрела, как Купер заметил транспарант, увидел, что я выпрямилась, ослабляя объятия Алана, и нахмурился. Он развернулся кругом и вышел вон. Несмотря на болезненный укол в сердце, я притворилась, что не заметила его.

- Знаешь, я подумал, ты не должна готовить себе на собственном дне рождения, - сказал Алан, легонько коснувшись моей щеки. - Приходи сегодня вечером после работы ко мне домой, и я приготовлю тебе ужин.

- Что ж, это так по-добрососедски, рейнджер Далинг.

- Алан готовит потрясающую лазанью, - добавил Нейт, подмигивая.

- Не перехвали, Нейт, - предупредил Алан. - А то придется до прихода Мо выкинуть коробку «Стоуфферс» [22].

- Уверена, у тебя все выйдет замечательно. Что мне принести?

- Только себя. Но можешь надеть шляпу. В ней ты выглядишь чертовски привлекательно.

- Не могу идти в гости с пустыми руками. Религия запрещает.

Нейт с Аланом скептически воззрились на меня.

- По меркам южан это религия, - гнула я свое.

Вечеринка, в конце концов, свернулась, когда в поисках стейка и яиц завалилась группа туристов. Сьюзи с Герти пытались убедить меня носить колпак именинницы весь день, мотивируя тем, что, если у меня будет покрыта голова, это поможет улучшить санитарию. Я

вежливо отказалась.

Закончив вечером смену, я обнаружила на барной стойке маленькую белую коробку. Внутри оказался округлый обломок породы размером с бейсбольный мяч. Я подумала, что это розыгрыш, но Эви, с улыбкой от уха до уха,хватила из подсобки инструменты и вывела меня в переулочек. Используя шило и молоток, она осторожно постучала по камню.

- Эви, ты что...

- Т-с-с. Я сконцентрирована, - сказала она, пожевывая губу. - Я не делала этого пару лет.

От последнего удара раздался звон и камень раскололся. Даже в тусклом освещении переулочка я смогла разглядеть мерцание молочного кристалла, окруженного темным агатом цвета сланца.

- Это громовое яйцо [23]. - Глаза Эви блестели. - Древние верили, что когда духи грома в горах гневались, то бросались этими штуками друг в друга. Для них нужны особые геологические условия, так что они довольно редкие, даже здесь.

Благодаря родителям-хиппи, в свое время я насмотрелась на кучу кристаллов и жеодов, но ничего похожего. Узоры, пляшущие блики света даже через грубый срез гипнотизировали.

- Но зачем кому-то оставлять его на стойке? Это такие чаевые?

- Это тебе, подарок на день рождения.

Я закатила глаза.

- Эви, это необязательно для меня. Какой-то турист мог просто случайно забыть его тут.

- Ты еще кого-то видишь, кому стукнуло тридцать?

- Ладушки, если это мне на день рождения, то от кого? Почему не оставили карточку? - спросила я.

- Порой подарок и есть сообщение, - сказала она тоном всезнайки. - Ну, хорошо, я видела, как он его выкладывал. Думаю, кое-кто чувствует себя немного виноватым за то, как вел себя с тобой.

вернуться

22

Стоуфферз - популярный в США и Канаде бренд замороженных полуфабрикатов.

вернуться

23

Громовое яйцо (синоним: риолитовый шар) - желвак ленточного агата с сильно бороздчатой поверхностью. Это агат кислых лав, и образуется он заполнением внутренних разрывов литофиз (обособлений) в лаве.

- Купер? Но он... он...

«Он воет на луну и убивает беззащитных лосей».

- Я не нравлюсь ему, - закончила я, запинаясь.

- Ой, милая, да он с тобой просто зайка, не то, что с большинством местных. Порой парень несколько раз дернет за косички, прежде чем соизволит сказать, что ты ему нравишься. Честно, не знаю даже, почему мы их терпим. Просто подожди и увидишь. Он изменится к лучшему.

- Не понимаю, как оскорбление и открытое глумление считаются любезностью, - я слабо фыркнула и посмотрела на часы. Через час я должна быть у Алана. - Черт. Свидание.

- Что ж, пойти на свидание - хороший подход, - сказала она, ухмыляясь.

- Алан готовит мне ужин.

Эви вздохнула. Громко.

- Что?

- Мо, не то чтобы мне не нравился Алан. Я люблю его до смерти, но он не подходит тебе. Тебе нужен кто-то будоражащий... как, скажем, мой идиот-кузен, который, очевидно, не знает, что подарочные карточки нужно подписывать, чтобы было понятно, кто автор романтического жеста. Слабого и немного запоздалого жеста, но...

- Эви, - предостерегла я.

- Куперу нужна девушка, которая не станет терпеть его угрюмое дерьмо, проникнет в душу и найдет классного парня, которым он был раньше. А тебе нужен мужчина, способный взволновать тебя. А Купер вызовет целую бурю, просто заставь его пригласить себя на свидание.

- Ну, у тебя выходит так трогательно, - прошептала я. - А что означает «классный парень, которым он был раньше»?

Эви была довольна собой.

- Что, заинтриговала, да?

Я сердито уставилась на нее.

- Слушай, я наблюдала за тобой с тех пор, как ты сюда переехала. Что достается слишком легко, вызывает в тебе недоверие. А Алана голыми руками взять можно. Все изначально обречено.

- Будет, если продолжишь свою вуду-хрень насчет свидания. Боже, Эви! - Я вскочила на ноги и засунула громовое яйцо обратно в подарочную коробку.

- Ладно, «изначально обречено», возможно, слишком, - сказала она, провожая меня до грузовика. - Только разбирайся осторожнее

- Хорошо. - Я скользнула за руль Люсилль, опустила окно с водительской стороны и, не сводя

глаз с Эви, повернула ключ зажигания. – Если я найду в твой кабинет и обнаружу там куклу Алана с булавками, торчащими из паха, я очень-очень рассержусь.

Домой я ехала, чрезмерно превышая скорость. Положив громовое яйцо на каминную полку, я кинулась в душ и пятнадцать минут потратила, отмывая ароматы общепита. Следующие пятнадцать ушли на метания между несколькими милыми нарядами, которые я привезла с собой. Я разрывалась между свитером и джинсами и красным вечерним платьем с глубоким декольте, которое для ужина было немного чересчур.

Я остановилась на джинсах и небесно-голубой шелковой блузке, подчеркивающей цвет глаз, – подарок Кары на прошлый день рождения. Тепло вспоминая о ней, я надела серебряный браслет с подвесками, когда искала по шкафчикам в ванной подводку, которой не пользовалась с самого переезда. В целом, эффект получился довольно милым, учитывая, что всего час назад я делала бутерброды с тунцом и плавленым сыром.

Я подкатила к дому Алана на две минуты раньше условленного времени – вежливость, но без чрезмерности. А поскольку я не перестала быть гостеприимной южанкой, то всучила в руки открывшему дверь Алану пакет шоколадных шахматок.

- Я же говорил тебе взять только себя, – сказал он притворно суровым тоном.

Я сдержала смех, готовый вырваться от вида передника в мелкую клетку, который он надел поверх футболки и джинсов.

- У меня как раз десерт доходит.

В ответ на это за спиной Алана запищал пожарный извещатель. Когда он повернулся, я увидела дым, поваливший из кухни. Алан побледнел.

- Вот зараза.

Я хихикнула:

- Это десерт?

Алан вихрем метнулся внутрь и вернулся с чем-то вроде длинного черного брикета. Я поняла, что еще недавно это было противнем с шоколадным пирогом. Алан пожевал губу.

- Знаешь, если хорошенько покрыть глазурью, он станет не так плох.

- Алан, бери шахматки и кончай упрячиться.

- Слава Богу, а то у меня руки капец как горят! – вскрикнул он, прекращая мужественно терпеть ожоги второй степени, и зашвырнул обжигающий кирпич в кусты.

- А противень, или что там, спасти не хочешь? – спросила я, когда он повел меня в дом.

- Неа, потом заберу. Запашок будет отпугивать медведей.

- Мило, – хихикнула я.

Алан ввел меня в огромную комнату, служившей одновременно столовой, гостиной и кабинетом. В углу я заметила радио, несколько карт на стене, огромную аптечку, в общем, все, что может потребоваться лесному рейнджеру. Но остальная часть дома была украшена именно

так, как может выглядеть жилище холостяка в глуши. Речь идет о пледах и охотничьих трофеях. Но в доме оказалось чисто и аккуратно. В большом каменном камине плясал уютный огонек, рядом с очагом стояло милое деревянное кресло-качалка. Стол был уставлен тарелками из набора и разными бокалами. В старом глиняном кувшине на столе стоял размером с бейсбольный мяч букет голубых цветов. Дом наполнил запах пригоревшего шоколадного пирога.

- Незабудки? – спросила я, коснувшись пальцами крошечных бархатистых голубых лепестков. Он кивнул. – Очень мило.

Алан пожал плечами.

- Ну, звучит более волнительно, чем букет мытника шерстистотычинкового [24].

Я на миг задумалась.

- Точно.

- Насчет коробки «Стоуфферз» я не шутил. В меню на сегодня салат из пакета и замороженная лазанья. Я редко готовлю сам, поэтому прихожу за едой в салун. Ну, это не единственная причина, - подмигнул он. – Еще компания неплохая.

- Да, Абнер, Базз и Леонард очаровательны, - признала я. – И не прибедряйся. Уверена, все, что ты подашь на стол, будет замечательным... за очевидным исключением пирога. Могу я помочь?

- Нетушки, присаживайся, а я накрою на стол.

Я вскарабкалась на барный стул рядом с кухонным столом, наблюдая, как он сервирует стол с «ловкостью» раненого лося. Я бы предложила помочь, но ох уж эти мужчины с их гордостью. Мне оставалось лишь смотреть и пытаться завязать вежливую болтовню. За едой мы поговорили о его работе, огромной семье в Монтане, о том, как он привыкал к жизни на Аляске.

- На самом деле, не так уж отличается от дома, - сказал Алан, попытавшись положить третью порцию лазаньи мне на тарелку. Я уже лопалась от еды, так что отказалась и налила нам по здоровому бокалу красного вина. – Погода такая же. Такая же простая жизнь. Поначалу я очень скучал по семье. Я единственный из семерых детей переехал с ранчо. Все остальные создали семьи и построили дома прямо рядом с родительским – что-то вроде жилого комплекса. Я говорил папе, что если продолжится в том же духе, то о них расскажут в новостях как об одной из тех странных полигамных групп.

Я вином поперхнулась.

- В конце концов, нужно съехать и стать самим собой, понимаешь? – сказал он, задумчиво потягивая вино. – Конечно, я люблю их безумно, но порой... не знаю, порой мне хочется быть единственным ребенком, чтобы меня никто не прерывал, чтобы приемы пищи не заканчивались драматическими сценами и я мог провести праздники без отчаянного желания запустить индюшачью ножку в чью-то голову с воплем «Никого не волнует, что ты думаешь о следующих выборах!»

- Ну, если тебе станет от этого легче, я единственный ребенок, и все это могло мне только сниться. – Мы перешли на большой удобный коричневый диван с вельветовой обивкой. – За исключением индюшачьих ножек. Мои родители вегетарианцы. Если бросаться, то

неочищенным рисом.

- Хмм. Не везде хорошо там, где нас нет. Нет, от этого мне не легче. Ты сейчас разбила мои детские мечты.

- Мои детские мечты включали вакцинацию и родителей, которые не считали школьный комитет чем-то вроде тайной конформистской организации. Как по мне, так у тебя было идеальное детство.

- Хиппи, да? – спросил он, внезапно проникшись сочувствием.

- Хиппанутые хиппи.

- Ежегодно появляется подобная парочка с желанием построить хижину в заповеднике и жить плодами земли в стиле Торо [25]. Как правило, кончается тем, что я спасаю их на вершине утеса, поскольку они мало времени потратили на изучение здешней жизни или подготовку к ней. Они не думали ни о необходимых инструментах, ни о правильной одежде, еде, убежище. Они шлялись по округе абы в чем, и кончалось все травмами.

вернуться

24

Фото

отсутствует

вернуться

25

Генри Дэвид Торо — американский писатель, мыслитель, натуралист, общественный деятель, аболиционист.

- Ты и обо мне так думаешь? – спросила я.

- Нет! - воскликнул Алан, сжимая мою ладонь. - Здравому смысла у тебя побольше, чем у большинства местных, Мо.

Ясно, Базз не рассказал ему о моей склонности попадать в передряги с волками и серийными грабителями официанток.

Алан придвинулся ближе, и я почувствовала запах мыла «Ирландская весна», вина и теплого домашнего кетчупа.

- Я думаю, ты приспосабливаешься как надо.

Целовался Алан отменно, прямо как Джефф Мозер, которому я подарила невинность. Алан предусмотрел все мелочи. Его губы мягко, а потом настойчивее прижались к моим губам. Обхватив мой подбородок ладонью, он пробежался пальцами по моей челюсти. Притянул меня так близко, чтобы показать, как сильно хочет меня, но не настолько, чтобы я подумала, что он давит.

Я могла целоваться с Аланом хоть всю ночь. Несомненно, это более приятный способ провести вечер, чем мои собственные планы на день рождения с рафаэлками и фильмом «Шестнадцать свечей» [26]. Но когда руки Алана потянулись к пуговицам у меня на блузке, я остановила его и прижалась лбом к его лбу. Я пока еще не готова. Алан милый парень, но не было гарантий, что секс с ним не обернется огромной ошибкой. А следующие полгода придется напрягаться каждый раз, когда он зайдет в салун. Мне нравился Алан. Я хотела проводить с ним больше времени, а целоваться еще больше, но не могла не чувствовать, что все получается как-то слишком легко.

«Черт тебя дерь, Эви».

Я проведу остаток вечера под холодным душем, решая, какое наказание для нее хуже - дать в бубен или лишить шахматок на всю неделю.

Я застонала и спрятала лицо в изгибе шеи Алана.

- Прости. Думаю, мне следует уйти.

- Слишком скоро? - спросил он, поморщившись.

- Я не говорю никогда, просто не сегодня, - сказала я. - Не хочу торопиться.

- Я тоже, - заверил меня Алан, целуя в щеку. - Пусть все идет своим чередом.

- Может, повторим вечер? - я пожала плечами. - Готовить буду я.

- Так и знал. Ужин был ниже твоих кулинарных стандартов. - Он помотал головой от приторного стыда.

- Эй. - Я снова поцеловала его. - Ты старался изо всех сил.

- Склоняюсь перед мастером, - сказал он, поднимая меня на ноги.

- Не забывай это.

- Жаль, что я так долго не приглашал тебя на свидание, - сказал он, накидывая мне на плечи пальто. Подворачивая длинными пальцами мне воротник под подбородком, он на несколько

секунд задержал руки, грея мне кожу и заставив улыбнуться. – Ты кажешься такой, ну, осторожной. Ты получила слишком много внимания сразу, как появилась в городе. Не хотел пугать тебя.

- Я ценю это. И ты не пугаешь меня. На самом деле, непугание – одно из твоих лучших качеств.

Учитывая, что его сильнейшим конкурентом на данный момент был оборотень, я не солгала.

Алан прыснул от смеха:

- Ну, должно же что-то быть в противовес плохой готовке.

Алан проводил меня до грузовика, подарил прощальный поцелуй, от которого подкосились колени, и попросил позвонить как доеду. Самый милый Парень Из всех.

Я въехала на свою подъездную дорожку, радуясь, что не забыла включить фонари над крыльцом. Ночь была ясной и яркой, но мне грела душу способность разглядеть что или кого угодно, кто мог затаиться у моего порога. Мыча дурацкую песенку кантри, я вылезла из Люсилль и задержалась, выискивая из груды металла на брелоке ключ от дома.

- Откуда у меня столько ключей? – удивилась я вслух.

Я перестала копошиться и ощутила знакомый эффект присутствия с восточной стороны небольшого участка, окружавшего домик. Обернувшись, я увидела, что там стоит черный волк и взирает прямо на меня жгучими глазами бирюзового цвета, пугающими в отраженном свете растущей луны. Я инстинктивно шагнула к двери, но выронила ключи. Присев за ними на корточки, я не отрывала от гостя глаз, чтобы не пропустить, двинется ли он на меня, ставшей более уязвимой мишенью. Он лишь сидел, насмешливо наклонив голову набок, словно говоря: «Давай, поспеши, ты последний пункт моего дозора, после чего я могу дальше гонять кроликов остаток ночи».

Вставив ключ в замок и отперев дверь, я обернулась к волку, чтобы – ну не знаю, спокойной ночи пожелать? Но он исчез. Ветки, где он стоял, даже не шевельнулись. Я окинула взглядом остальной двор – ничего.

Почудилось мне, что ли? Это так запоздало проявляется ПТСР? Что если никакого волка и в помине нет? Что если подсознание подсовывало мне клыкастого товарища, дабы защитить от воспоминаний, как я убиваю Тига, избавляюсь от тела и поджигаю грузовик, чтобы скрыть преступление? Раньше не замечала за собой признаков шизы, но ведь такие расстройства не возникают на ровном месте?

Ну вот, такие размышления явно человека с расшатанной психикой.

Как ни странно, но это даже не вошло в топ-лист «пятерки страннейших окончаний дней рождений».

Несмотря на утверждения Эви, что Купер «изменится к лучшему», он явно избегал заходить в салун, хотя я иногда видела его проходящим мимо окна. Я не знала, как к этому относиться. Я чувствовала вину, ведь Купер изменил свое расписание и лишился общества друзей из-за стремления держаться от меня подальше. Я злилась на себя за то, что предположила, будто его проблема связана со мной, злилась, что вообще переживала из-за этого. Потом снова чувствовала себя виноватой. Замкнутый круг.

К счастью, меня отвлек новый предмет раздражения. Через неделю после дня рождения в салун с самодовольной улыбкой чеширского кота вплыла Сьюзи Ку и сообщила, что на почте меня ждет посылка.

Я сказала, что это ошибка. Подарок от Кары я уже получила. Никто, кроме нее, не знал моего адреса.

- Что ж, это довольно увесистая коробка, - лукаво сказала Сьюзи. Мне потребовалось некоторое время, чтобы догадаться, что она для тебя. Адреса не было, отправлено на почту для почтальона Гранди, штат Аляска. А потом я увидела на ярлыке имя. Оно немного меня смутило, точнее сильно, но ты единственная Ванштейн в городе. - Подойдя к самому интересному, Сьюзи ухмыльнулась. - Мо - удачное прозвище. Никогда бы не догадалась, что твое полное имя - Молюц...

- Т-с-с! - вскрикнула я и прижала ладонь к ее рту, прежде чем кто-нибудь из посетителей мог подслушать. Сьюзи хрюкала мне в пальцы. Мое полное имя стало занозой в пальце с тех пор, как я начала ходить в школу. Когда его объявили на церемонии вручения аттестатов, зал целых три минуты задыхался от смеха.

Конечно, по закону я могла его сменить, но родители довольно долго успешно не подпускали меня «к системе». Я в самый последний момент получила номер социального страхования, чтобы подать заявление в колледж. Мысль чистить и так скудную биографию из-за того, что родители оказались непримиримыми хиппи, довольно раздражала. Так что я тщательно охраняла личные данные и документы и мучилась из-за этого. Совсем не хотелось проходить через это в Гранди.

- Извини, - сказала я, убрав ладонь с ее лица.

- О, я считаю, это очень красиво имя, - пыталась поддразнить Сьюзи. - Единственное и неповторимое.

- Чего ты хочешь? - спросила я, сузив глаза. - Как мне купить твое молчание?

- Хотелось бы дюжину тех шоколадных шахматок. - Она кивнула на блюдо под стеклянным колпаком.

Я тщательно завернула их.

- За счет заведения, - сказала я. Под заведением я подразумевала себя.

- Приятно иметь с тобой дело, Молюц...

- Тчч-тшш, - зашикала я, делая движение «рот на замок».

Сьюзи захихикала и освободила табурет.

- Можешь забрать свою посылку в любое время до трех.

- Что все это было? - поинтересовалась Эви, когда я проводила Сьюзи уничижительным взглядом.

- Ничего, - проворчала я.

Был только один человек, кто мог адресовать посылку на мое полное имя. Моя мать.

Посылка еще три дня оставалась на почте, пока я тихо бесилась и до одурения занималась выпечкой. В конце концов, я забрала ее из болезненного любопытства и желания не допустить, чтобы Сьюзи оформила посылку как невостребованную, открыла ее и обнаружила что-нибудь унижительное, что отправила мать.

вернуться

26

«16 свечей» — фильм 1984 года, признанный эталоном жанра молодёжного кино. Режиссёр и автор сценария фильма — Джон Хьюз.

- Ты собираешься ее открыть? - разрываясь от любопытства спросила Сьюзи, когда мы загрузили коробку в грузовик.

- Дома, - ответила я. - Как шахматки?

- Большую часть я взяла в «Стрижки и завивки», - ответила она, усмехнувшись. - Они пошли на «ура». Герти Гоган спросила, что такого я сделала, чтобы заслужить целую дюжину, а я сказала, что всего лишь помогла подруге. - Тут Сьюзи немного смутилась. - Конечно, некоторые дамы в салоне красоты не были в «Леднике» после того, как вы с Эви все там поменяли. Они до сих пор не слышали о тебе. Так что мы с Герти рассказали им все о тебе, твоём переезде и, слово за словом... - тут она затараторила: - у меня вырвалось твое полное имя.

Честное слово, сначала проговорилась мама Кары, теперь Сьюзи. Мне ли не знать, как «неболтливы» люди?

Я взорвалась:

- Сьюзи! Я думала, мы договорились!

- Так получилось, - провизжала она. - Это все из-за шоколада. Не могла мыслить ясно.

- Хорошо, раз так - месяц никаких шахматных привилегий.

- Но Мо!

- Месяц! - повторила я, забравшись в грузовик, и опустила окно. - Буду продавать тебе лимонные пирожные, но только!

Она сморщила нос от отвращения.

- Но я терпеть не могу лимонные!

- Я знаю! - крикнула я и уехала, закатив глаза.

В безопасности машины, скрытая полумраком, я открыла коробку от матери. Внутри я обнаружила очень длинное письмо, которое не стала читать, «Джунгли» Эптона Синклера [27], «Нацию фастфуда [28]», повареную книгу «Путь веганца» и пестро украшенный фотоальбом, полный наших снимков в более счастливые времена. Вот четырехлетняя я с разрисованным лицом - в нашей коммуне несколько месяцев жила боди-артер Люта. Там шестилетняя я сидит

на плечах отца в тот момент, когда мы увидели Джерри Гарсию [29] на концерте. А на той фотографии мне девять, и мы с мамой стоим перед Верховным судом Миссисипи с плакатами «Спасем будущее!». К сожалению, я не могла вспомнить, за что мы протестовали.

На дне коробки было ее фирменное медово-овсяное печенье без сахара, коробка зародышей пшеницы, крекеры «Солнечная жизнь. Клетчатка для здоровья толстого кишечника» и пищевые добавки той же серии с подробной брошюрой, как заботиться о желудочно-кишечном тракте.

Мама потратила сто долларов за отправку, чтобы выслать мне печенье, антимиасную пропаганду и слабительное.

Глава 8

Голая стометровка позора. На старт!

Субботним вечером я мирно сидела дома с кружкой горячего шоколада, листая старый фотоальбом.

Вообще-то я не собиралась проводить выходной в одиночестве. Звонил Алан, пригласил меня в кино в Дирли. Только четыре часа туда и обратно ради фильма с Кевином Костнером, который рейнджер Далинг хотел посмотреть, казались слишком большим усилием. Как, впрочем, ради любого фильма с Кевином Костнером. Но планы отменились, когда Алана вызвали отслеживать огромного черного волка, замеченного какими-то отдыхающими. Мы условились поужинать в следующий уикенд, он пожелал мне сладких снов, и я вернулась к своим детским фотографиям.

Я обнаружила, что в последнее время все чаще и чаще беру альбом, хоть и понимала – мама на это и рассчитывала. Я с радостью смотрела на маленькую темноволосую девочку, с обожанием глядевшую на своих родителей. Это давало мне какую-то надежду на будущее.

Конечно, обновленную привязанность к Эшу и Саффрон сдерживал тот факт, что мое полное имя распространялось по городку со скоростью вируса. Но до сих пор большая часть смешков скрывалась за вежливым покашливанием. Ну, Линнетт выдала пару саркастических комментариев о «мертвых душах» [30] и самокрутках марихуаны, но это были всего лишь смешки. Уолт даже похлопал меня по руке, когда я наливала ему кофе на следующее утро, и признался, что его первое имя Мэрион. Как и саму меня, мое чикануто-хиппанутое имя, данное при рождении, приняли в Гранди.

Покончив с воспоминаниями, я вставила диск с песнями Даффи в стерео и взяла книгу «Уоден» [31]. Как раз подходит случаю. Я прочитала лишь вступление, когда на крыльце послышался грохот и звук волочения.

Кровь застыла, от этого неприятного ощущения задрожали ноги. И все равно мое глупое, потенциально роковое любопытство понесло меня напрямиком к двери, хоть мозг вопил бежать в противоположном направлении. Такой шум должна была слышать полуобнаженная блондинка-старлетка перед тем, как психопат в маске ворвется в ее уединенный домик и сделает из ее кожи обивку для мебели.

Я подкралась к окну и осторожно выглянула. Увидела золотистую кожу. Этот кто-то, похоже, собирается вломиться ко мне домой голышом.

Низкий хриплый голос по ту сторону двери прошептал:

- Помоги, пожалуйста.

Кто бы там ни находился, он ранен. Боль сквозила даже в голосе. Опять же, я читала, что Тэд Банди [32] накладывал фальшивый гипс на руку, чтобы вызвать сочувствие у своих жертв... «Чвак». Я снова выглянула и увидела, что ночной гость рухнул у меня перед дверью. Когда я открыла ее, первое мне на глаза попался чей-то зад. Даже в шоке не смогла не отметить, что задница очень даже ничего.

Проследив взглядом вниз, я обнаружила, что голень незнакомца попала в плен медвежьего капкана. Беспощадные металлические зубья впились в плоть, пуская кровь, от вида которой мне стало дурно.

- Бог ты мой, я звоню девять-один-один.

- Никаких врачей, - выдавил он, перевернувшись ко мне.

- Купер? Какого... - Я прищурилась. Была ли это уловка? Тщательно продуманный план вытурить меня из города или выманить из дома, чтобы с помощью своих волчьих клыков заставить замолчать навечно? Но не думаю, что можно подделать зеленоватую бледность лица или отвратительные раны от тисков капкана. Но если парень оборотень, то возможно все. Если бы я была умной, то сказала бы ему прекратить истекать кровью на моем крыльце и тащить свое израненное раздетое туловище в город.

Купер тяжело дышал.

- Пожалуйста, помоги. Инструменты есть?

Фу. Поверить не могу, что так долго тяну с ответом. Да, он тот еще осел, но все же человек... почти. И он спас меня от уroda дальнoбойщика. Я должна ему как минимум первую помощь.

Я побежала на кухню за ящиком рабочих инструментов. Все в наборе совершенно новое. Надеюсь, этого достаточно, чтобы не занести инфекцию, так как времени стерилизовать их у меня не было. Я притащила тяжелую пластиковую коробку в гостиную, где перед камином свернулся Купер.

- Никаких докторов, - повторил он, его лицо приобрело ужасный оттенок синюшно-серого. - Утром буду в порядке. Только позволь мне тут остаться, ладно? И что бы ты ни увидела, не бойся.

Наши взгляды встретились, и я поняла, что верю ему. Несмотря на ужасные, опасные последствия, я ему доверяла.

- Глубокий вдох, - сказала я ему.

Очки съехали на нос, когда я, орудуя плоскогубцами, надавила на ложкуобразный рычаг капкана, удерживая точно такой же по другую сторону опорной площадки. Челюсти медленно разжались, выпуская хроющую ногу Купера. Он застонал, когда его ступня ударилась об пол.

- Спасибо, - прошептал он прежде, чем провалиться в забытье.

После этих слов капкан вывалился из моих рук и звякнул об пол. Я вздрогнула, забежав глазами по лицу Купера, до сих пор такому расслабленному и спокойному.

Кто еще на земле способен пробежать по лесу с такой штуковиной на ноге? Он что, стал жертвой некоего чудного подражателя «Пилы»? Или это одна из странных волчьих фишек – охотиться на животных голышом? Поэтому Купер противился тому, чтобы я вызвала скорую? Не хотел отвечать на вопросы рейнджеров?

Если бы тут была мамуля, она бы уже приготовила настойку тысячелистника и приложила бы к ранам припарки. Она бы посыпала кайенским перцем его ссадины и воспевала бы к западным ветрам. Со своей стороны я верила в высшую силу «неоспорина» [33]. Я пошла в кухню за аптечкой. Схватив перекись, я вернулась в гостиную. Даже когда я залила пенящейся микстурой рану Купера, он не очнулся. После этого повреждения не выглядели такими страшными. Края казались гладкими и блестящими. Потянувшись за бинтами я увидела, что раны затянулись. Кожа вокруг была здоровая, розовая. Обработав проколы антибактериальной мазью, я замотала вокруг ноги марлю.

вернуться

27

Эптон Билл Синклер-младший — американский писатель, выпустивший более 90 книг в различных жанрах, один из столпов разоблачительной журналистики. Получил признание и популярность в первой половине XX века.

вернуться

28

От книги Эрика Шлоссера «Нация фастфуда» содрогнулись все Макдональдсовы столы мира. Откуда берется мясо, почему так вкусна жареная картошка и какова настоящая цена гамбургера, которую не вывешивают над прилавком. Изложив все это в книге, Шлоссер до сих пор отбивается от разозленных акул американского пищедрома.

вернуться

29

Джерри Гарсия — американский музыкант, гитарист, вокалист группы «Grateful Dead», основоположник психоделического рока на западном побережье США.

вернуться

30

Преданные поклонники группы Grateful Dead (дословно: Благодарные мертвецы), некоторые из которых годами ездили вслед за группой от концерта к концерту.

вернуться

31

«Уолден, или Жизнь в лесу» — главная книга американского поэта и мыслителя Генри Дэвида Торо.

вернуться

32

Теодор Роберт «Тед» Банди — американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы. Его жертвами становились молодые девушки и девочки.

вернуться

33

Используется для обезболивания, профилактики и борьбы с инфекцией и ускорения заживления ран.

Я накинула на Купера одеяло, а в камин подбросила два полена. Плюхнулась на диван и задалась вопросом, что именно делать в подобной ситуации. Первой мыслью была кипяченая вода. Для чего понятия не имею, но в фильмах, когда кого-то ранило в дикой местности, всегда кипятили воду.

Я наклонила голову, наблюдая, как свет от камина играет на коже Купера. Я не думала, что реально оценивала его размеры — длинные гибкие руки и ноги с прекрасной мускулатурой, торчавшие из-под покрывала. Длинные, узкие ступни с высоким подъемом, подушечки пальцев грязные, и их покрывали мелкие заживающие царапины.

За всей массой ран я не обратила внимания на его... экватор. Будет очень неприлично, если я загляну под одеяло? Формально, Купер обязан мне жизнью. А если у него невероятно маленький член, то это объяснит, почему он был таким ослом все время. Следя за его лицом, я подняла покрывало и украдкой подсмотрела.

«Ух ты».

- Теория не подтвердилась, - пробормотала я.

Купер задрожал и шевельнулся, когда прохладный воздух просочился под покрывало. Он хныкнул и подтянул под себя ноги, сворачиваясь в клубок. Вспыхнув, я подоткнула под него одеяло.

Будь я умнее, то прямо сейчас позвонила бы Эви или даже Алану. Но что-то в этом Купере, уязвимом, честном Купере заставило меня захотеть защищать его. Или хотя бы узнать, какого черта он натворил. Должны быть веские причины, чтобы бегать голышом перед моим домом с медвежьим капканом на ноге. Даже с довольно необычными персонажами, с которыми я познакомилась в Гранди, и учитывая проблемку с оборотнем, что уже само по себе заслуживало внимания.

Я свернулась в углу дивана и натянула одеяло до подбородка. И закрыла глаза, наслаждаясь огоньками, плясавшими за веками. Мне снилось, что я бегу. Я неслась через лес. Босые ноги шлепали по ковру из сосновых иголок. Живой покров простирался у меня над головой и под

ногами. Я думала, что листья и низко нависшие сосновые ветки, будут стегать и жалить, но они ласкали пальцы, приглашая меня углубиться в лес. Я не боялась. Словно что-то ждало меня глубоко в чаще. Что-то, в чем я нуждалась.

Проснувшись, я увидела свернувшегося на моем коврик огромного черного волка. Я завопила, подскочив на диване, завалилась на спину и грохнулась на пол.

Ой-ой.

На долю секунды мне показалось, что я слетела с катушек. Или что мамуля сдобрила свои медово-овсяные пирожные пейотом с наркотой. Возможно, все сразу.

- Это правда, - прошептала я. - Вот зараза! Это правда?

Волк поднял голову и посмотрел на меня. Я напряглась и пожалела, что не додумалась захватить кочергу. Я не часто сталкивалась со сказочными персонажами и не знала, чего ожидать.

Купер просил не бояться, что бы я ни увидела, говорил, что не причинит мне вреда. Так что я медленно встала. Волк зевнул и положил голову на лапы. Он выглядел не злым, а усталым. Волк заинтересованно поднял брови, когда я направилась к нему. Я осторожно вытянула перед собой руки, поджав пальцы, чтобы уберечь, если он вдруг щелкнет челюстями. И погладила его костяшками за ушами.

Волк закрыл глаза и уткнулся в мою руку. Он разомкнул гигантские челюсти, и вспышка паники пронеслась по позвоночнику. Я ошиблась. Он собирался меня убить. Вряд ли я успею отскочить, прежде чем он вцепится мне в горло. Я ждала выпада. А разлепив глаза, обнаружила, что он наблюдает за мной, словно говоря: «И почему ты перестала меня почесывать?»

Я застыла, оставаясь абсолютно неподвижной, когда волк подался вперед и провел носом прямо у меня за ухом к ямке у горла. Я затаила дыхание. Кара была права. Жизнь с волками ничего хорошего не принесет. Волк тепло и мокро лизнул мою шею.

- Фу, - я вздрогнула и захихикала, не сдержавшись. - Купер, ну слюни же.

Поскольку волк-Купер не был заинтересован в том, чтобы покалечить меня, то снова зевнул и завалился спать. Я опустилась на колени и уставилась на зверя. Как такое возможно? Как люди могли не знать этого? Как в век видеотелефонов и «фейсбука», когда блоггют даже съеденное на завтрак, в мире существуют люди, способные обращаться в волков и никому об этом не растрепавшие?

Я неуверенно зарылась пальцами в мех зверя. Я никогда не сталкивалась с волками, даже не могла вспомнить, видела ли их, когда родители протестовали в зоопарке Сан-Диего. Я рухнула в угол дивана и остаток ночи провела, наблюдая за его сном. Я полагала, что другой возможности понычаться с оборотнем у меня не будет, так что тут я должна урвать по полной.

Почти на рассвете волк поднял голову и громко зевнул. Толчком поднявшись на ноги, он потянулся. Мех Купера засиял золотым светом, всколыхнулся воздух, и на том месте остался сидеть угрюмый, неразговорчивый охотничий проводник, которого я вроде как ненавидела. Гигантский волк был предпочтительнее. Конечно, клыкастый Купер мог вцепиться мне в горло, но он, по крайней мере, не мог говорить. Купер прикрыл покрывалом голые колени, попытавшись - неудачно - сохранить достоинство в окружении розового ситца с узором из

двойных обручальных колец. Я воспользовалась моментом его неловкого молчания, чтобы с глупой улыбкой восхищенно поглазеть вволю.

Купер казался немного сбитым с толку, когда его глаза сфокусировались на мне, словно он забыл, что я была в комнате. Я могла бы сказать, что вид он имел как у бедной овечки, но подобное сравнение не подходит волку.

Я хотела что-то сказать, но, если серьезно, что тут скажешь в подобной ситуации – «эй, классный зад»? Даже если у меня найдется, что сказать, поймет ли он меня? Как насчет волчье-человеческого словаря?

Вспышка света, теплое золотое свечение охватило фигуру волка – и вот уже волка нет. Там сидит Купер с покрывалом вокруг талии и сжимает губы в белую линию.

– Волка не было. Все это только приснилось тебе, – сказал он низким, звучным голосом Оби-Вана Кеноби и помахал рукой у меня перед лицом, словно проецируя свой джедайский обман разума. Я прищурилась. Он пожал плечами: – Попытка не пытка.

Скрестив на груди руки, я подняла брови:

– Ты появился, серьезно раненый, на моем пороге. Голый. Я не вызвала скорую или полицию даже после того, как ты обернулся в волка! Я бы сказала, что ты должен мне объяснение.

– Э-э, ну, я оборотень.

Я кивнула, поджав губы.

– Да ладно, а я и не заметила.

– Поверь, я не хотел... то есть, я не пришел бы сюда, если бы мог справиться сам. Я был, как ты знаешь, волком и наступил в проклятый капкан, а твой дом ближе всего. Я не знал, что еще сделать. – Он снова прочистил горло. – Так что... Я буду признателен, если ты никому об этом не расскажешь.

– И кто мне поверит? – Я закатила глаза.

– Верно подмечено.

– Но я хочу, чтобы ты произнес это, – сказала я, поднимаясь с дивана. Суставы болели после всеобщего бдения. И на мне заляпанная кровью фланелевая пижама с крошечными раскидистыми астрами. Но ничто не смогло удержать меня пересечь комнату и потыкать пальцем в опасной близости от обнаженной груди Купера.

– Произнес что? – спросил он, дружелюбный тон разбавился более знакомым враждебным тенором.

– Хочу, чтобы ты признал, что я спасла твою задницу. Я не хлопнулась в обморок при виде крови и не сбежала с воплями, когда ты превратился в огромного волка прямо у меня в гостиной. Я выдержала. Я сделала, что нужно было сделать. Я. Спасла. Тебя. – Каждое слово я подчеркивала тычком в грудь Купера. Я быстро отдернула руку, в кончике пальца покалывало от соприкосновения с его теплой гладкой кожей.

– Так что?

- Так что я думаю, кое-кто задолжал кое-кому извинение.

Он скривился.

- Я думал, что задолжал тебе объяснение.

- Объяснение лишь задаток. Произнеси это. Скажи: «Мо, я был неправ. Прости. Ты вовсе не приезжая.

- Ты не приезжая, - без какого-либо энтузиазма повторил Купер.

Возможно, большего мне от него не добиться.

- Спасибо.

- Но это не делает нас друзьями, - сказал он, надутно глядя на меня из-под темных волос, упавших на глаза.

- Я не хочу быть твоим другом, - заверила я его. - Насколько я могу судить, ты все еще полный придурок. Теперь мне известно, что ты придурок, обращающийся волком. Не многое поменялось.

- Славно. А теперь я уберусь отсюда. - Купер встал, отбросив покрывало. Он ухмыльнулся, когда мой взгляд спустился ниже, хотя я изо всех сил старалась не смотреть.

Етить твою!

Все ясно, слишком долго я пробыла в этом доме одна. Мне нужна мужская компания, причем срочно. Но не Купера, напомнила я своим разбушевавшимся гормонам. У меня случался и секс из мести, и строго по сильной химии с одинаково удовлетворяющими результатами. Но Купер со своим могучим рейнджером-членом были абсолютно исключены. Я не сплю с людьми, которым открыто не нравлюсь.

- У меня вопрос, - сказала я. - Много вопросов.

- На волчью тему?

- Нет, я надеюсь, что ты поделишься своим мнением о глобальном потеплении, - парировала я.

- Конечно, на волчью! Как такое возможно? Тебя укусил оборотень? Эви в курсе? Что ты делал так близко от моего дома... умпф!

Купер пересек комнату, не успела я и глазом моргнуть. Запутавшись руками в моих волосах, он дернул меня на себя, к своим губам. Это был не столько поцелуй, сколько его попытка заставить мой рот прекратить шевелиться. Я замычала от протеста, отпихивая его от себя в голые плечи, но он держал мое лицо мертвой хваткой, лишив меня воздуха. Его большие пальцы прочертили линию моей челюсти, а рот смягчился, увлекая мои губы в медленном ритме. Руки, которым полагалось вроде как отпихивать его, обняли его за плечи и притянули ближе. Он прикусил мою нижнюю губу. Я охнула, и он воспользовался этим в своих интересах, скользнув языком мне в рот. Его руки сползли на мои бедра и теснее прижали к телу.

Неважно, каким он был угрюмым и грубым. Неважно, чем сверхъестественным он одарен. Я его хотела. С остальным смогу справиться. Я издала счастливый стон, и что-то в Купере, казалось, застопорилось. Постепенно он отстранился, ослабил хватку. Купер, который секунду

назад с такой жадностью набросился на мой рот, уступил место бесчувственному, ухмыляющемуся Куперу.

Он отошел от меня.

- Поцелуй тебя затыкают. Нужно запомнить.

«Ублюдок. Мохнатое волчье отродье».

Я ахнула и пыталась нашарить под рукой тупой предмет, чтобы запустить в него. Купер неспешно подошел к входной двери и дернул за ручку. Видно было, что он собирался выдать одно из своих фирменных остроумных замечаний на прощание, так что я его опередила:

- Ты все еще голый! - крикнула я, гаденько улыбаясь. - Снаружи холодно. Передавали осадки.

- Брр! - буркнул он, постепенно вернулся в волчью форму и был таков.

Глава 9

Медведи отнюдь не столь дружелюбны, как на картинках банок с медом

После постыдного ухода голого Купера, я сделала вид, будто ничего не случилось и отправилась на работу, решив, что это единственный способ не угодить в комнату с мягкими стенами.

Ну, полной безмятежности добиться не удалось: стоило двери открыться, я поднимала взгляд убедиться, что это не Купер. Глупость какая! Что бы я, черт побери, ему сказала? Сумела бы вести себя, словно не видела его, во-первых, без одежды, во-вторых, покрытого черным густым мехом? Занятая подобными размышлениями, я вылила бедному Алану на колени около двух чашек кофе, прежде чем заметила, что лью мимо его кружки. Когда я еще и столкнула стопку посуды со стойки, и она с грохотом разбилась, Эви заставила меня взять перерыв.

Я прислонилась к стене переулка, прикидывая, сколько должна Эви за разбитую посуду. Тут подруга появилась в дверях кухни и протянула мне бутылку воды.

- Ты в порядке, Мо? Ты что-то слишком взвинчена.

Я глубоко вдохнула и попыталась придумать, что бы сорвать поправдоподобнее. Жаркое свидание, слишком много кофеина, ломка по походкам в магазины... Но тут я посмотрела на лицо Эви, с которого исчезла привычная теплота, и успела заметить проблеск понимания. Эви тут же надела маску отстраненной вежливости.

Так она в курсе!

- Ты ведь знаешь? - спросила я, прищурившись.

- Знаю что? - уточнила Эви, но таким бесхитростным тоном, что становилось понятно: притворяется.

- Ты знаешь, кто такой Купер, чем он внепланово занимается по ночам.

Эви отрицательно покачала головой и уже открыла рот, чтобы все отрицать, но, вздохнув, передумала.

- Да. Как выяснила ты?

- Догадалась недавно, а вчера получила подтверждение после происшествия с медвежьим капканом.

- Медвежьим капканом?!

- С Купером все в порядке, честное слово. А ты можешь?.. - Я вопросительно подняла бровь, но не договорила.

- Двигать бровями? - уточнила она. Думаю, в этот момент Эви еще пыталась убедить себя, что мы имеем в виду разные вещи.

- Нет! Ты можешь превратиться в волчицу?

Эви засмеялась, ее плечи расслабились, словно с них упал тяжелый груз.

- Никто в семье по моей линии не может оборачиваться. В стае таких, как мы, называют мертвой ветвью.

- Ой... Подожди! Так ты знала, что он оборотень, и все равно пыталась нас свести?

- Ну, он не из тех, кто сдует твой дом к чертям, - объяснила Эви с раздражением. - Купер один из первых среди детей своего поколения обернулся, в его семье каждый способен на трансформацию, а это многое значит. Каждое поколение образует стаю, у каждой стаи есть вожак - это естественный порядок вещей. Считалось, что вожаком стаи его поколения, альфой, станет Купер. Спроси кого хочешь, любой ответит, когда был первый оборот Купера, кто самый быстрый, самый сильный. А он решил оставить землю стаи, долину, где живет вся его семья, и переехать за сотню миль, в Гранди. Для оборотня это невероятно тяжело. Просто оказаться так далеко - уже мука.

- Почему? Что такого тяжелого в переезде?

Эви глотнула воды из моей бутылки и пожала плечами.

- На протяжении столетий оборотни следуют своему инстинкту, а он говорит им защищать определенную территорию, охотиться на ней, жить, и уже почти тысячу лет волки подчиняются этому зову. Купер каждой клеточкой жаждет вернуться домой, так представь себе ежедневную борьбу с подобной нуждой - каждую секунду каждого дня, - и ты тоже разозлилась бы.

- Но почему тогда он уехал?

Эви поджала губы.

- Это дела стаи, - она расправила плечи, - моя ветвь мертвая, я не перекидываюсь, а все серьезное, что происходит в стае, пока они в волчьей форме, так и остается для остальных тайной.

- Вот так... клуб для избранных. Почему они оставляют за бортом целую часть своего общества просто из-за того, что кто-то не в состоянии менять ипостась?

- Ничего личного, - объяснила Эви, кажется, ее несколько шокировала моя реакция. - Они очень дружелюбные, любящие, открытые. Мы хорошо друг к другу относимся. Просто волки

занимаются очень серьезными вещами для поддержки деревни, и чем меньше людей об этом знает, тем лучше, так что с нами на такие темы не говорят. Когда Купер уехал, нам сообщили только, что деревне грозила серьезная опасность, а Купер нас всех спас. Что его ранили, а на восстановление требуется время. Но я увидела его здесь, в Гранди пару месяцев спустя, и он отлично выглядел, внешне я никаких ран не заметила. Но он стал другим человеком. Раньше Купер был похож на нашего кузена, Самсона – такой же деятельный, с чувством юмора. Теперь он избегает людей, не заводит друзей, не говорит о возвращении домой, о стае, семье. Черт, да я просто удивилась, когда он что-то вообще мне сказал. Несколько месяцев прошло, прежде чем кто-то в семье наконец-то признал, что, возможно, Купер уже не вернется. Если тебе и правда хочется знать, спроси его сама.

- Ну, да, конечно, так и сделаю, – я фыркнула, – а Базз знает обо всех волчьих штучках?

- Мне как-то не удалось втиснуть эту тему в наши разговоры на свиданиях, – усмехнулась Эви, покачав головой.

- Но, если он не знал, почему же так нервничал и не рассказал полиции о нападении волков на Тига?

Эви робко улыбнулась.

- Он решил, ты, возможно, придумала волка, и не хотел слухов, город-то маленький, проснулась бы на следующее утро Безумной Мо.

- Так я и знала! Я знала, что он мне не поверил!

Эви расстроено покачала головой, услышав возмущение в моем голосе.

- Мо, моя семья, стая, – мы не распространяемся о своих секретах посторонним. То, что Купер тебе доверился, многое значит.

Мы вернулись на кухню, и я вздохнула.

- Эви, не начинай...

Я замолкла, не договорив, когда увидела собравшихся у стойки Базза, Абнера, Уолта, Нейта и Герти. Они выглядели подавленными. Нейт обнимал Герти, она вытирала с лица слезы, а тушь оставляла грязные потеки на ее кукольных щеках. Уолт, казалось, сейчас или тоже заплачет, или что-нибудь разгромит.

- Что случилось? – спросила я Базза.

Он сжал ладонь Эви.

- Нападение в доме Сьюзи Ку. Герти нашла ее на подъездной дорожке утром. Сьюзи изувечена, горло почти вырвано, если бы Герти не проходила мимо... – Он бросил взгляд на всхлипывающую жену. – Скорая забрала Сьюзи в больницу в Дирли. Она в реанимации.

Я потянула Базза и Эви в сторону, заговорила шепотом.

- Ее кто-то избил?

- Нет, – сказал Базз, стиснув челюсти, – это не человек, Мо, а какое-то животное: мы нашли следы и клочки меха. Похоже, что Сьюзи атаковал волк.

У меня дух перехватило. Разве может быть совпадением, что сегодня с утра Купер ушел на пробежку в волчьем обличье, а Сьюзи потом нашли истекающей кровью у ее дома? Посмотрим правде в глаза, сколько огромных волков найдется в окрестностях Гранди?

Купер-волк, даже страдая от боли, когда выбрался из капкана, не сорвался на меня, он был нежен, дружелюбен. И ни следа чужой крови я не заметила. Но, что если он просто слишком ослаб, потому не хотел есть меня? А, может, оборотни просто слишком умны, вот и не кусают руку, которая их перевязывает. Что, если я спасла волка, который напал на Сьюзи Ку?

Люди приходили в кафе и, жуя бургеры с картошкой фри, обсуждали нападение на Сьюзи. Кажется, у каждого нашлась в запасе история о том, как он сам видел волка или гонял его со своей территории. Уолт ворчал на «чертовых зеленых» и их программы, объявившие волков охраняемым видом, вследствие чего популяция хищников выросла, и скоро они нас сожрут. Алан мягко напомнил, что правительство учредило и программы вознаграждения для охотников, добывающих волчьи шкуры, разрешило охоту с летательных аппаратов – для контроля за хищниками. Абнер тут же выдвинул предложение начать программу по отстрелу в Гранди. От этого разговора мне стало нехорошо, я достала таблетки от изжоги и просто молилась о том, чтобы как-то отвлечься от темы.

Я была очень признательна Герти, когда она заметила, что кому-нибудь нужно позаботиться о собаке Сьюзи. Я добровольно вызвалась зайти за псом в обеденный перерыв: мне нравилось почесывать Оскара за ухом, когда мы встречались со Сьюзи на почте, так что мысль о том, как он будет один растерянно бродить по дому, отдавалась некоей болью в сердце.

Едва я подъехала к аккуратному домику Сьюзи с крышей в виде буквы А, за две мили от города, стало слышно, как Оскар лихорадочно скребет дверь. Он привык целыми днями бегать на улице и, казалось, был возмущен тем, что его заперли. Я прошла по дорожке, стараясь не обращать внимания на яркое пятно крови в траве, и открыла дверь данным мне Герти ключом, выпустив собаку.

Оскар являлся весьма жалким образцом таксы черно-коричневого окраса. Если вы загляните в справочники по таксам и просмотрите список черт, которые профессионалы пытаются исключить при выведении породы, то обнаружите подробный портрет Оскара: широкогрудый, с большой головой и прямыми пухлыми лапами, с идеально круглым животом, категорически не желавшим втягиваться. Пес выглядел, как ротвейлер, которого сначала сплюснули, а потом вытянули горизонтально. А в довершение всего, Оскар потерял кусочек уха в драке с безымянным лесным обитателем, так что теперь оставшаяся часть постоянно торчит в сторону, как парус в форме лопаты.

Сейчас на Оскаре надет собачий свитер с высоким горлом светло-зеленого цвета. Когда я открыла дверь кладовки в поисках корма, обнаружилось, что это лишь один из многих дерзких костюмчиков. На полках нашлись еще маленькие собачьи свитера, собачья куртка с капюшоном, даже маленький костюмчик шмеля на Хэллоин.

Фу...

Пока я наполняла едой и водой миски Оскара, пес бегал на улице. Я прошлась по двору Сьюзи в поисках... чего-то, какого-то доказательства невиновности Купера в нападении на начальницу почты. Рядом с подъездной дорожкой обнаружили следы: огромные отпечатки лап в грязи. Они были достаточно велики, чтобы принадлежать Куперу, но с тем же успехом их мог оставить и медведь.

- Что ты здесь ищешь?

- Черт! - вскрикнула я, оборачиваясь. За спиной обнаружился Купер. Он держал руки в карманах и казался расстроенным - испуганным и расстроенным, и весьма разозленным тем, что я сижу возле этих волчьих следов. Словно я вдруг превратилась в кого-то среднего между Нэнси Дрю и долбаным Стивом Ирвином.

- Мы уже обсуждали твою привычку подкрадываться ко мне? - проворчала я.

- Что ты здесь делаешь? - потребовал ответа Купер.

- Проверяю, как дела у Оскара.

- Оскар вон там, - он качнул головой в направлении дорожки. Собака лежала на животе у места, где, должно быть, нашли Сьюзи. Вид у Оскара был растерянный и несчастный, он пристально смотрел на меня своими черно-коричневыми глазами.

- На что ты смотришь?

Я отодвинулась.

- Ты мне скажи.

Купер бросил взгляд на землю и, болезненно сморщившись, произнес:

- Это след большого волка.

- Что ты об этом думаешь?

- Как ты считаешь, что я должен об этом думать?

- Слушай, давай без брехни, ладно? - закричала я. - Ты появляешься в моем доме в волчьем облике после того, как попадаешь в капкан, а на следующий день мы узнаем, что кто-то из наших соседей пострадал от нападения волка. Совпадение во времени представляется мне несколько странным. Так что мне любопытно, Купер, какие выводы сделал ты?

- Я не знаю, - признался он удрученно. - Я не помню, чтобы был здесь прошлой ночью, не чувствую здесь своего запаха, только... кровь, кровь Сьюзи. Не знаю, что и думать.

Услышав муку и боль в голосе Купера, я растеряла весь пыл злости и ярости. Я чувствовала себя опустошенной и беспомощной, и он, похоже, разделял мое состояние. Я глубоко вздохнула и подошла ближе. Он, напротив, отодвинулся.

- Сейчас - только сейчас - я поверю, что ты не имеешь никакого отношения к произошедшему. Ты, конечно, иногда ведешь себя, как полный кретин, но я не думаю, будто ты мог напасть на незащитную женщину, даже принимая во внимание то, что ты сделал с Джоном Тиггом.

Я расстроилась, когда Купер отвел взгляд и засунул руки в карманы. Он сжал губы в тонкую линию, словно бы не давая шальным словам сорваться. Я понизила голос и подошла ближе, почти на расстояние прикосновения, держа руки по швам.

- Ты много раз мог причинить мне вред, как в человеческой ипостаси, так и в волчьей, но не сделал этого, так что я принимаю на веру то, что ты не виновен. Я ни единой душе не расскажу о произошедшем у меня дома, не поменяю своего отношения к тебе, но, честное слово, Купер

Грэхем, если ты предашь мое доверие, если окажется, что ты напал на Сьюзи Ку, я выстрелю тебе транквилизатором в зад и доставлю к парадному входу Алана, перевязав розовым бантиком.

Он усмехнулся.

- А ты, оказывается, не так проста, Мо Ванштейн.

Я ткнула его пальцем в плечо.

- Вот и не забывай об этом.

Раздался долгий тоскливый собачий вой. Я повернулась к псу и попросила:

- Подожди минутку, Оскар. - И продолжила разговор с Купером. - Однако у меня есть несколько вопросов о происходящем с тобой в звериной форме. Так вот, что ты имеешь в виду... - я повернулась туда, где Купер стоял, но его там не было. Он ухитрился беззвучно убежать в лес.

- Я еще и сама с собой разговариваю, - проворчала я. - Чертовы оборотни.

Я быстро пошла к Оскару, бубня под нос, что навыки общения у некоторых совершенно не развиты, а рвотный корень очень легко можно подмешать в любимое волком чили.

- Прости, приятель, - я почесала Оскара за ушами, - Сьюзи пока не вернется, но мы о тебе позаботимся. Пойдем найдем тебе что-нибудь пожевать.

Я попыталась уговорить собаку зайти в дом - без шансов. Попыталась его затащить - он тут же выскочил обратно. Вытащила ему собачьи миски - он перекатился на спину и спрятал нос.

- Не голоден? - уточнила я и поднесла несколько кусочков корма к его морде. Оскар отвернулся.

Глупый цилиндр на ножках!

- Ладно, Оскар, мне надо идти, пока-пока, так что, если ты есть не собираешься...

Стоило мне сказать «пока-пока», как Оскар сорвался с места и помчался к Люсиль, а я поняла, что, торопясь выпустить воющего пса на свободу, не закрыла дверь своей машины.

- Нет, нет! Ох! Оскар, вылезай из грузовика немедленно!

Кто же знал, что таксы могут подпрыгнуть на высоту, в пять раз превышающую их рост? Оскар удобно устроился на сиденье рядом с водительским и гавкнул мне, словно желая сказать что-то вроде «Поздно! Уже занято!»

- Блин. - Я засмеялась и покачала головой. Сомневаюсь, что Герти сможет вернуться в дом Сьюзи после того, что увидела утром, так что, вероятно, кормить Оскара станет моей обязанностью, пока Сьюзи не выпишут... если ее выпишут. Так что, может, будет и проще действительно забрать Оскара с собой. Я закатила глаза и бросилась за сумкой с собачьим кормом и постелью. Когда я вернулась, Оскар нетерпеливо бил хвостом по сиденью.

- Никаких вечеринок. Курить нельзя. И пульт принадлежит мне. - Оскар гавкнул и свернулся в кресле, так что я решила считать это согласием.

- Я вообще-то кошатница, - проворчала я, заводя мотор.

Прогнозы Сьюзи были хорошими, но она все еще оставалась в реанимации. Seriously пострадали ее трахея, челюсть; ребра оказались сломаны, имелись повреждения внутренних органов, и она потеряла два пальца на правой руке, стараясь загородиться от волка. Врачи не знали, сможет ли Сьюзи разговаривать. Мысль о том, что я могу никогда больше не услышать, как она гнусаво ругается, стала едва ли не самой грустной во всей этой тяжелой истории. Полиция приходила к Сьюзи, но все, что она сумела нацарапать на листочке, забываясь то от боли ранений, то от действия обезболивающих, «большой волк укусил меня». Еще несколько дней после нападения на Сьюзи Алан обследовал пространство вокруг ее дома в поисках зверя, но след терялся в лесу через пару миль.

- След исчезает, словно волк выпустил крылья и улетел, - объяснил мне Алан за ланчем.

- Слушай, но ведь на самом деле они так не могут, да?

- Ну, я таких случаев не знаю, - отозвался он и покачал головой. Кажется, сама мысль о подобном слегка развеяла его мрачное настроение. - Я звонил эксперту по поведению волков в университете Аризоны. Он сказал, что нет ничего необычного в том, что волк атакует одинокую, незащищенную женщину, оказавшуюся на улице ночью. Но также добавил, что такому нападению обычно предшествуют определенные знаки, показывающие, что волки кружат в окрестностях города: убийство скота, пропажа домашних животных.

- Я ничего подобного не слышала.

Алан пожал плечами.

- Он сказал, что пошлет мне подборку статей, которые могли бы помочь попытаться предсказать модель поведения волка, если, конечно, он не болен и не ранен, потому что тогда шансов просчитать его поведение просто нет. Я хочу найти зверя прежде, чем на его поиски отправятся другие люди - такие вещи приводят к панике и массовому помешательству.

- Что ты имеешь в виду? - удивилась я.

- Ты видела «Челюсти»? Как сумасшедшие рыбаки охотятся на двадцатифутовую акулу на маленькой лодке с сигнальным пистолетом? Вот точно такая же ситуация - люди жаждут защитить свою собственность, но в процессе, скорее, навредят себе или друг другу, чем поймают монстра.

Я вздрогнула, представив себе, как соседи собираются толпой, зажигают факелы и идут охотиться на Купера.

- Эй, - Алан рассмотрел загнанное выражение на моем лице и сжал мою руку. - Все нормально, не переживай. Я поймаю его прежде, чем пострадает кто-то еще.

Я нервно улынулась.

- Знаю. Я могу как-то помочь?

Он покачал головой.

- Просто не выходи на улицу ночью, даже мусор не выноси в темноте. И всегда носи с собой медвежий перцовый баллончик, который я тебе дал.

- Это не очень-то тебе поможет.

- Знать, что ты в безопасности, - это уже большая помощь, - объяснил Алан. - Я слышал, ты взяла к себе Оскара?

Я кивнула.

- Герти спросила, не против ли я оставить его, пока ситуация не изменится. Я согласилась - он лучший сосед по комнате из всех, что у меня когда-либо были: не ест мою тщательно рассортированную и помеченную ярлыками еду, не имеет задолженностей по счетам за телефон, с ним не нужно бороться за пульт телевизора или за доступ к компьютеру. Если не брать в расчет аренду, все отлично.

Алан расплылся в улыбке.

- Думаю, тебе было одиноко, а собака стала решением проблемы.

- Может, ты и прав.

Мне нравилось по вечерам возвращаться к Оскару. Я открывала дверь, а он сидел на крыльце, ждал меня, стучал хвостом по полу.

Ему нравилось смотреть, как я готовлю. Он благовоспитанно сидел в дверном проеме, но, стоило что-то уронить, и пес (помощник!) лопал это, прежде чем я даже успевала нагнуться. По ночам он спал у меня на ногах, грел их, когда я читала. У нас вошло в привычку немного гулять возле дома перед закатом - Оскар от этого уставал, а я хоть немного отвлекалась от постоянных мыслей про Купера.

Мой не-очень-дружелюбный-сосед-вервольф в последнее время часто бывал в «Леднике», мне казалось, он проверял, умею ли я держать слово или разболтаю всем о его небольшой меховой проблеме. Мы переговаривались друг с другом коротко и, может, кто-то назвал бы это мирно... в фильме Роберта Олтмена. Каждое слово несло скрытый смысл, каждая реплика заставляла задуматься, что же вообще заставляет Купера приходить сюда - день за днем, - если я ясно дала понять, что не собираюсь раскрывать его секреты. Какая-то часть меня просто радовалась, что из наших отношений пропала открытая враждебность по отношению друг к другу, слишком много энергии требовалось, чтобы придумывать все те остроумные оскорбления.

Еще более удивительными оказались попытки Купера поддерживать разговор с кем-то помимо База и Эви, что опять же, возможно, имело некоторое отношение к желанию выяснить, о чем с ними болтаю я, а не к жажде узнать соседей поближе. Хотя поначалу постоянные посетители чувствовали некоторый дискомфорт, вскоре они выяснили, что, когда Купер не рычит и не огрызается на окружающих, он рассказывает отличные истории, а в «Леднике» всегда ценили хороших рассказчиков.

Например, сегодня днем я случайно услышала, как Купер рассказывал Уолту, что взял группу торговых представителей фармацевтической компании из Алабамы охотиться на лосей и велел им извозиться в грязи и лосиной моче, чтобы скрыть человеческий запах. Сам он потягивал кофе и хохотал над одним из охотничков, интересовавшимся, пастеризована ли моча.

Я поставила перед ними заказ и, не успев себя остановить, выдала:

- Не понимаю, как кто-то, столь враждебно настроенный к посторонним, может зарабатывать

на жизнь, вывозя их же на охоту.

В обычной ситуации Купер прекратил бы разговор или нахмурился, сейчас же он усмехнулся.

- Ну, это сложно назвать охотой. Я пытаюсь не дать туристам разрушить экосистему или пристрелить друг друга. Мы блуждаем с ними по лесу, пока не найдем кого-то достойного их времени, я создаю ситуацию, при которой они этого кого-то никак не могут убить. Потом я выдаю длинный монолог на тему «мы духовные братья с животным, хорошо, что промахнулись, будем ответственными, защитим зверей». У них есть, что рассказать дома, у меня деньги – и все довольны.

- А что происходит, если они умудряются действительно попасть? – уточнила я.

Купер пожал плечами.

- Пока такого не случалось. Слушай, ну я не совсем обманщик. Если они выходят со мной на охоту несколько раз и доказывают, что не совсем придурки, я беру их в места получше, предлагаю занять позицию поудачнее. Если они неплохие стрелки, у них и правда появляется шанс убить стоящее животное. До этого момента я считаю себя консерватором, защищающим местную дикую природу от идиотов с оружием.

Я закатила глаза.

- Да тебе просто нравится заставлять мужиков среднего возраста размазывать грязь по их физиономиям.

- Да, и лосиную мочу, не забудь!

Я снова налила ему кофе.

- Ты больной. – Я посмотрела на его завтрак: стейк с кровью, связка из шести сосисок, шесть полосок бекона, большой кусок ветчины и маленький тост. Тост, думаю, был просто для отвода глаз.

- Тебе еще чего-нибудь принести? Может, что-то зеленое и с листьями? Брошюру об ухудшении ситуации с сердечными заболеваниями среди населения?

- Если бы Господь не хотел, чтобы мы ели животных, Мо, он не сделал бы их такими вкусными.

- Знаешь ли, меня один раз посадили под домашний арест за точно такое же высказывание на футболке, которую я надела на митинг по защите прав животных.

Купер широко и искренне мне улыбнулся. Его улыбка потрясла меня, просто сбила с ног. Раньше он никогда мне не улыбался, разве что дразнил.

Было такое чувство, словно возле меня кто-то взорвал коктейль Молотова. Все тело покраснело, стало жарко, тесно, неудобно. Я извинилась и пробормотала что-то про подгорающие на сковороде яйца и скрылась в кухне. С горящими щеками я ринулась в холодильное хранилище, захлопнула за собой дверь и прижалась, обняв себя руками, к полке с замороженной говядиной. Может, я подхватила грипп? Пожалуйста, Господи, пусть это будет грипп.

Ненормально ведь, когда просто от улыбки мужчины в моих трусиках вспыхивает пожар. Я не

хотела, чтобы у Купера появилась такая власть надо мной, особенно, когда между нами все так зыбко и шатко. Нужно просто сконцентрироваться на других вещах, на других людях. Например, на Алане, у которого, насколько я знаю, только одна форма тела.

Я минут пять провела в холодильнике, надеясь, что его воздух остудит мое лицо. Я намеренно проторчала весь остальной день на кухне, готовила, повернувшись спиной к обеденному залу, и трудилась, как пчелка, чтобы кухня блестела, так что смогла пойти домой в ту же минуту, как подошла к концу моя смена, что для меня редкость.

Оскар ждал меня в дверях и выглядел весьма шикарно в своем маленьком красном свитере с узором в ромбик. Я почесала его за ухом, и он выбежал во двор. Мы гуляли сегодня дольше, чем обычно, и я размышляла над новым поворотом в своей жизни. С чего это Купер вдруг стал себя так мило вести? И почему я так на это реагирую? Черт, меня это волнует и возбуждает.

Может, просто избыток гормонов, ответ организма на длительную сексуальную диету? Я так долго голодала, что тело жаждет оторваться по полной программе: Купер, как чувственный жареный во фритюре тройной шоколадный чизкейк, поданный на палочке?

Алан, в свою очередь, ангельский бисквит, сладкий, полезный. Съешь – и ни в чем себя не коришь. Он умный, честный, открытый, внимательный, так почему я думаю о нем «мой друг Алан», когда думать следовало бы «ходячий секс, фантастическая личность, идеальная для меня»?

Я чертыхнулась на мое несговорчивое подсознание и посмотрела на небо. Теперь темнело рано, отчего думалось, как же это будет через несколько месяцев, когда солнце светит всего несколько часов в день. Но я не испытывала беспокойства. Зеленые джунгли, окружающие мой родной город, всегда казались отталкивающими, таили в себе угрозу человекоядных москитов, болотных сапогов, не говоря уж о случайно встречающихся аллигаторах. Здесь же зелень благоухала, тени манили прохладой, я чувствовала, что лес мне рад. Но, как бы очарована я ни была, всегда помнила, с болончиком или без, а уходить от жилья после наступления темноты нельзя.

- Пора домой, Оскар, пойдем, приятель, – позвала я – поводок пес воспринимал, как личное оскорбление. Он побежал ко мне, но через пару шагов вдруг развернулся и со всей скоростью, на которую были способны его маленькие пухлые ножки, ринулся в лес.

- Оскар, нет! – закричала я, услышав его яростный лай.

Я побежала за ним, спотыкаясь о подлесок, ветви преграждали мне путь.

- Оскар, – снова звала я, лай звенел между деревьев. – Не очень-то умно, Мо, гнаться за маленьким псиним канапе в лес, когда на свободе волк, который жаждет крови. С тем же успехом можно было замочить себя в уксусе и вставить в рот яблоко.

Я подумывала вернуться и дать Оскару искать дорогу домой самому, ему ведь, совершенно очевидно, проще, чем мне, пробираться через кусты. И он учует хищника, да? Сможет убежать. Но одна только мысль об одинокой, незащитной собаке в глупом маленьком свитере толкала меня вперед.

Впереди ветви становились тоньше, а в сероватом свете сумерек виднелась поляна. Казалось, Оскар остановился, потому что вой и лай слышались теперь только с одного места. Я бежала вперед и старалась вспомнить, водятся ли так далеко на севере скунсы, потому что отмывать таксу от их запаха я не была готова. Я пролезла через последнюю преграду из веток.

- Черт побери, Оскар... - и тут я услышала рычание.

Я попыталась резко затормозить, упала, приземлившись на попу, вверх ногами. Передо мной стоял на задних лапах медведь гризли, уже потревоженный лающим псом. Его рост был все восемь футов, больше моей первой машины! Одного только такого размера оказалось достаточно, чтобы мой примитивный мозг устремился в уголок черепа, скукожился там и захныкал. Рациональной частью сознания я помнила, что в кармане у меня лежит перцовый баллончик, отпугивающий медведей, но я не могла заставить руку двинуться, чтобы его вытащить, все мои реакции ограничивались криком и возможностью обмочить штаны.

Я выбрала крик. Протискиваясь обратно, царапала руки о ветви и камни. Лес, который еще несколько минут казался сказочным и дружелюбным, превратился в оживший кошмар. Какая ирония, что мои родители, обожающие природу, будут скорбеть о дочери, съеденной этой самой природой?

Медведь вновь опустился на четыре лапы, его горячее и дурно пахнущее дыхание порывами увлажняло мое лицо. У меня пересохло во рту, когда животное придвинулось ближе, его огромная передняя лапа поднялась, чтобы смести меня с лица земли, мое сознание замерло, фиксируя, как необыкновенно длинные когти появляются из пазух. Мелькнула мысль, будут ли на мне красиво смотреться порезы, ответ определенно отрицательный. Я вздрогнула, подняла руки над головой, закрываясь, ждала удара, но тут несколько вещей произошли одновременно.

Удара не последовало, я открыла глаза и увидела между мной и медведем Купера в волчьем обличье. Он стоял, широко расставив лапы, защищая меня, шерсть дыбом, как волоски на щетке.

Я почувствовала прилив благодарности особенностям человеческого мозга, благодаря которым, в надежде оградить меня от ужаса быть съеденной медведем, в отчаянной попытке притупить шок от рычащей, бьющей когтями смерти, в моем сознании появилась картинка пушистого спасителя. Я была уверена, что этот героический образ, который я увижу последним, станет некоторым утешением на моем пути по пищеварительному тракту не очень-то нежного Бена.

Волк зарычал, его низкий баритон перекрыл шум панического отрывистого лая Оскара. Я потрясла головой, возвращая клетки головного мозга на их законные места - Купер оказался настоящим.

Оскар, очевидно, не хотел, чтобы его превзошли в напускной храбрости, так что он прыгнул на переднюю ногу медведя и вцепился в нее своими маленькими зубками. Медведь взревел и отбросил пса от себя одним движением. Оскар взвизгнул и приземлился прямо у моих ног, я схватила его и прижала к себе, хотя он и рвался обратно в бой.

Медведь устремился в атаку, волк зарычал. Медведь попробовал напасть справа, чтобы Купер, отступая против часовой стрелки, отошел от меня, но волк не двинулся с места, отвечая на вызов соперника. Зверь попытался нанести удар левой, в итоге пропустил контратаку волка и был укушен в нос. Купер отступил, его хвост мазнул по траве рядом со мной. Он нагнулся к земле в оборонительной позе и громко зарычал.

Медведь пришел в ярость и издал такой рык, что у меня в ушах зазвенело, но, когда демонстрация медвежьего тестостерона не помогла прогнать врага, зверь опустился на четыре лапы, фыркнул в мою сторону, вроде «ну, и ешь ее сам, не стоит она усилий». Убедившись, что произвел впечатление самого громкого, большого и злого в лесу, медведь медленно удалился.

Я долго и рвано выдохнула, зарывшись лицом в свитер Оскара. Купер перекинулся в человеческую форму. Он был обнажен, покрыт потом и весьма рассержен. Хммм...

Теперь, когда я больше не была парализована страхом и кровь снова поступала к мозгу, я собиралась оценить, что обо мне, как о личности, говорит факт каких-то непонятных отношений с человеком, которого я не особо люблю и который провел обнаженным едва ли не половину времени, когда мы встречались, а меня это, вроде, и не беспокоило. Похоже, надо все же заняться сексом с кем-нибудь. И побыстрее.

- Ты совсем свихнулась? - закричал он, пока я с трудом поднималась на дрожащие ноги. Меня, наконец, отпустило, и я начала осознавать только что произошедшее. По телу пробежала холодная дрожь, пришлось упереться руками в колени, чтобы не упасть.

- Дай мне минуту, - тяжело дыша, попросила я, выставив вперед ладонь.

- Ты хоть понимаешь, что с тобой сейчас могло произойти? Ты ненормальная? Тебе нравится искать неприятности на свою голову? - Купер схватил меня за предплечья и слегка потряс.

- Купер, на какой вопрос отвечать сначала? - уточнила я неестественно спокойным тоном. Я разорвала зрительный контакт и посмотрела вниз. Тут мы оба осознали, насколько он не одет. Купер отступил, опустил руки. Гневный румянец сошел с его щек, и он, казалось, смутился своей несдержанности.

- Я выгуливала Оскара, а он просто убежал от меня, - начала объяснять я. Если бы знала, что здесь медведь, бежала бы в противоположном направлении, поверь. Мне не хочется умереть и я не страдаю от адреналиновой зависимости. Но здесь, в этом городе, я всегда оказываюсь не в том месте и не в то время. А ты, кстати, откуда тут взялся?

Купер опять покраснел.

- Я могу менять форму, когда захочу, но во время полнолуния стремление трансформироваться становится сильнее, - он указал на бледно светящийся круг, поднимавшийся далеко в небе. - Когда желание возрастает, я обычно выхожу на охоту.

- Так близко к моему дому?

- Ты же бросала хлебные корочки и объедки во двор для птиц?

Я кивнула.

- Тебе стоит прекратить, бесплатная еда привлекает всех животных: белок, лис, лосей. Здесь живет особо ленивая семья кроликов, которая каждый вечер лезет через твой двор, трапезничает и двигается дальше вон к тому ручью, - рассказал он, кивая в направлении леса. Сейчас, когда кровь в ушах не стучала, я услышала музыку воды, бегущей по камням. - А маленькие животные привлекают хищников.

- Таких, как ты сам.

- Или медведи. Очевидно, ты думаешь, что их можно прогнать хныканьем и воплями.

- Хм... - не очень убедительно фыркнула я. - Слушай, окажи мне услугу, не лопай свою добычу на лужайке перед домом, я буду спать плохо.

Купер удивленно поднял бровь.

- Что ты имеешь в виду?

- В мою первую ночь в городе ты завалил лося прямо у моего дома, я испугалась до потери пульса. Конечно, я тогда думала, ты настоящий волк, а не Купер-волк, хотя особой разницы все равно нет. - Взгляд Купера стал виноватым и смущенным. Я уточнила: - Ты ничего такого не помнишь?

Он пожал плечами.

- Я не все помню. В волчьем облике кажется, будто снится сон. Кусочки, фрагменты всплывают, но не целая картина. Мой дедушка предполагает, что таким образом слабый человеческий мозг защищает нас от переживаний самых неприятных аспектов волчьей жизни, таких, как поедание сырого мяса. Кому-то из волков, однако, удается четче сохранить образы в памяти. Если бежишь со стаей, тоже больше в голове остается, кто-то предполагает, работает что-то вроде коллективной памяти. Мой кузен Самсон шутит, будто это как кучка членов студенческого братства, готовых, даже жаждающих, напомнить тебе, как идиотски ты себя вел, когда напился вусмерть.

Это многое объясняло, особенно его неуверенность в том, участвовал ли он в нападении на Сьюзи. И он забыл, как помог мне в переулке, потому что такая мелочь не стоила запоминания. Или он помнил, но не считал достаточно важным, чтобы напомнить мне. Я была даже рада, что он не догадывался, как оба этих варианта обижали меня.

- Ты в порядке? - спросил он ласково, опустив взгляд. - Не поранилась?

- Немного испугана и вряд ли когда-нибудь смогу слушать «Пикник плющевого мишки» без определенных ассоциаций, но физически все хорошо.

- Хорошо, - сказал Купер, прочистив горло. - Я не хотел бы, чтобы ты пострадала, Мо. Я... люди в городке не вынесли бы этого.

Я отмахнулась от мысли, что сначала он хотел сказать «я» и только потом заменил его на «люди в городке».

- Все дело в моих блинчиках, - торжественно объяснила я. - Они вдохновляют на преданность.

- Перестань. Хватит шутить, когда я говорю, что ты могла пострадать, - перебил Купер, глядя мне в глаза и притягивая меня ближе к себе за руку. Тепло его ладони проникло сквозь одежду, поднялось вверх. - Ты должна... с тобой ничего плохого не случится, слышишь? Ты должна заботиться о себе.

Я удивленно подняла бровь, не поняв, с чего вдруг его поведение так поменялось.

- Хорошо. Извини.

- Пообещай мне, - настаивал Купер, его голос стал ниже, он словно вибрировал и в моей груди.

- Пообещай мне, что не станешь больше так рисковать, что по ночам останешься дома, в безопасности.

Он замолчал, его дыхание лаской касалось моей щеки. От этого жара, напряженности у меня закружилась голова, все вдруг пришло в движение, стало ярче, било по глазам, только Купер

оставался на месте, непоколебим и спокоен.

- Пообещай, - хрипло прошептал он.

- Обещаю, Купер, - отозвалась я, неохотно отстраняясь. Казалось, когда контакт оборвался, Купер пришел в себя, протрезвел. Он выпрямился, морщинки беспокойства, разрезавшие его лицо, разгладились. Он потянулся ласково потрепать Оскара, но мой маленький приятель с телом в форме сосиски уклонился от прикосновения того, кого признавал альфа-собакой.

Купер вздохнул.

- Я провожу вас с Оскаром домой.

Он опустился на землю. В этот раз я видела, как разливается свет, начиная с кожи на груди, вниз по длинным гибким конечностям. Зрелище настолько захватило меня, что Купер уже почти полностью обернулся, когда я выпалила:

- Подожди, ч-что ты делаешь?

- Трансформируюсь, - раздраженно откликнулся Купер, вынужденный возвращаться в человеческую форму для ответа. - Медведь может вернуться, и, если он наткнется на нас, лучше бы ему сразу видеть перед собой нечто угрожающее. Кроме того, я не особо люблю разгуливать голым по лесу, ветки опасны для... некоторых моих частей тела. К тому же перед тобой неловко.

Я кивнула.

- Договорились.

В этот раз Купер обернулся полностью: свет струился по его коже, оставляя за собой мех и укрепляя мышцы. Он коротко рыкнул что-то Оскару, я меньше полсекунды гадала, понимают ли они друг друга, поскольку пес тут же подбежал к волку, и мы двинулись сквозь кусты к дому. Животные по бокам от меня, словно собачий военный эскорт.

Купер проводил нас до крыльца. Какое бы облегчение я ни почувствовала, увидев теплый желтый свет, струившийся из окон, и дым, поднимающийся из трубы, я все еще не была готова заходить внутрь, слишком уж много вопросов накопилось к Куперу.

Я стояла на крыльце и смотрела на него. Купер громко фыркнул и указал головой на мою входную дверь. Думаю, это была такая безпоцелуйная волчья версия пожелания приятных снов.

- Эм... доброй ночи, Купер.

Он взвыл и снова тяжело вздохнул.

- Хорошей охоты, - снова попыталась я. Кажется, это его успокоило. Он вновь резко, как команду, пролаял что-то Оскару, тот ответил двумя короткими гавами. Купер кивнул и отправился прочь, его черный мех растворился в темноте ночи.

Я посмотрела на Оскара, который, похоже, стоял на карауле, и закатила глаза.

- Тебя что, только что обязали следить за мной?

Оскар издал громкий рык, вполне вероятно напугавший всех белок в округе.

- Просто прекрасно.

Глава 10

Напомни мне не облизывать флагштоки

В аду не жарко. Там холодно – так, что глаза слезятся, зубы стучат, по коже ползут острые, как бритва, ледяные мурашки.

Зима завоёвывала позиции медленно. Сначала хотелось оставаться в пальто, даже когда проходило несколько часов с момента, как я зашла на кухню. Перехватывало дыхание, когда утром нога, опущенная с постели, касалась пола. Потом я вышла как-то за дверь, одетая в теплую длинную парку, морозный ветер ударил меня по щекам, и я рванула обратно в тепло.

С каждым днем я вставала все позже и позже, надеясь проснуться уже не в темноте. Моя разжиженная кровь только ухудшала и без того непростой переход к зимним холодам, я прекрасно это понимала, и только гордость удерживала меня от прихода на работу в зимнем маскировочном костюме, который укрыл бы меня с головы до пят. Но утром я позволяла себе роскошь понежиться под четырьмя полутораспальными стегаными одеялами до последнего.

Именно этим я и занималась, когда Эви ввалилась ко мне в комнату в выходной и стащила с меня все покровы.

- Я полагала, мы сегодня отправимся по магазинам, – укорила она, приземлилась на матрас и выдернула подушку у меня из-под головы.

- Это прямое нарушение закона о доверии «расскажи друзьям, где хранишь запасной ключ», – отозвалась я и снова съёжилась под одеялом.

В это воскресенье Эви нужно было съездить в «Чудеса оптом» в Коновере, чтобы пополнить запасы. Поскольку бар зависел от поставщиков еды и напитков, самим съездить и купить определенные вещи для ресторана оптом выходило дешевле. Я с радостью ухватилась за шанс отправиться с ней, что является весьма грустным показателем того, как бедна в настоящий момент моя общественная жизнь. Мы решили устроить девичник, на повестке дня были ланч, маникюр и покупка освежителя воздуха промышленного размера для мужского туалета.

- На улице столь чертовски холодно, что кажется, мои глазные яблоки заморозились, – заныла я. – Как я только могла подумать, будто справлюсь? Мне необходима жара – такая, чтобы я обжигалась о сиденье, когда сажусь в машину, чтобы у меня был повод вспомнить все симптомы солнечного удара, которые я выучила к двенадцати годам.

- Летом тебе станет полегче, – заверила меня Эви, – продолжительность дня возрастет, ты сможешь сократить количество одежды до всего двух слоев. Брось, Мо, ты же обещала!

Я захныкала и снова спряталась под одеялом.

- Если ты не встанешь, я расскажу об этом Куперу, едва он появится в баре в следующий раз. Представь себе, как он будет тебя дразнить.

Я стиснула зубы, высунулась наружу из теплого убежища и выдала:

- Ты жестокая женщина, Эви Дю Шамп.

- Вот и не забывай об этом, – отозвалась она и потрепала меня по голове. – Кстати, ты что, сказала «чертовски»?

- Существует обратно пропорциональная зависимость моего настроения и способности контролировать акцент. Если как-нибудь услышишь, что я говорю «Абракадабра», беги куда подальше, поскольку ещё чуть-чуть, и я начну убивать случайных свидетелей.

Эви уговорила меня сесть в машину, задабривая обещаниями купить мокко латте и прогуляться по торговым центрам. Сначала я думала, что проводить время вместе за пределами «Ледника» будет несколько неловко, но Эви врубила В-52, и мы хором отвратительно исполнили «Хижину любви» и «Рок Лангуста». Я была очень благодарна Эви за возможность отвлечься, не бомбардировать ее вопросами о Купере два часа подряд, а просто побыть смешной, глупой девчонкой хоть чуть-чуть.

Когда вы живете в таком суровом, спартанском месте, как Гранди, первое, что вы делаете, вырвавшись на свободу, это всякие женские штучки, вроде покупки красивых непрактичных туфель или посещения салона, где вам сделают прическу, которая развалится при первом порыве ветра или сомнется под вязаной шапкой. К моменту приезда в Коновер я просто жаждала подкрутить ресницы и посплетничать о платьях для выпускного вечера.

Коновер вообще-то считается небольшим городком по меркам Миссисипи, но я удивилась, насколько переполненным мегаполисом он казался мне после долгого пребывания в деревне с одной улицей. У меня чуть-чуть кружилась голова, пока мы втискивались в редкие просветы между машин, проезжая перекресток за перекрестком. Кричащие неоновые вывески МакДоналдса, сети магазинов электроники и универмагов, торгующих ширпотребом, били по глазам, и я поняла, хотя и с некоторой долей удивления, что слишком быстро привыкла к тихому, зависимому от погодных условий существованию. И что, возможно, мне больше никогда не будет уютно в большом городе.

Ланч мы запланировали в нашумевшем кафе «Анжу», где подавали в основном салаты и киши. Эви уже вечность хотелось сюда сходить, но Базз из принципа отказывался составить ей компанию. Мы начали с маникюрного салона с едким запахом в торговом центре. Руки пришлось опустить в какую-то жидкость, состав которой мастер разглашать отказалась, однако поинтересовалась, нет ли у нас аллергии на моллюсков. Мысль о соприкосновении со слизью морских гадов меня несколько нервировала, но Эви, казалось, спокойно восприняла эту новость. Её ногти покрыли в насыщенный винный цвет, который при тоне моей кожи смотрелся бы пугающе, а ее смуглые руки прекрасно оттенял. Я выбрала глубокий массаж кутикулы и прозрачное покрытие, поскольку ногти у меня все равно короткие из-за того, что я их грызу, когда нервничаю, и из-за готовки. Вряд ли кто-то захотел бы обнаружить кусочки переливающегося розового лака в своём чили.

Вскоре мы были сброшены с нашего женского рая в жестокую промышленную реальность «Чудес Оптом». Я помогла Эви загрузить в машину коробки с бумажными салфетками и полотенцами, фольгой для запекания и пищевой пленкой. Не удержалась и купила нелепо огромную бутылку шампуня и гигантскую упаковку тампонов. И коробку презервативов – сто штук, которую мне не удалось спрятать от Эви.

- Алан опять пригласил меня на ужин на этой неделе, – объяснила я, – никогда не знаешь, что может произойти.

Эви ошарашено замерла на месте, а, очнувшись, выдала:

- Знаешь, нам потребуется немало времени, чтобы обсудить данную тему. Возможно, мы проболтаем всю дорогу домой.

Пока мы бродили между полок магазина, у меня вдруг включился режим накопления запасов. По правде говоря, меня очень пугала наступающая зима, я все время проверяла, что есть в шкафах, переживала, достаточно ли дома продуктов, как хранить ингредиенты для выпечки в баре. Хватит ли мне яиц, крупы, туалетной бумаги? Может, докупить, а то вдруг погода кардинально изменится? Я начала бросать в тележку странные вещи: почти полуторакилограммовую банку арахисового масла, пачку печенья «Снежные шарики» (сто двадцать штук), шоколадные чипсы, в которых можно было бы утопить линкор. Когда Эви заметила, что я схватила трехкилограммовый блок сыра чеддер, она предприняла, по ее словам, «вмешательство в помешательство первой зимы».

- Милая, иметь под рукой запас на черный день очень важно, но ты уже вступила на суровую территорию сумасшедшего участника движения за выживание, - сказала она,

вырывая сыр у меня из рук. - Большинство людей хранят дома достаточно продуктов, чтобы не выходить в магазин в отвратительную погоду, но таких ужасных погодных условий, при которых твой грузовичок не доехал бы до Ханнигана или кто-то не добрался бы до тебя, у нас не было. Тебе не придется повторить судьбу отряда Доннера.

- Знаю, знаю, - проворчала я, - просто... просто холодает, я чувствую, первое морозное дыхание зимы скоро хлынет на нас. Меня это несколько нервирует.

- Не переживай, все будет в порядке. К тому же первый морозец - это повод для веселья в Гранди, мы устраиваем большую вечеринку в баре, куча еды и танцы, - Эви усмехнулась, складывая более разумные запасы в мою тележку: батарейки, ящик воды в бутылках, сухое молоко, топливо в банках от «Стерно». - Отличное время!

- Почему вы празднуете первые холода?

Эви пожала плечами.

- Для многих это последний шанс пообщаться, потом они больше не приедут в город до наступления тепла.

- Мне показалось, ты сказала, что настолько плохой погоды у вас тут не бывает, - закричала я.

- Я упомянула, что они не приедут в город, но не сказала, что они не могут приехать. Если бы тебе пришлось выбирать, оставаться ли дома, в тепле и уюте, или тащиться в город через шестидесятисантиметровые сугробы за туалетной бумагой, что бы ты предпочла? Большой Морозец - традиция, которая передается из поколения в поколение, - спокойно разъяснила Эви и продолжила звучным голосом, подражая рассказчикам индейских народных сказок, - много-много лун подряд он позволял незанятым мужчинам и женщинам Гранди найти себе спутника, чтобы вместе пережить зиму.

Взглянув на меня, Эви расхохоталась с такой долей ехидства, что я так и не поняла, шутит она или нет.

- Зимой тут особо нечем заняться - или секс, или керлинг.

Меня затрясло при мысли о спорте, где задействованы лёд, тяжелые камни и метлы.

- Я выбираю секс.

Эви подмигнула.

- Моя девочка!

- Но не с Купером!

- Какая же ты упрямая, - вздохнула подруга.

Почти всю обратную дорогу мы спорили по нескольким пунктам:

1. должна ли я прийти на вечеринку Большого Морозца в качестве гостыи, или мне можно прятаться на кухне в безопасности.

2. что мне надеть. Я настаивала, что буду комфортнее себя чувствовать, уйдя с линии огня Леонарда Трамбле, а Эви велела мне подобрать сопли и танцевать, как взрослой девочке, желательно, в красном вечернем платье с низким вырезом, которое она заметила у меня в шкафу.

- Ни за что! - закричала я, когда мы припарковались у бара, - Я даже не знаю, почему его с собой привезла.

- Потому что ты в нем горячая штучка, - пояснила Эви, вылезая из машины, - и знаешь это, вот и протащила его через дюжину штатов. Признайся, что это твоё платье «собираюсь перепихнуться».

- Нет у меня никаких платьев «собираюсь перепихнуться», - стояла на своём я, пока Эви эффектным жестом не вытащила мою огромную коробку презервативов.

- Главное вещественное доказательство, - пояснила она, глядя на меня свысока.

- Ладно, это моё платье «собираюсь перепихнуться».

Запомнить на будущее: найти Эви новое хобби, которое не подразумевает, что я с кем-то пересплю.

Глава 11

Красный Свет, Зеленый Свет

Рука Базза зажала, но он даже не заикался о возвращении на кухню, все его внимание занимал поиск новых способов использования ликёра «Егермейстер». Пожалуйста, Господи, пусть я больше никогда не услышу слова «Егермейстер» и «яйца» вместе, завтрак не должен сгорать на пути по пищеводу.

Переходим к другим медицинским новостям: Сьюзи Ку выписали из больницы. Поскольку в течение ближайших нескольких месяцев ей потребуется постоянный уход, а родственников поблизости у неё нет, врач посоветовал на некоторое время переехать в Западный Техас к дочери. Предположительно, у внуков Сьюзи аллергия на собак, так что я еще побуду хозяйкой Оскара, весьма вероятно, что стану ею навсегда, но ни у кого не хватило смелости сказать такое Сьюзи.

Гранди сразу потерял часть своего весёлого очарования, лишившись начёса Сьюзи и ее дерзкой ковбойской одежды. Казалось весьма странным планировать меню и выбирать украшения для вечеринки, когда кто-то из наших уезжал из города на медицинской каталке, но Эви и Герти уверяли, что для Сьюзи вечеринка Большого Морозца всегда была одним из главных событий года, так что ей бы захотелось, чтобы мы хорошенько натанцевались. Мы решили поставить на стойку фотографию Сьюзи, маленькую свечку и её любимое пиво.

Такова жизнь в маленьких городках: трагедии бьют население по общему заду, становятся темой для обсуждения на недели, а после жители свыкаются. Мы понимали, что большее сделать для Сьюзи не в наших силах, так что просто пытались прийти в себя, толпы народа в обед нашли новые темы для разговоров. Герти стала начальником почты, так что почту я теперь получаю с доставкой на дом – новая и неожиданная роскошь. Герти же, казалось, наслаждалась, впервые в жизни пребывая «работающей женщиной».

Алан несколько месяцев пытался отследить «волка» Сьюзи Ку в окрестностях, но единственной его находкой стали следы вокруг города: ни останков других животных, ни экскрементов, ни следов. Он даже волка вживую ни разу не видел. Но больше всего его удивлял факт, что, преследуя зверя, он постоянно оказывался у моего дома.

– Никогда не видел ничего подобного, Мо, – как-то днем за тарелкой чизбургеров сказал мне Алан. – Ты словно бы живешь на месте постоянного маршрута волков. Не могу поверить, что ты ничего не заметила.

Я засмеялась, а нотки истерики придали реакции правдоподобия. Мне пришлось приложить усилие, чтобы не смотреть все время в окно, где было видно, как у обочины Купер паркует свой грузовик.

– Нет, недавно я видела лишь медведя.

Глаза Алана испуганно распахнулись, он инстинктивно потянулся своей рукой к моей. О, черт. Наверное, не стоило говорить. Лучше, конечно, чем выпалить «Ну, знаешь, у меня там оборотень периодически в гости забегает», но теперь придется выдать Алану сильно отредактированную версию встречи с медведем и найти способ предупредить Купера, чтобы он не прокололся.

Я быстро, не вдаваясь в подробности, объяснила все Алану, при этом сознательно опустив такие детали, как насколько близко я оказалась к ублюдку-медведю и сколько пришлось сделать Куперу, чтобы его прогнать. Я старалась не обращать внимания на то, что Алан стиснул зубы, услышав про Купера у меня в гостях, это не сулило ничего хорошего.

– Я поставлю еще капканов возле твоего дома, дам тебе карту, отмечу их оранжевой охотничьей лентой, но все равно будь осторожна, когда гуляешь с Оскаром.

Я кивнула и повернулась налить Уолту еще кофе. Алан остановил меня, снова коснувшись руки.

– Алан, я буду осторожна, обещаю, – я улыбнулась и потрепала его по руке. Он поймал мои пальцы и сжал их.

Я подняла голову и увидела, что в кафе зашел Купер. Его взгляд тут же скользнул на наши соединенные ладони, и оборотень нахмурился, а я спрятала руку за спину. Купер сел у дальнего конца стойки и позвал Эви. Когда я улыбнулась, приветствуя его, он коротко кивнул и опустил глаза на чашку кофе.

Видимо, мы снова вернулись к невоспитанному поведению. Чудно!

- Доброе утро, Купер, - мой тон был наигранно веселым.

- Доброе, - пробормотал он. Купер снова выглядел усталым и непривычно обиженным.

- Я как раз рассказывала Алану о медведе, которого мы видели около моего дома, - объяснила, бросая многозначительный взгляд в сторону Алана. - Хорошо, что тебе удалось увести нас с Оскаром в дом, прежде чем зверь подобрался слишком близко.

- И зачем ты ему это рассказываешь? - пробурчал Купер.

- Он заметил, что вокруг моего дома слишком много волчьих следов, вот я и уверила, что это ничего по сравнению с медведем.

Мы с Купером встретились взглядами. Он разглядывал мое лицо в поиске... чего? Подозрения? Гнева? Алан начал спрашивать Купера о медведе - те вопросы, на которые я не смогла ответить. Я слишком испугалась, чтобы заметить, какого медведь роста, его отличительные особенности, была ли на нем метка. Лицо Купера застыло, пока он одним духом выпаливал правдоподобные детали, но взгляд его не отрывался от меня.

- А что вы вообще делали у Мо? - спросил Алан.

Глаза Купера сузились, губы слегка изогнулись, открывая ровные белые зубы.

- Просто по-соседски приглядываю за ней.

Прекрасно. Прозвучало достаточно неопределенно - как раз так, чтобы Алан мог додумать жаркий животный секс на моем крыльце, который медведь грубо прервал.

Алан показал зубы.

- Что ж, приятно слышать, что за моей Мо присматривают, - он скользнул рукой по стойке и переплел свои пальцы с моими.

Я не являюсь экспертом по поведению животных, но даже мне понятно, когда кто-то помечает свою территорию. Он бы еще мочой круг у моих ног нарисовал. Алан улыбнулся мне, Купер нахмурился, я удивленно изогнула брови и осторожно вытащила свою руку из захвата Алана.

- Я от тестостерона уже захлебываюсь, так что уйду-ка обратно на кухню.

Когда я оказалась на безопасном расстоянии, мышцы на лице Алана, кажется, расслабились, Купер же, казалось, занервничал сильнее, он соскользнул со стула и снова надел бейсболку.

- Мне пора, - пробормотал он.

- А как же твой заказ? - крикнула Эви, когда захлопнулась входная дверь.

- Отдай его Алану, - раздраженно отозвался оборотень.

- И что это было? - спросила меня Эви, откладывая в сторону список продуктов, необходимых для нашего праздничного меню на вечеринку: крабовых пирожков, чудесных булочек с ветчиной и «сырных пирогов» (мы не могли назвать их мини-кишами, а то мужчины же их есть не станут).

- Я даже притворяться не стану, будто понимаю мужчин, Эви, этого в особенности.

Подруга покачала головой.

- Амазонки были правы. Мужчины нужны только для размножения.

Я кивнула.

- Да, и разговаривать разрешать им нельзя.

В конце концов, я все же надела красное платье на вечеринку Большого Морозца, только чтобы Эви от меня отстала. И еще потому, что решила: хочу уехать домой ночью с Аланом. Если какой-то предмет и мог донести такое сообщение до адресата, то только красное платье.

«Алан - это правильный выбор», - объясняла я своему отражению, нанося на губы дерзкую алую помаду. Единственный разумный выбор. И яснее выразить свой интерес рейнджер мог, только если бы написал о нем на рекламном щите. Так почему я так нервничаю? В последний раз поправила волосы, надела куртку. Алан не торопится, но он явно мной увлечен. Меня никто не отвергнет. Я никогда не нервничала по поводу первого сексуального контакта. Я вообще не нервничала по поводу секса! Подъезжая, я старалась отмахнуться от дурных предчувствий, сосредоточиться на радости от вечеринки, флирта, окончания чрезвычайно долгого воздержания.

Когда я зашла в «Ледник», для дурных предчувствий появился совершенно новый повод. Я одновременно вырядилась слишком кричаще и неподобающе. Мужчины надели галстуки с джинсами, а леди - платья, заказанные, вероятно, по каталогу «Лучшая воскресная коллекция». А еще был Абнер, одетый в старый костюм, полностью сшитый из рубчатого вельвета травянисто-зеленого цвета.

В дверях бара я сняла пальто, и все вокруг замолчали.

Неловко получилось.

Я нервно улыбнулась и нырнула на кухню, где обнаружила Эви, разогревавшую партии закусок, которые я приготовила сегодня днем.

- Я тебя убью! - сообщила ей, натягивая короткий яркий подол на столь привлекающие внимание колени.

- И почему? Потому что я настояла, чтобы ты выглядела красиво? - Эви усмехнулась, протягивая мне поднос с крабовыми китайскими пельменями. - Ты обворожительна, и знаешь это. Притворяться, будто нервничаешь, не надо - раздражает.

- У меня у единственной настолько открытый наряд! - прошипела я. Мои тонкие шпильки нетерпеливо стучали следом за Эви, пока мы расставляли еду на столе подальше от оживленной площадки для танцев возле импровизированной сцены.

- Ну, не думаю, что кто-то возражает, - она намеренно посмотрела в сторону бара на Купера, который только что зашел и разговаривал с Баззом.

Купер надел легкую голубую рубашку, застегнутую на все пуговицы. Выглядела она так, словно он решил не гладить ее, только запустил в сушилку на пару минут. Густые волосы гладко зачесаны назад. Он не отводил взгляд от своего пива, стараясь не обращать внимания на Линетт, вцепившуюся в его руку и уговаривавшую, видимо, потанцевать. Базз поднял взгляд, заметил Эви и толкнул Купера локтем. Купер посмотрел на меня и чуть не уронил бутылку.

Именно на такую реакцию надеется девушка, надевая «обтягивающие наряды». Плохо только, что реакция последовала от Купера.

- Ну, я погляжу, кое-кто не возражает против того, что ты нарядилась. - прокомментировала Эви.

- Я сейчас же надеваю пальто обратно!

- А вот это будет досадно.

Я обернулась и увидела Алана в черном пиджаке, чистой белой оксфордской рубашке и джинсах. Учтывая, что подошел ко мне Алан чуть пошатываясь, возможно, парочку бутылок пива он уже выпил. Я улыбнулась, трепетно взмахнув ресницами, когда он протянул мне руку и пригласил на танец.

Базз нанял группу из Бурне, чтобы они сыграли подборку классического рока и кантри. Под игравшую в настоящий момент песню - грубоватую версию «Кареглазой девушки» - Алан быстро окружил меня, направляя в гущу толпы.

- Я тебе говорил, что ты самая красивая девушка в этой комнате? - спросил он во время бодрого гитарного риффа.

Я покраснела - не могла сдержаться. Маленькое красное платье особенно остро заставляло почувствовать себя девушкой, Алан сделал мне комплимент, так что пылающие щеки в качестве реакции на него были фактически заложены в моих женских хромосомах.

- Не говорил.

- Что ж, скажу.

Я засмеялась и опустила голову Алану на плечо. Он хмыкнул и погладил открытую кожу моих предплечий. Я поджала губы, ожидая реакции: дрожь волнения, мурашек. Черт, да меня бы устроило если бы я вздрогнула, но прикосновение Алана не вызвало никакой реакции помимо теплого чувства привязанности. Я нахмурилась. Осознанно пробежалась пальцами по шее Алана сзади, глядя его - глаза спутника потеплели, он потянулся ко мне, а я по-прежнему не ощущала ничего, кроме предчувствия приближавшейся катастрофы. Я сжала зубы. Почему мои идиотские гормоны не работают как положено?

Я увидела хмурого Купера за спиной Алана, и тут раскаленное добела копье осознания, беспокойства прострелило меня насквозь до самых кончиков пальцев ног. Я сузила глаза, готовая зарычать, но, к счастью, тут Алан окружил меня, и я оказалась спиной к Куперу.

Алан прекрасно танцевал, уверенно вел, оказалось так легко с ним избавиться от моего мрачного настроения. Однако, как бы я ни хотела задуматься о чем-то чувственном, никаких сладострастных мыслей по отношению к Алану у меня не было. Мы перемещались по танцполу, он смеялся и перешучивался с остальными парочками, например, с Нейтом и Герти.

Гоганы двигались с непринужденностью тех, кто учился танцевать вместе. Нейт определенно был обрадован моим выбором партнера – я прямо видела, как он составляет уже контракт на продажу моего дома.

Я официально познакомилась со многими соседями, не желавшими приезжать в город, пока не появлялось особого повода. Как и ожидалось, некоторые держались замкнуто, но то, что я танцевала с Аланом, сглаживало напряжение. Словно бы он некоторым образом за меня ручался, и я была очень ему признательна.

- Как тебе нравится местная ночная жизнь? – поинтересовался он и ласково потерся носом о мою щеку.

Я осмотрелась вокруг, наблюдая за своими громогласными друзьями, желающими выжать из вечера все веселье до капельки, поскольку впереди предстояли долгие зимние месяцы изоляции. Я наклонила лицо, соблазнительно приблизившись к Алану, но, осознав это, стремительно выпрямилась, отодвинувшись подальше от его рта.

- Довольно активная.

Если Алан и понимал мои сомнения, они его не расстроили. Он прижал меня к себе крепче и, почти касаясь моего уха губами, прошептал:

- Знаешь, еще несколько дней до наступления настоящих холодов, последний шанс выбраться и посмотреть дикую природу. Мне известно несколько хороших маршрутов, таких мест, которые тебе здесь больше никто не покажет. А в выходные погоду неплохую обещали...

- А разве это не будет несколько опасно? Со всеми нападениями в последнее время...

- Я тебя буду защищать. Стану твоим личным телохранителем от хищников.

Я сдавленно хихикнула. Алан, едва касаясь, провел рукой вниз по моей пояснице, скользнул к линии ягодиц. Я напряглась, и, стараясь уклониться от прикосновения руки, невольно сильнее прижалась к его груди. Алан воспринял это, как зеленый свет, и еще сильнее сжал меня в объятиях. Разумная часть моего сознания кричала, чтобы я расслабилась и посмотрела, куда все может пойти, ведь Алан очень привлекательный, простой и понятный, к тому же возможно, единственный мой шанс этой зимой на сносный секс без использования батареек. Вторая, более первобытная, часть сознания молила отодвинуться, разорвать соприкосновение бедер как можно быстрее.

Ну, и какого черта со мной происходит? Я же сама этого хотела, так почему так неуютно себя чувствую? Почему ощущаю, что все неправильно? Пытаюсь уговорить себя подвинуться ближе, расслабиться, но меня словно магнитом отталкивает на приличное расстояние.

- Прости, – извинился Алан, ослабляя хватку, поскольку почувствовал мое напряжение, – просто не хочу, чтобы ты ускользнула.

Прежде, чем я подобрала слова для ответа, кто-то похлопал Алана по плечу. Мы обернулись и увидели Купера.

- Позволь, я украду твою даму.

Мое глупое сердце предательски затрепыхалось в груди. До этого я видела, чтобы «даму крали», только на танцах в старых фильмах. Хотя Алан не выглядел довольным

вмешательством. Он чуть сильнее сжал меня, но тут Купер беспечно развел его руки в стороны и закружил меня в танце по комнате, двигаясь к углу. Хмурясь, Алан остался стоять в центре площадки. Линетт тут же скользнула к нему и предложила еще пива.

- Не ожидала тебя здесь увидеть, - прошептала я, а руки Купера скользили по ткани платья на моей спине. Дыхание перехватило, и теплая влажная чувственная волна прокатилась от груди к животу. Ох! Дурацкие сексуальные оборотни! Именно из-за этого я не уеду домой с Аланом. Как бы он мне ни нравился, он не вызывал - и не мог вызвать - того чувства, что заставлял меня испытывать Купер. И я всегда буду об этом знать. А, учитывая сегодняшнюю реакцию, окажись я в постели с Аланом, и он узнает. Мне меньше всего хотелось его обидеть.

Чудно. Алан оказался неверным выбором, но ведь это не значит, что ответом на все вопросы станет секс с Купером. Надо подумать о чем-то не возбуждающем. Бейсбол. Обнаженный Билл О'Райли. Застойный, зловонный запах грязи в Дельте августовским днем. Джакузи Леонарда Трамбле. Влажные носки. Грязный, влажный, обнаженный Купер в джакузи... Черт побери!

- Ну, ты размахиваешь красной тряпкой перед огромным стадом быков, - сказал он, глядя на мое алое платье. И ухмыльнулся, даже не делая попытки скрыть факт, что смотрит мне прямо в декольте. - Ты же знаешь, я всегда приду к тебе на помощь.

Я улыбнулась ему язвительно.

- Да что ты? Ну, может, если бы ты меньше за мной следил, необходимость постоянно приходить мне на помощь отпала бы.

- Следил?

- Ты меня слышал.

В голосе Купера послышалось раздражение.

- Что ж, может, если бы тебе хватало здравого смысла не гулять одной по темным переулкам и не бродить по дикой местности, не зная ее, необходимость находится рядом с тобой и отпала бы. - Он заговорил тише, чтобы никто больше на танцевальной площадке нас не услышал.

- Знаешь, мне известно, где достать еще медвежьих капканов. Держу пари, стоит мне сказать Алану, что вокруг моего дома ночами бродит волк, он целое минное поле устроит из ловушек, - прошипела я в ответ.

- Да уж, дьявол, он тут же примчится и поселится у тебя, - Купер сердито хмурился, - теперь, когда вы двое...

- Что я делаю или не делаю с Аланом вдвоем к тебе не имеет никакого отношения, - мои щеки пылали, - да и с чего бы тебе вообще об этом думать?

- Мне не нравится видеть, как ты танцуешь с ним, - признал Купер.

- А, так все-таки собака на сене, да? - фыркнула я, понизив голос, - извини, это не обидная для волков идиома?

Глаза Купера сузились, ноздри расширились.

- Что ты имеешь в виду? Причем здесь собака на сене?

- Ты не хочешь меня, но ты не хочешь и чтобы я была с кем-то другим.

- Я никогда не говорил, что тебя не хочу, - возразил он, хриплый голос прозвучал так нежно, что, я уверена, никто в комнате больше этого не слышал. Купер смотрел куда-то вниз, его густые темные ресницы касались щек. Он притянул меня ближе, прижал к груди, отчего мое сердце застучало прерывисто. Я перевела взгляд на рот Купера, на изгиб пухлых, нежных, как персик, губ, и все вокруг: лица, голоса, - словно растаяло. Я поддалась притяжению, наклонилась ближе, мое дыхание смешалось с его - теплым и пряным.

И тут за моим плечом раздался голос Алана:

- Думаю, ты слишком долго единолично владел вниманием Мо, Куп.

Мы оба вздрогнули: момент, волшебство, что бы это ни было - растаяло. Я оглянулась и заметила колючий взгляд Алана на Купера. И не Купер ли это только что рычал?

К счастью, Абнер Голайтли воспользовался шансом и вовлек меня в круг танцующих быстрый танец, который он назвал «Теннесийский торнадо» - нечто среднее между джиттербагом и ватуси.

- Я когда-то танцевал так с девчонками на НПО, - сказал мне Абнер, подмигнул и взял под руку. Для сухонького низенького старичка его верхняя часть тела была поразительно сильной. Однако, не знаю, за кого из нас я испугалась больше, когда он меня наклонил.

Я мельком видела Купера и Алана, когда Абнер крутил меня. Алан сел рядом с Баззом у бара и медленно потягивал пиво. Купер отступил за столик в углу. Он следил за мной взглядом, словно бы планируя лучшее направление атаки на особенно раздражающего зверя. Это внимание нервировало, тревожило, так что я изо всех сил старалась себя постоянно чем-то занять. Пыталась спрятаться на кухне, мыть посуду, разогревать еду - но Эви все время меня выгоняла. Танцевала со всеми, кто приглашал, - страшно устали ноги и добавилась проблема: Леонард Трамбле снова на что-то надеялся. Алан привел меня к отдельному столику, но в наш разговор часто вмешивался Уолт, которому не терпелось отделаться от танцев и обсудить спорт. Поскольку я ничего в теме разговора не понимала, моим единственным развлечением стало наблюдение за Купером. Он старался уклониться от все более явных заигрываний Линетт, включая опрокидывание стакана ледяного пива на его колени и попытку последующего неистового оттирания его промежности от жидкости.

Я взмолилась об отдыхе около одиннадцати. Алан предложил проводить меня, но его вывели из игры, вовлекая в дискуссию о звене нападающих команды «Мейпл лифс». Я тут же воспользовалась этой возможностью незаметно ускользнуть домой, чтобы устроить встряску моей нерешительной натуре.

Эви не особо обрадовалась, что я ухожу рано, но помешать мне она не могла, разве что вцепилась бы в мою ногу и не отпускала. Я надела куртку, тихонько попрощалась с некоторыми и улизнула к Люсиль. Открывая дверь со стороны водителя, я почувствовала, что за моей спиной кто-то стоит. Оборачивалась, уже зная, что увижу Купера.

- Что ты хочешь?

Он внимательно посмотрел на меня.

- Не люблю повторять уже сказанное.

- Так ты хочешь меня? – уточнила я, самодовольно улыбаясь. – Ты хочешь меня? Прости, я просто думаю, следует еще раз повторить.

Купер молчал.

- Ну, приятно знать, да. – Я сделала шаг к нему, его руки на поясе напряглись. Я внимательно смотрела на Купера, наслаждаясь видом того, как темнеет радужка его голубых глаз, когда я приближаюсь. Его губы приоткрылись, когда я остановилась, почти прижимаясь своим ртом к его.

- Спокойной ночи!

Я отодвинулась, едва сдерживая самодовольную ухмылку. Купер особо счастливым не выглядел. Я тихонько хихикала, залезая в машину и заводя двигатель. Я до него даже не дотронулась толком, так что такая реакция вызвала у меня удивительное удовлетворение.

Пока я ехала домой, начался снег, и легкие белые пушинки закружились у моего лобового стекла. Прежде снег приходилось видеть только по телевизору. Танец хлопьев на фоне темного горизонта завораживал. Я припарковалась у своего дома и осторожно вылезла из машины: не хотелось бы подскользнуться и свалиться на первой же прогулке по снегу. Подняв голову вверх, я замерла, наслаждаясь легкими, как перышки, прикосновениями-поцелуями снежинок к моим щекам. Хотелось бы надеяться, что это ощущение чуда не оставит меня и месяцы спустя, когда я буду наблюдать тысячный килограмм этой штуки, летящей с неба. Вздохнув, вставила ключ в замочную скважину.

Вот тут-то и раздался громкий вой.

Глава 12

Волчий вой

Кто-то за моей спиной мчался через лес. Испугавшись, что это медведь, я повернула ключ и распахнула дверь. Услышала, что животное выбежало на открытое пространство, обернулась и сразу узнала Купера в его звериной ипостаси.

Он прямо на бегу перекинулся в человека, ударился босыми ступнями о холодный пол крыльца и врезался в меня. Его рот обрушился на мой: жаркое пламя на контрасте со стужей на улице. Одним движением Купер протолкнул нас через проем и захлопнул за нами дверь.

- Разве никто никогда не учил тебя не кричать «волк», пока ты действительно не столкнешься с ним? – зарычал он, слегка прикусил мою нижнюю губу, спустил с плеч пальто и помог обхватить ногами его талию. Он понес меня в гостиную, поставил на пол.

Платье потерялось где-то по пути между диваном и камином. Купер опустился на колени, и мы легли на мягкую, потертую ткань ковра. Кожа Купера оказалась теплее, его запах сильнее, чем мне запомнилось, он поцелуями проследил линию моих ключиц, двигаясь к груди, а его волосы нежно касались моей шеи.

Сегодня я надела один из самых любимых комплектов белья: из лавандового шелка с кружевными вставками в форме тюльпанов. Верх состоял из двух конических чашечек, державшихся вместе на веревочках и молитвах. Прежде я этот комплект мужчинам не

демонстрировала. Связанных с ним воспоминаний не было, что оказалось очень хорошо, поскольку Куперу хватило примерно пяти секунд, чтобы разорвать его в лоскутки.

Пока обрывки моих трусиков опускались на пол, язык Купера начал игру с моим телом. Оборотень покусывал, целовал, дразнил, заставляя мои бедра подниматься вверх, стремясь вновь скорее соприкоснуться с его ртом. Я выкрикнула его имя, когда он, самым кончиком языка лаская средоточие моей чувственности, довел меня до сокрушительного оргазма. Возможно, следовало бы постесняться того, что завелась с пол-оборота, но я сейчас просто не том в состоянии, чтобы смущаться. Единственная мысль, на которую мозг оказался способен – это «КРУТО!»

Купер засмеялся мне в живот, игриво зарычал, перевернул и прижал к коврику, целуя и покусывая изгиб моей спины. Меня вдруг захлестнула паника: я собираюсь заняться сексом с оборотнем. У меня никогда прежде не было секса со сверхъестественным существом – что, если он потеряет контроль над собой, ранит меня? Что, если он может все только в одной, самой известной для волков, позе?

Я решительно настроилась не попасть в статистику пострадавших от неудачного секса, как в фильмах ужасов, так что перекатилась, зацепила ступней Купера за икру и придавила его к полу. Купер улыбнулся как-то сумасбродно, притянул меня ближе и впился поцелуем в рот. Его тело прижималось к моему, и твердый член скользил по моей теплой вспотевшей коже. Я спохватилась: презервативы!

Нам их много понадобится, чрезвычайно много. Я добралась до своей сумочки, которую Купер бросил по дороге, и стала искать «набор для непредвиденных обстоятельств»: тампоны, запасные линзы и длинная ленточка презервативов. Я с восторженным воплем вытащила их из косметички и с кучей средств защиты поползла обратно к Куперу. Увидев количество кондомов, он в удивлении распахнул глаза.

– Что? – спросила я, надеясь, что он не станет возражать против безопасного секса.

– Даже не знаю, то ли бояться, то ли очень, очень радоваться.

Я ухмыльнулась и открыла первый маленький конвертик из многих.

– Давай все же радоваться. – Толкнула Купера на ковер, села сверху и зашептала ему в губы, надевая презерватив, – очень, очень радоваться.

Без дальнейших прелюдий я оседлала бедра Купера и обхватила пальцами его горячий гладкий ствол, направила его в свое тело и ликующе застонала. Легкий дискомфорт от первого проникновения, необходимости приспособиться к размеру уступил место куда более приятным ощущениям. Я замерла и закрыла глаза, чтобы насладиться этим волнующим, захватывающим чувством, а когда открыла их, увидела, что Купер внимательно смотрит на меня, оставаясь абсолютно неподвижным.

Я зарычала. Низкий, агрессивный звук, вырвавшийся у меня из груди, удивил даже меня саму. Глаза Купера распахнулись, когда он одновременно ощутил резкое движение моих бедер. Я тихо засмеялась.

– Ты по-крупному влип!

Купер, казалось, одновременно и очарован, и несколько напуган. Я снова прижалась к нему бедрами и изогнулась так, что спина образовала дугу. Поскольку основной вес приходился на

колени, я брала от ситуации все возможное, продолжая медленно двигаться. Купер полностью утратил контроль над собой, мы двигались в унисон, и с его губ срывались резкие, молящие стоны.

Внезапно Купер сел, одной рукой осторожно поддерживая меня, пока я стояла на коленях, другой рукой взял мою ладонь и переплел наши пальцы. Он страстно целовал меня, на каждый выпад бедер отвечая движением языка. Я держалась за свои икры и задыхалась от ощущения его ладоней на моих обнаженных ягодицах. Он выгнулся, и я опустилась на пол, откинула голову назад и протяжно застонала, потому что Купер достал ту точку, которую мне редко удавалось находить.

Я больше не сдерживалась, каждая клеточка моего тела стала горячей пульсирующей звездой. Купер обхватил руками мои бедра, помогая двигаться с ним в одном ритме, и моя плоть конвульсивно сжималась вокруг его.

Он перекатился, уложил меня на бок поближе к огню и вышел из меня. Я слабо протестуя застонала, но тут он крепко прижал меня спиной к своей груди и скользнул в меня. И снова выскользнул, чтобы вновь войти, резко толкнувшись бедрами. Он дразнил чувствительное, тугое средоточие моей женственности, повторяя свои движения снова и снова. Мне нравилось, как он одной рукой прижимает мои бедра к своим. Второй рукой, нежно придерживая мою шею, Купер притягивал мое лицо ближе к своему. Ритм движений возрос, стал лихорадочным, Купер обхватил меня за талию и сильно обнял. Издав громкий горловой стон, он легонько куснул меня в изгиб шеи и кончил.

Оборотень затих, уткнувшись лицом в мое плечо и восстанавливая дыхание. Я закрыла глаза: от тепла камина и дыхания Купера состояние стало мечтательно-сонным. Он отстранился, дотянулся до одеяла, укрыл им нас, положил подбородок мне на плечо и носом потерся о мою шею. Наше дыхание замедлилось, мне показалось, Купер уже заснул, но он вдруг спросил:

- Слушай, а как у тебя это получается? Сохранять равновесие, так изгибаться...

Он сел, я засмеялась и повернулась.

- Единственное, что я усвоила из моего воспитания - это йога. Я научилась делать приветствие солнцу раньше, чем ходить. Теперь я занимаюсь по часу при любом удобном случае, чаще всего, когда жду, пока что-то приготовится в духовке. Так что у меня превосходное чувство равновесия.

Я прикусила его губу.

Он потряс головой, словно стряхивая с себя что-то.

- Все, что ты сказала после «йоги», я прослушал. Ты умеешь закидывать ногу себе за голову?

- Да, умею. А если ты будешь хорошим мальчиком, я закину ногу тебе за голову.

Купер провел рукой по губам.

- По-моему, у меня слюни потекли.

Маленький лоскуток легкой фиолетовой ткани прицепился к руке Купера, и моему переполненному гормонами мозгу потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что я вижу остатки своих трусиков. Я села и огляделась: по всей комнате валялись клочки фиолетового

шелка, будто пастельное конфетти. Очень дорогое конфетти.

- Ты порвал мое бельё.

- Ну, знаешь, оно мне мешало, - как будто это могло служить оправданием для уничтожения комплекта от «Ла Перла».

- Ты только что порвал белье за четыреста долларов, - уточнила я.

Купер побледнел.

- Ты выложила за белье четыреста долларов?

- Да.

Купер задумчиво покусал губу.

- Я бы назвал это глупостью, но, честное слово, оно стоит каждого потраченного пенни. - Он ухмыльнулся, эээ... по-волчьи. - Тебе стоит начать записывать все на мой счет.

- О, нет, - отозвалась я, толкая его в грудь. - Ты будешь относиться к моему белью с должным почтением. В следующий раз ты остановишься и оценишь... черт, да ты восхитишься, как чудесно смотрится моя попа в шелке.

- Говоришь, в следующий раз?

- О, заткнись, ты же сам знаешь, что этот раз не последний, - пробормотала я. Тут мой взгляд упал на его бедра, и мои глаза распахнулись в удивлении. - Хм, несколько быстрее, чем я ожидала.

Купер перекатился, пригвоздив меня к полу.

- Я быстро восстанавливаюсь. Понимаешь, дополнительный бонус.

Я вздохнула, а он начал медленно скользить внутри меня.

Оборотни такие озабоченные кобели.

Утром, проснувшись в своей кровати, я поняла, что Купер обнимает меня руками и ногами, и мне очень тепло, хотя все одеяла валяется на полу. Я потянулась и обрадовалась, почувствовав приятное напряжение и легкую боль в мышцах. Они словно бы кричали: «У нас был секс! Много-много здорового секса!»

Купер засопел во сне и обнял меня крепче, когда почувствовал, что я пошевелилась. Я фыркнула и глубоко вдохнула аромат его кожи. Купер прижал меня спиной к своей груди и положил подбородок мне на плечо. Вскоре такой вид объятий станет моим любимым.

- Доброе утро, - пробормотал Купер таким хриплым голосом, каким и должен быть голос оборотня сразу по пробуждении.

- Привет, - отозвалась я, наслаждаясь тем, как его щетина легко царапает мою шею. - Голоден?

- Как всегда, - Купер зевнул, и я вылезла из кровати.

Я укуталась в халат, а Купер обмотал простыню вокруг талии. Штаны он, вероятно, оставил где-то в лесу. Мы совершили налет на холодильник и пришли к выводу, что на завтрак будут французские тосты и бекон. Я выложила на сковороду две полные упаковки бекона – больше, чем смогла бы съесть за несколько недель, но ведь я видела, как Купер поглощает свинину в баре. Если он часто будет у меня зависать, на продукты придется потратиться.

Я отбросила эту мысль, ведь строить планы на счет Купера опасно. Насколько я знала, наши отношения кратковременны, однако, я была уверена, что здесь больше ни с кем спать не буду. Какой смысл? Даже, если бы Бред Питт в метель оказался под моей дверью и умолял согреть его своим теплом, чтобы уберечь от переохлаждения, ни это, ни любой другой трюк для завоевания моего внимания не сравнились бы с Купером и его Могучим Пенисом. Стоит предупредить мужское население Гранди: я для них полностью потеряна.

Хотя, конечно, я в любом случае не жалею, ведь количество оргазмов, которых я достигла за последние девять часов, вполне вероятно, позволит продержаться еще год.

Так что я не стала планировать секс (или отсутствия такового) в ближайшие месяцы, а просто взбивала яйца для французских тостов и размышляла о том, как же довольна будет Эви, если узнает, что все ее прогнозы в отношении Купера сбылись. И о том, как меня нервировало пристальное внимание оборотня ко всем моим передвижениям по кухне. Купер не мог не заметить мое состояние.

- Я тебя нерввирую? – усмехнулся он.

- Нет, – выдавила смешок я. – С чего ты взял?

- Ты кладешь чеснок в смесь для гренков, – Купер кивнул на миску, куда я действительно сыпала чесночную соль – к яйцам, ванили и коричневому сахару. Я улыбнулась, закатила глаза и вылила все в раковину. Пришлось начинать заново.

- Это не из-за тебя, просто очки забыла надеть, – чопорно отозвалась я.

- Да, да, только пустые отрицания моего животного притяжения не насытят желудок. Поторопись, женщина.

- Прекрасно, – фыркнула я и разбила еще несколько яиц, – так ты осознаешь, что мы никогда не сможем рассказать Эви о нас, она ведь начнет злорадствовать.

- Я с удовольствием вступлю в программу защиты сексуальных свидетелей, если они отправят нас в один город.

- Договорились.

- Чем хочешь сегодня заняться? – поинтересовался Купер, наблюдая за тем, как я выкладываю первые кусочки хлеба в яичной смеси на горячую сковороду. Я постаралась ничем не выдать радостного возбуждения: он хочет остаться! Мое сознание раздвоилось. Одна часть – гордая, интеллектуальная – приводила веские, разумные доводы за необходимость познакомиться ближе, другая же – похотливая и глупая – кричала: «Секса! Больше секса! Давай послушаем стоны Купера во время оргазма! Хочу Купера обнаженным прямо сейчас!»

Пришлось постараться, чтобы оказаться красноречивее своего подсознания.

- Прости, но вынуждена отметить, у тебя здесь нет одежды, – я прилагала усилия, чтобы

выглядеть невинно. – Это, кажется, ограничивает наши возможности.

Купер довольно ухмыльнулся.

– Я надеялся, что ты заметишь.

– Знаешь, нет необходимости надевать маску джентльмена. Если хочешь провести день, занимаясь сексом, так и скажи.

– Нам, возможно, придется позвонить в национальную гвардию, чтобы прислали презервативов, – сдавленно засмеялся Купер и притянул меня к себе на колени.

– Я купила большую упаковку в «Чудесах оптом», думаю, нам хватит. – Выражение лица Купера поменялось с искаженного ужасом до сияющего от радости. Я пожала плечами. – Люблю быть готовой ко всему.

Когда я проснулась утром в понедельник, Купера уже не было. На его подушке осталась записка, в которой он сообщал, что ему необходимо встретить охотников на лосей в Бекер-Ридже. Погода установилась хорошая, хотя и несколько холодная, но, если она простоит некоторое время, оборотень будет отсутствовать три-четыре дня. Он обещал вернуться как можно скорее. «Окажи мне услугу, – писал Купер, – не смывай меня. Вымой волосы, лицо, что угодно, только не смывай мой запах с тела. Волчьи заморочки, я все объясню по возвращении».

– Фу... – я сморщила нос. Куперу придется смириться с моим безразличием к «волчьим заморочкам», поскольку я не собираюсь три дня обходиться без ванной. – Несомненно, какая-то злая шутка, – сказала я самой себе.

Я зашла в душ и потянулась за гелем. Тут-то я и поняла, что не хочу смывать его. Не потому, что Купер так сказал, мне нравилось чувствовать его запах на коже – мускусный аромат ясенника с пряными нотками. И я надеялась, что, где бы Купер ни был, мой запах он также не смыл, что я останусь с ним.

– Не верю, что я это делаю, – пробормотала я, выключая душ и отступая к раковине. Потекла горячая вода, и я аккуратно нанесла шампунь на волосы. Приняв то, что я назвала «аккуратным омовением», я молилась только, чтобы в ближайшие дни от меня не начало вонять.

Я оделась на работу и укуталась в одно из своих пальто «среднего уровня» – для мягкой зимней погоды. Предполагалось, что температура сегодня упадет градусов на двадцать ниже нуля. Мне нравилось, как местный говорили «всего на двадцать», словно это мелочи. В Миссисипи, если бы снег выпал на полтора сантиметра, школы бы на три дня закрыли, а в «Уолмарте» началась бы паника. Такое чувство, что в ДНК жителей юга ввели код, который заставляет нас бегать сломя голову по рядам с хлебом и молоком в магазине при малейшем признаке твердых осадков. Когда я росла, снежные дни были редкими и оттого драгоценными, поэтому сейчас казалось несколько неправильным собираться на работу, когда из окна видно белое покрывало. Но работа отвлечет меня от мыслей о Купере, и лучше она, чем крайняя раздражительность в результате одиночества или время, проведенное в бессмысленных мечтах.

Я вышла на крыльцо. Земля была укрыта пушистым снежным одеялом, воздух казался чище, день был тихим, все звуки слышались как-то приглушенно. Все сверкало и переливалось в ярком, но неожиданно недостаточном освещении. Я застыла без движения на несколько минут, любуясь и вбирая в себя ощущение от окружающего великолепия. Я была так счастлива иметь возможность наблюдать всю эту красоту, знать, что здесь мой дом. Так благодарна Тиму

за то, что он разорвал нашу помолвку. Дьявол, да я родителям благодарна за то, что они вынудили меня пересечь континент, ведь из-за этого я могу просыпаться здесь. Я зачарованно спустилась с крыльца, и... уууииип! Шлеп!

Я растянулась на спине, как тряпичная кукла. Долгое, безмолвное мгновение я лежала там, смотрела на тридцатисантиметровые сосульки неприличной формы, висевшие на краю крыши моего крыльца, и вспоминала сцену из «Рождественской истории», когда Ральфи Паркер врет, что поранил глаза из-за упавшей сосульки. Была ли права миссис Паркер, могут ли люди умереть от ран, нанесенных свалившимся сверху кусочком льда? Чрезвычайно постыдный способ встретиться с Создателем – с головой, пробитой шампуром льда в форме члена, потому что мои ноги не держат меня благодаря секс-марафону.

Я захихикала, представив свой некролог. Просто валялась на снегу и хохотала, как идиотка, целых пять минут. Потом, наконец, встала и пошла в гараж за новенькой упаковкой каменной соли для посыпки улицы.

Я была так рада, что Купер меня сейчас не видел, я бы этого не пережила.

Среди прочего, первый большой снегопад показал еще и насколько прискорбно плохо я готова к зиме в отношении одежды. Я собиралась залезть в свой грузовик и наступила в свой первый сугроб до лодыжки. Тут-то и выяснилось, что мои туристические ботинки за три сотни прекрасно водопроницаемы. Я понимала, что мне предстоит целый день беготни по кухне в насквозь мокрых, хлюпающих башмаках. Единственный логичный вывод – надо их заменить как можно скорее. Если честно, мне потребуются две-три пары обуви, куча свитеров, терморубашки, штаны на синтепоне, джинсы из зимней ткани. И мне очень хотелось завершить данное дело до приезда Купера, чтобы он не завел песню «Я Же Говорил!»

Стоило Эви услышать волшебное слово «шоппинг», и она уже планировала еще один девичий праздник на завтра: поход по магазинам и процедуры по уходу за лицом. Я хотела включить ее диск В-52, когда мы выезжали из города, но она поставила звук на минимум и внимательно посмотрела на меня.

- Давай, колись.

- Прости, не поняла.

- Что-то произошло, ты изменилась. Глаза блестят, с лица не сходит глупая улыбка. – Эви прищурилась. – У тебя был секс.

Я побледнела, но постаралась скрыть свое удивление за ухмылкой.

- Да, мне тридцать лет, быть девственницей в таком возрасте наверняка весьма печально.

- Я имею в виду, недавно, – обвинила она. – У тебя недавно был секс, а ты мне ничего не рассказала!

- Эви, я должна признаться, – с напускной серьезностью начала я, вызвав самодовольную широкую улыбку на лице подруги. – Я наконец-то поддаюсь чарам Леонарда Трамбле. Темные удовольствия, которые сулит его джакузи, слишком притягательны, чтобы и дальше сопротивляться соблазну.

Эви сжала губы, и ее передернуло.

- Фу.

- Пусть это будет тебе уроком. Не стоит совать нос не в свое дело, - проворчала я.

Она в ужасе покачала головой и направила все внимание на дорогу.

- Образы, которые ты только что создала в моем воображении, никогда оттуда не исчезнут. Это же зло в чистом виде.

- Так вот почему ты согласилась поехать со мной сегодня? Хотела выпытать подробности?

- Нет, мне действительно нужна новая одежда, а Базз до чертиков ненавидит ходить по магазинам. Я просто разумно использую время в пути. - Она пожала плечами, вновь направила своё внимание на дорогу и руль в руках. Некоторое время Эви молчала.

Я сердито посмотрела на неё.

- Итак... Ты превратила наш девичник, редкое удовольствие, о котором я весь день мечтала, в скрытый допрос. Заставила меня почувствовать себя очень неудобно и испортила настроение. Не то, что бы я хотела поставить тебя в неловкое положение...

- Я так понимаю, с меня оплата косметических процедур, да? - пробормотала Эви.

- Ну, может, ещё восковая эпиляция, - чопорно отозвалась я.

- Я не согласна на бразильскую эпиляцию! Даже мое чувство вины имеет свои пределы.

Эви удалось защитить свои интимные области от горячего воска, и она как-то ухитрилась уговорить косметолога "порадовать" меня оформлением бровей, пока я ещё сидела в кресле. Она смеялась значительно больше, чем следует в случае удаления волос.

- Не понимаю, почему ты все ещё злишься, - посмеивалась Эви, пока мы втаскивали огромные сумки в бар через кухонную дверь. Бар только что закрылся, так что здание пустовало, только Базз должен был нас дожидаться, чтобы Эви отвезла его домой. - У тебя такой красивый естественный изгиб бровей, он просто умолял показать его миру.

- Это все очень смешно, конечно. Надеюсь, у меня не останется вечно удивленное выражение лица, - возразила я.

В баре было непривычно тихо без клиентов, только едва доносится звук музыкального автомата, который играл какую-то старую песню Уэйлона Дженнингса.

Эви позвала:

- Базз, тут двум леди требуется твоя помощь!

Из-за угла выглянул Пит.

- Привет, Эви, давай понесу.

Эви поджала губы.

- Что ты здесь делаешь, милый?

- Базз попросил меня вас дождаться, Алану позвонили из полиции штата. Пропало несколько туристов на самом краю заповедника, на северо-западе. Помнишь юнцов из университета Аризоны, которые недавно хотели купить пива по фальшивым удостоверениям? Они собирались влезть на гору и поиграть в «последних героев», пока погода позволяет.

Я покачала головой, вспомнить определённых ребят не получалось, так много туристов появлялось в городе, что я перестала обращать внимание. Грызло чувство вины за то, что не могу воспроизвести в памяти их лица. Я начала смотреть на людей, как большинство в Гранди: свои и чужаки.

Пит пожал плечами.

- Сегодня они должны были выйти на связь с друзьями, но от них уже три дня никаких известий. Базз с парой ребят из города присоединились к поисковой группе, так что он попросил меня поторчать тут.

- Северо-западный край заповедника, - я мысленно прикинула, где это. - Недалеко от моего дома?

- Да, - пожал плечами Пит.

- Пожалуй, стоит поставить кофе, - вздохнула Эви. - Если они только к ночи освободятся, то придут сюда, дом Алана слишком мал для подведения итогов.

- Слушай, твоя официальность пугает, - поморщилась я.

Пит кивнул и потрепал меня по плечу.

- Мы здесь серьёзно относимся к пропавшим людям. Они могут умереть в течение всего лишь одного дня на природе в случае небольших изменений погодных условий, падения или незначительного ранения.

- Может быть, они просто сбились с пути и немного заплутали, - пыталась ободрить меня Эви, но её голос звучал неуверенно.

Я помогала готовиться к приходу поисковой группы. Температура воздуха была около минус двадцати, и я переживала за Алана, Базза и моих друзей. Интересно, каким идиотом надо быть, чтобы отправляться в поход при такой погоде. Стоит ли вообще моим друзьям рисковать жизнью, разыскивая придурков, самих себя подвергших такой опасности?

Я испекла печенье, потому что нужно было чем-то себя занять. Казалось, что, пока я замешивала тесто, раскатывала, вырезала стаканом кружочки, напряжение немного спало. Уже давно стемнело, когда, наконец, Базз ввёл свою группу в бар. Мужчины кашляли, ворчали и стряхивали с ботинок застывшую грязь. Мы с Эви раздавали кружки с кофе, как спасательные круги.

- Ты в порядке? - спросила я, протягивая кружку бледному, вымотанному Алану. Последние дни он держался непривычно отстранённо. Я-то думала, он будет флиртовать со мной еще активнее, пока Купера нет в городе, а он почти не разговаривал, отводил глаза, стоило мне к нему подойти. Я переживала, что он почувствовал, что между мной и Купером что-то происходит, и решил прекратить изображать дружбу между нами. Но, вроде бы, Алан обрадовался, когда увидел меня с кофе и выпечкой. Его усталая улыбка казалась искренней, хотя и несколько настороженной.

- Мне уже лучше, - признал он, делая большой глоток и грея руки о теплую кружку. Я налила кофе Абнеру.

- Нашли что-нибудь? - я долила кофе Алану. Он поморщился.

- Юнцы, которые сообщили о пропаже, указали нам направление, где ребята собирались разбить лагерь. Мы обнаружили стоянку: палатка разорвана в клочья. Спальники, еда - все разбросано, будто бы после торнадо. И повсюду следы. Огромные следы.

У меня упало сердце, и появилось тяжёлое ощущение дежа вю. Я попыталась сосредоточиться на дыхании, на музыкальном позвякивании ложек и кружек, на кряхтении мужчин, гревшихся за едой.

- Волчьи следы? - уточнила я, хотя ответ слышать мне не очень хотелось.

Алан кивнул. - Как у дома Сьюзи Ку?

Алан снова кивнул. Он казался абсолютно разбитым.

- По всему лагерю пятна крови, но тел нет, как и... частей. Словно бы студенты затеяли драку, а потом сбежали оттуда, визжа и разбрасывая все. У них с собой были ружья, чтобы испугать и убить двух взрослых ребят, одного волка недостаточно, но стаи так себя обычно не ведут. Даже целая стая сойдёт с пути, если на дороге появляется человек и есть возможность избежать встречи. Обычно на человека нападают только больные или напуганные животные. Здесь же все выглядит, как... организованное нападение, словно бы волк знал, как подобраться к жертве, получить желаемое и скрыться невредимым. - Алан хрипло засмеялся и потер глаза. - Прости, я заговариваюсь, когда устаю.

- Может, попросить кого-нибудь тебя до дома подбросить?

Алан засиял. Серьёзно, его губы приоткрылись, как небесные врата. Сладкие, простые, исключительно платонические небеса. О, Господи.

- Очень мило с твоей стороны, но мне нужен грузовик завтра утром, так что я доеду сам. Департамент дикой природы штата на рассвете вновь отправляет группу на поиски. Мы зайдем в лес дальше, чем я бы решился с волонтерами.

- Я могу ещё что-то для тебя сделать?

- Нет. - Алан потрепал меня по руке, задумался и отстранился. - Спасибо за предложение. - Он прочистил горло и добавил. - Знаешь, я хотел спросить... Мы с вечеринки с тобой толком не разговаривали, и я... Я тебя ничем не обидел? - он понизил голос. - Я понимаю, что тогда немного перебрал пива и мог вести себя несколько... прямолинейно.

- О! - воскликнула я, внезапно вспомнив, как воспитанно Алан распускал руки. Я засмеялась, чем, кажется, привела Алана в замешательство. - Нет, нет, не переживай, ты ничем меня не обидел, я просто в последние дни была несколько занята.

- Значит, у нас все в порядке? - спросил он, чуть приподняв бровь, как будто все ещё не услышал того, что хотел бы.

Хмм... Как выглядит «порядок» для нас с Аланом? Мы все ещё друзья? Безусловно. Но теперь, когда у нас завязалось некое подобие отношений с Купером, поезд возможного будущего с

Аланом определённо сошёл с рельсов, и позволять ему думать иначе несправедливо и неправильно. Сейчас он так измотан, напряжен, к тому же его окружают ближайшие друзья. Точно не время стараться объяснить ему ситуацию.

Я быстро кивнула.

- У нас все будет хорошо, Алан.

Алан, кажется, сразу расслабился, сделал большой глоток и прислонился к стойке. Я почувствовала себя ужасным, ужасным человеком.

На следующее утро во время завтрака только и разговоров в столовой было, что о пропавших туристах, Крейге Райане и Джейкобе Беннетте, о том, какой ужасный им достался конец. Местные неистовствовали, новость о следах огромных лап вокруг лагеря подливала масла в огонь паранойи. Уолт предлагал организовать «отстрел волков», что, по моим предположениям, похоже на соревнование по стрельбе, которое устраивала моя школа, чтобы пополнить запасы в местных кладовых, только значительно страшнее. Добавляла беспокойства мысль, что моего бойфренда может убить разъярённая толпа соседей.

Совершенно иначе выглядела реакция Нейта: он был спокоен и собран, переживал лишь о возможной потере потока туристов в окрестностях. Я старалась не думать о нём плохо. Нейт был человеком, способным посмотреть на ситуацию со стороны, увидеть всю картину, и он прав. Пара историй в новостях о волках-убийцах, пропавших людях – и экономика Гранди, основанная на туризме, рухнет. Приезжие приносили в город деньги и не затрагивали ресурсы, оплачиваемые налогами, потеря такого источника дохода станет сокрушительной. Это приведёт к безработице, семьи будут переезжать, и город, на сохранение которого Нейт потратил всю свою жизнь, начнёт медленно умирать.

В этом калейдоскопе беспокойства пребывала ваша покорная слуга. В моем сознании постоянно крутились совершенно противоречивые версии, самой оптимистичной из которых оставалось предположение, что это действительно просто больной раненый волк, оказавшийся слишком близко к людям. Тоненький пронзительный голосок впивался мне в затылок и напоминал, что я сама видела, как Купер впился зубами в Джона Тига, так что роль главного подозреваемого должна принадлежать ему. Я, как могла, заглушала этот голос. Тупой голос!

Я потеряла глаза и с удовольствием припомнила дни, когда самой большой моей заботой был приход мамы с целью выбросить всю вредную еду.

Я уже несколько недель даже не вспоминала о своих родителях, почти два месяца ничего о них не слышала: они перестали звонить, оставлять голосовые сообщения, и это было... хорошо. Кара в электронных письмах упоминала, что виделась с ними, так что я знала – они в порядке. Меня не мучило чувство вины за то, что я не звоню им, беспокойство, не отключили ли им электричество, воду или телефон. Они уже взрослые люди, и неоплаченные счета – их проблемы. Я засмеялась с некоторым сожалением. Хотелось бы, чтобы этот уровень эмоциональной зрелости был мною достигнут не настолько дорогой ценой.

На следующий день после возвращения поисковой группы с пустыми руками, мое чувство вины по отношению к матери вновь подверглось испытанию. В бар приехали родители Крейга Райана и Джейкоба Беннетта со стопкой неоновых-желтых листовок с надписями большими буквами: «Вы видели этих мальчиков?». Эви и Базз тут же согласились повесить их на стойку, хотя такие же уже были наклеены на все доступные поверхности. Это были действительно мальчишки, девятнадцатилетние, с исправленными брекетами зубами и россыпью прыщей на

лиц. Они улыбались с фотографий с неотразимой уверенностью юности.

- Они ведь были здесь, правда? - требовательно спросила Базза миссис Беннетт, её истеричный голос колебался между криком и воплем. Женщина была худой, тонкокостной, наверное, весьма красивой, но сейчас её лицо исказилось от отчаяния. - Вы говорили с ними? Как они выглядели? По вашим впечатлениям, у них все было нормально?

Эви покачала головой, по понятным причинам предпочитая не рассказывать про историю с фальшивыми удостоверениями.

- Мы совсем недолго их видели.

- Но у вас создалось впечатление, что все нормально, верно? - закричал мистер Райан, отчего в и так тихом помещении повисла звенящая тишина.

- У них все было в порядке, - мягко сказал Базз. - Просто пара ребят, довольных тем, что удалось вырваться в поход, счастливых, что не нужно в школу.

Губы миссис Райан задрожали.

- Значит, они выглядели счастливыми?

Я трусливо скрылась, когда столкнулась с их безнадежным, страшным горем. Сбежала на кухню. Понимать, что мне, возможно, известно что-то о смерти их детей, что я могла бы рассказать, но не сумела себя заставить, было ужасно. Я чувствовала себя виноватой и никчемной. С другой стороны, что бы я им рассказала? «Привет! Я думаю, весьма вероятно, ваших детей съели оборотни». Разве это как-то поможет?

Я убедила себя, что спать мне не даёт сочувствие родителям пропавших парней, потому что в такой ситуации думать об отсутствующем любовнике просто преступно. Однако я крутилась и ворочалась в кровати, не могла уснуть, путалась в простынях, от которых пахло Купером. Я поменяла бельё, но на чистых простынях спать не могла вообще, там не было его запаха, так что все закончилось возвращением белья, на котором сохранился аромат Купера, на место.

Я собой не гордилась.

И виноват в этом охотник, который пытался отогнать голодного волка от только что застреленного лося, что несколько не подходило под наш волчий сценарий. Гораздо чаще туристы страдали от ран, нанесённых медведями и лосями. Я читала про то, какие виды волков водятся в нашем штате, но не находила никого, похожего на Купера. Его вторая форма напоминала скрещенные чернобурого и обычного серого волков.

Я читала про их рацион, привычку пометать своё запахом (фу...) и язык тела, надеясь научиться лучше понимать настроение Купера, когда он трансформируется. Например, я выяснила, что, если Купер заворачивал уши назад и наклонял голову, он напуган. И, даже, когда он напуган, что уже показатель чего-то нехорошего, поскольку он сильный хищник и все такое, бежать мне все равно со всех ног нельзя. Если мы столкнулись с другим волком, побег снизит мои шансы на выживание. Почему-то эта информация не показалась мне особенно полезной.

Во мне бурлила энергия, направить её куда-то, кроме работы, не представлялось возможным, так что я каждое утро жаждала побыстрее оказаться в баре. Я надеялась, время там пройдёт незаметно, но, казалось, кто-то включал замедленный режим. Стоило появиться заказу, я тут

же бросалась его выполнять, почти кидая тарелки к окну раздачи для Эви. Смотрела на часы - и они показывали, что прошло всего несколько минут.

По крайней мере я могла рассчитывать, что Абнер не даст мне заскучать. На четвёртый и последний день поездки Купера я поставила перед Абнером тарелку, он широко улыбнулся, вдохнул аромат домашней выпечки, взял мою руку в свою и приложил к костлявой груди, обтянутой фланелью.

- Итак, девочка, мое последнее предложение. Переезжай жить ко мне, готовь так же каждый день, и я обещаю тебе всегда опущенное сиденье унитаза, тёплые ноги, цветной телевизор и даже центральное отопление установлю.

Я захихикала.

- Абнер, я требую автомобиль с откидным верхом. Водить его я смогу всего месяц в году, но, думаю, это будет того стоить.

Он усмехнулся и положил в рот кусочек пирога.

- Абнер, тебе не приходило в голову, что ты сексуально домогаешься Мо? - пошутил Алан, когда я собиралась уйти обратно на кухню. Он только что вернулся из города, где встречался с представителями полиции штата, чтобы сделать доклад о положении дел. Рейнджер выглядел уставшим и предельно изученным, под глазами легли огромные тёмные синяки. Казалось, ещё чуть-чуть, и он уснет прямо на своем бутерброде из говядины с расплавленным сыром.

- Сознание женщины - одна из величайших тайн природы, - спокойно проинформировал Алана Абнер. - Каждая как загадка, ждущая, когда же её разгадают. Мо просто более сложная, чем большинство, но я когда-нибудь найду ответ, и тогда она и домашняя еда станут моими, только моими.

Алан нахмурился.

- Абнер, твои знания о женщинах влезут в ящик для носков, ещё место останется.

- Попытаться-то все равно стоит.

Я услышала, как над дверью главного входа зазвенели колокольчики, она распахнулась. Я, все ещё смеясь над дружеской перепалкой, обернулась на шум и увидела, как в бар заходит Купер. Он казался уставшим, под поношенной коричневой кепкой виднелась трехдневная щетина на лице. Я почувствовала, как весь воздух из лёгких вырывается в счастливом вскрике. Брови Алана сошлись на переносице, когда он заметил улыбку облегчения Купера и мой восторг. Я за пару быстрых шагов обогнула стойку, остановилась поцеловать Абнера в макушку, скользнула между посетителями и бросилась к Куперу.

Я смутилась, поняв, насколько естественным кажется влететь к нему в объятия, обхватить ногами за талию, позволить держать меня на весу, покрывать поцелуями его скулы. Постоянное напряжение последних дней отступило, весь мой мир сосредоточился на губах Купера. Может, это показатель моего эгоизма и мелочности, но в тот момент Купер был мне так нужен, что больше меня ничего не волновало.

Когда он, наконец, прервал поцелуй, я отклонилась назад и глупо ему улыбнулась.

- Привет!

- И тебе привет, - отозвался он.

- Я по тебе скучала.

- Ты так вкусно пахнешь, - прошептал Купер мне в волосы и потерся своей колючей щекой о мою.

- От меня пахнет жареным луком.

- Да, для оборотня запах женщины становится только соблазнительнее, когда к нему добавляется запах еды, - прошептал он.

- Не уверена, что это комплимент, - фыркнула я. Купер нахмурился, увидев яркие листовки о пропаже туристов, потом встряхнулся и вновь обратил все внимание на меня.

Я ожидала, что Купер поставит меня на ноги, но он продолжал держать меня на весу, прижимая руками мою затянутую в джинсу попу к себе на протяжении всего разговора. Внезапно мне пришло в голову, что мы устроили спектакль перед целым городом, но, когда я обернулась, на лицах окружающих сверкали улыбки. Я уже достаточно долго жила здесь, чтобы понимать, как только мы выйдем за дверь, тема наших отношений будет пережевана, как вчерашнее блюдо дня. И, может быть, они будут благодарны за более жизнерадостный повод для сплетен. На лице Эви я заметила настолько довольное выражение, что, казалось, мышцы щёк лопнут от её широкой улыбки.

- Хм, Эви, я пойду на перерыв.

- Иди уже, - отозвалась она и махнула рукой в сторону дверей.

Купер усмехнулся, закинул меня на плечо, как пещерный человек, и потопал к выходу. Я схватила пальто с вешалки и вдруг мельком заметила Алана. Он казался опустошенным и несколько обиженным, я почувствовала горечь и стыд, Алан не заслуживал узнать о наших с Купером отношениях таким образом, но я подавила свои сожаления, мне так хотелось почувствовать покой и счастье в первый раз за последние дни.

- Езжай быстрее, - велела я Куперу, когда он завёл мотор и поехал в сторону моего дома.

Надо будет не забыть забрать наши куртки и ботинки с крыльца, пока снова снег не пошёл.

Подразнить Купера сегодняшним выбором белья, ультрамариновым кружевным комплектом, оставлявшим половину груди открытой, пока он был за рулём, оказалось весьма недалёковидным поступком: Купер чуть не съехал с дороги. Так что, когда он вытянул меня из грузовика, снова закинул на плечо и начал раздевать ещё до того, как мы дошли до входной двери, мне некого было винить, кроме себя самой. Я только радовалась, как никогда прежде, что у меня нет соседей.

Мы как-то ухитрились вслепую пройти по дому и упали на кровать. Купер застонал низким голосом, когда полностью рассмотрел голубое бельё.

- Знаешь, в Гранди женщины такое не носят, - уверил он меня, задумчиво пробегая пальцами по краю маленьких трусиков. Дыхание вырывалось у него рваными, тяжёлыми выдохами.

- Что ж, прости, я не знала про правило «только термобелье», - я довольно улыбнулась, когда Купер прижался лицом в ложбинку между грудей. - Прямо сейчас поеду и куплю теплые

кальсоны.

Купер остановился, посмотрел на меня и со всей искренностью пообещал:

- Если ты это сделаешь, я зарыдаю как маленькая девочка. Прилюдно.

Мне не удалось остроумно ответить: горячий умелый рот Купера сомкнулся на моем соске, я почувствовала лёгкий укус прямо через тонкую ткань. Мои бедра выгнулись навстречу оборотню, с губ сорвался неприличный, нечеловеческий звук. Купер поцелуями рисовал дорожку вниз по моему телу, пока не уткнулся носом в уже влажные трусики, отчего по мне пробежала волна дрожи. Купер глубоко вдохнул и поцеловал меня прямо у линии белья, поднял лицо ко мне и улыбнулся.

Я закатила глаза и покачала головой.

- Ладно, ладно, я сделала, как ты просил. Теперь, будь добр, объяснись. И приведи, пожалуйста, достаточно веские доводы, почему мне пришлось нарушить правила личной гигиены.

- Дело в осознании того, что ты моя, - сказал он и улыбнулся. Его глаза прожигали дыры в моей невидимой защите. - Что, если к тебе подойдёт другой мужчина, каким-то первобытным, звериным чутьем он почувствует на тебе мой запах и поймёт, что ты занята. Попробуй он претендовать на тебя, и навлечет на себя гнев очень большого хищника.

Я ахнула. Может, именно поэтому Алан так себя вёл?

- Значит, это старый добрый пояс верности? - у меня вырвался шокированный смешок, и я ударила ладонями по плечам Купера. Он ухмыльнулся, перехватил мои руки, чтобы я не била его больше, и протянул меня ближе к себе. - У тебя серьезные психологические проблемы.

- Ну, я тоже придерживался условий сделки, - сообщил Купер дразнящим тоном. - Конечно, я был в лесу, где нет душа, но результат все равно тот же. При любом малейшем моём движении я чувствовал твой аромат из-под одежды и все время отвлекался. Клиенты жаловались и предполагали, что либо у меня недавно было сотрясение мозга, либо я влюбился, раз такой рассеянный.

Я проигнорировала лёгкую дрожь в животе при слове на букву "л".

- Сотрясение мозга?

Купер пожал плечами.

- Они врачи.

Он крепко прижал меня к себе.

- И во сне все время видел тебя.

- Знаешь, это замечание почти оправдывает необходимость отсутствия нормальной гигиены, - вздохнула я и выбралась из кровати.

- Подожди, что... Куда ты? - Купер запинался и показывал на уже пустую кровать.

- Хочу принять душ, - отозвалась я. Лицо Купера побледнело. - Эй, я же не сказала, что хочу

принять его в одиночестве. Пошли!

Я вытащила его из кровати, но в итоге Купер оказался в ванной раньше меня. Обратни те ещё обманщики.

Около полуночи мы с Купером сидели на кровати и поедали пасту с огромных тарелок, восполняя запас углеводов. Я, наконец, собралась с духом и спросила.

- Знаешь, мы все ещё не говорили про обратней.

- Не говорили? - изобразил непонимание он.

- Нет, я бы запомнила, - уверила я Купера. - Мы кое-чем другим были заняты. Ты должен понимать, что в моей голове сейчас крутится миллион вопросов.

- Я все ждал, когда ты не выдержишь. - Выражение на его лице стало весьма угрюмым, он убрал тарелку в сторону. - С чего мне начать?

Я пожала плечами.

- С начала. Как у тебя это получается?

- Как у тебя получается язык в трубочку сворачивать? Откуда у тебя эта ямочка на щеке? Почему у твоих глаз такой красивый оттенок голубого, как у незабудок? - Он пожал плечами и притянул меня ближе к себе. - Просто генетика, такая же часть нас, как твоя маленькая ямочка или цвет глаз. Мы такие не одни, по всему миру есть стаи. В сравнении с некоторыми горными южными кланами нас достаточно мало. В последние годы, когда наши женились на ком-то за пределами стаи, рождались все больше и больше мёртвых ветвей, но дедушка говорит, это к лучшему. Нет ничего хуже, чем кучка волков, рожденных от кровосмешения на одной территории.

- Вот спасибо за красочное описание...

- Мы не всегда были волками. Люди жили в долине много поколений, прежде чем первый белый человек пересек замерзшие океаны, нашел путь через горы и взял в жены женщину из долины.

Мой дедушка верит, что Северный Человек наверняка пришёл из России или Северной Азии, где много стай. В любом случае, при смешении этих кровных линий что-то произошло, и появились первые сыновья-волки. Два мальчика, которые выросли хорошими, сильными мужчинами.

Стояла суровая зима, охотники не могли добыть достаточно пропитания для своих семей, люди голодали. Тогда старший сын Северного Человека пожелал силу волка, чтобы суметь обеспечить едой свою семью и соседей. Его желание было настолько искренним, что он сумел обернуться. "А потом брат увидел его способности и смог сделать то же. Они охотились и добывали достаточно еды для всей деревни, стали защитниками, лидерами. У них родилось много сыновей и дочерей, и все они могли оборачиваться, и их дети, и дети их детей, и так далее. Шло время, сменялись поколения, и стая разрасталась.

- Что ты чувствуешь, когда оборачиваешься?

Купер взял мою руку в свою и стал легонько покусывать подушечки пальцев.

- В первый раз кажется, будто тебя разорвало надвое. Я знал, что это произойдёт, в моем роду оборачиваются все от дедушки до двоюродной бабушки Дорис. Знал, чего ждать, но все равно испугался до чертиков. Чем старше становишься, чем опытнее, тем легче проходит трансформация. Для меня сейчас процесс вообще безболезненный.

Я свободной рукой погладила спину Купера.

- А я-то думала, как у Стэнли Уинстона, спецэффекты, кожа разрывается, все такое. На самом деле кажется, будто это просто игра света, обман зрения, словно твоя человеческая ипостась лишь мираж... Хотя красивый мираж, конечно. Так ты был лидером своей стаи, правда? Альфой?

Купер удивлённо нахмурился.

- Эви, - пояснила я.

Он закатил глаза.

- У моей кузины слишком длинный язык. В каждом поколении есть свой альфа, статус не передаётся по наследству, никогда не знаешь, кто им станет. Сегодня вы просто стайка глупых маленьких щенят, привыкающих к новым способностям, а завтра кто-то, с кем вы знакомы всю жизнь, велит вам что-то сделать, и вы подчиняетесь не задумываясь.

- Как будто вам мозги промыли?

- Нет, все не настолько жестоко. Подумай о настоящих волках, они должны действовать сообща, чтобы каждый в стае был сыт и здоров. Им приходится трудиться вместе и чётко следовать главному правилу стаи - подчиняться вожаку. У оборотней, как у всех людей, есть недостатки, которых лишены волки: гордость, гнев, похоть. Поэтому нужно, чтобы наши стадные инстинкты были выражены ещё сильнее. В итоге, когда альфа что-то приказывает, даже глупое или опасное, ты делаешь и счастлив, ты обязан выполнить задание, потому что это нужно стае. Ты чувствуешь потребность в их обществе, в совместной цели, потому что без них все теряет смысл.

- Да, определенно напоминает промывку мозгов.

- Ладно, когда произносишь все вслух, звучит и правда не очень, - признал Купер, - но мой дед был счастлив, оставаясь простой пешкой. Он описывал жизнь в стае, как осознание того, что являешься частью чего-то большего, служение значительной цели, возможность разделить судьбу с лучшими друзьями. И этого я тоже хотел.

- Я не понимаю. Это же стая волков, а не армия.

- Ну, общее что-то есть. Альфа является главным в деревне, он принимает основные решения в отношении стаи и их семей, устраняет такие угрозы, как диких животных, преступников. Да и просто нежелательные элементы. Мне тяжело пришлось, когда я отправлял в бой тех, кто мне дорог, мне многое пришлось взять в свои руки. И я причинял боль людям. Многим людям.

- Не верю, - ответила я, приложив все усилия, чтобы сдержать желание отодвинуться. Столько времени понадобилось, чтобы стать ближе Куперу, сейчас отвергать его просто невыносимо.

Он взял меня за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

- Поверь, это правда.

- Ладно. Тогда я верю, что ты мог причинить кому-то боль, когда у тебя не оставалось другого выбора.

- Выбор есть всегда, - настаивал Купер, - и я часто делал его неверно. Я не смог смириться со своими поступками, с тем, что сделал со своей семьёй, поэтому и ушёл.

Судя по всему, это максимум, что он сейчас расскажет, больше не добиться, что злит безумно. Я поменяла тактику.

- А твой отец? - осторожно прощупала тему. - Ему тоже нравилось быть простой пешкой в игре стаи?

- У меня никогда не было возможности спросить. - Купер уставился на свои руки. - Отец погиб, произошел несчастный случай, когда я был маленьким. Он бегал со стаей, и один мой дядя попался в волчью ловушку, их ставили учёные, чтобы проследить передвижения животных в научных целях. На самом деле, весьма безобидная штука, мы обычно с лёгкостью их обходим, но дядя, отец Самсона, в подобных ситуациях постоянно терялся. Отец захотел остаться рядом и помочь выпутаться, внезапно появились учёные проверять капкан. Папа все ещё был в волчьей ипостаси и повёл себя агрессивно, а у них было с собой ружьё... Дядя освободился, а отец... Ему выстрелили в голову. Он сумел добраться до леса, так что дядя дотащил его до дома, но спасти его уже не удалось.

- Мне очень жаль.

Купер пожал плечами.

- Люди не знали, что делали. Мне потребовалось время, много времени, чтобы перестать злиться. На них напал огромный злой волк, ты же сама видела, на что я способен. Разве можно их винить? - Не дождавшись от меня ответа, Купер, кажется, занервничал, но продолжил. - Отец Самсона после этого уехал, он не мог видеть нас каждый день, чувствовал вину за то, что моего отца больше нет. Мать Самсона умерла, когда он был ребёнком, поэтому Самсон стал жить у нас. Впрочем, он всегда был мне больше братом, чем кузеном.

- Ты скучаешь? Думаешь когда-нибудь вернуться, снова стать частью стаи?

Купер отрицательно покачал головой.

- Мама часто приезжает в гости, с Самсоном мы видимся регулярно, а, когда наш кузен Калеб в городе, хотя это и нечасто случается, он помогает мне со всеми охотничьими группами. Моя сестра... Тут сложно... Я уже несколько лет не был дома, потому что каждый мой визит заканчивался ужасным скандалом.

- Но почему?

Казалось, Купер сейчас расскажет мне что-то очень важное, но потом словно бы его мысли сменили направление, и слова так и не сорвались с губ.

- Она чувствует себя преданной, словно я ушёл ей назло. Она всегда была чрезвычайно упряма, раз вбила себе в голову, ты её обманул, и на всю жизнь останешься в её чёрном списке.

- Предполагаю, она не следует проверенной временем южной традиции едких комментариев к твоим высказываниям и недовольства твоей готовкой?

- В прошлый раз я остался без половины уха и кончиков трёх пальцев.

- Господи! - воскликнула я и повернула его голову, чтобы рассмотреть уши. Оба были абсолютно нормальны.

Купер игриво потерся о мою руку и отодвинул её.

- Они снова отрасли. Болело чертовски, но они выросли. Мэгги всегда была весьма жесткой: если бежать, то быстрее всех, если драться, то с полной отдачей, если играть, то выигрывать по-крупному. Как бы я ни любил Самсона, именно её всегда хотелось иметь в союзниках, чтобы прикрывала спину. Для неё смысл существования - быть частью стаи. На земле не так уж много мест, где такая девушка, как Мэгги, может чувствовать себя комфортно, где её примут, как есть. В стае много женщин, но она ни на кого не похожа, единственная в своём роде. И ей не приходится извиняться за это или чувствовать себя не в своей тарелке. Нет, ею все восхищаются, а она отлично понимает, насколько это редко и ценно, потому благо стаи для неё превыше всего. Я ушел из стаи, потому что для нее я бесполезен.

- Но это глупо!

Купер пожал плечами.

- Такова жизнь в стае. Мэгги сейчас заместитель парня по имени Эли. Он заправляет всем теперь.

- Мне жаль.

Купер притянул меня к себе и положил подбородок на мою макушку.

- Ничего не поделаешь.

- Ну, сильнейшие успокоительные для твоей сёстры представляются мне неплохим вариантом для начала.

Купер фыркнул. Я прижалась лицом к его шее, не хотелось смотреть на него, когда задам следующий вопрос.

- Давай теперь к новейшей истории. Я понимаю, почему ты притворился, что меня не знаешь, когда нас представили друг другу в баре. Я имею в виду, что бы ты сказал? «Привет, я помню тебя, потому что убил лося прямо у тебя под дверью?» Но после... после нападения на меня... Почему ты вёл себя так, словно ничего не случилось? Ты там был, ты видел. И все равно поступал так, как...

- Полный придурок, - закончил он и взял мое лицо в ладони, глядя в мои глаза. - Когда я увидел тебя в первый раз, подумал, ты мне снилась. Не мог понять, то ли правда сон, то ли я видел тебя, пока был волком. Ночами я бегал вокруг твоего дома. Сначала, я думаю, все дело было в том, что ты подкармливаешь зверей, и охота всегда получалась удачной. А потом я стал запоминать некоторые детали. Как я уловил у дома твой запах, и сразу почувствовал себя тепло и спокойно. Мне хотелось лечь на твое крыльцо и уснуть. Я не мог заставить себя не приходить к тебе снова и снова. Вообще-то мне свойственна порывистость, я постоянно слеую инстинктам, но все равно странно понимать, что каждую ночь инстинкт приводит меня к

твоему дому, чтобы просто побыть с тобой рядом. Эта жажда была сильнее даже, чем зов вернуться домой к стае. Стало таким облегчением, что новая потребность пересилила старую, словно на протяжении нескольких лет в ушах звенело – и вдруг перестало. Я смог спать, по-настоящему спать, впервые с момента отъезда из дома. Я все чаще и чаще встречал тебя, будучи волком, и, наконец, осознал, что наутро всегда помню нашу встречу. Твоё лицо, запах, звук твоего голоса – все оставалось со мной и в человеческом воплощении. Ты неизменно со мной, ты никуда не исчезаешь.

- Но почему ты тогда так ужасно себя вёл со мной, даже после событий в переулке?

- К тому моменту я ещё не разобрался, не мог понять разницу между настоящими снами и снами волка. А когда... когда на тебя напали, твоё лицо, боль и страх, все это вросло в меня. Стоило мне закрыть глаза, я видел тебя. Настоящее мучение! Я тебя ненавидел за это и за то, какое влияние ты на меня имеешь.

- И все? В этом причина твоего скотского поведения на протяжении всего этого времени? Потому что я смущала твой волчий мозг?

- Нет. Пару последних лет я вёл себя, как последний ублюдок, со всеми, кроме Эви и Базза, так было легче. Не иметь друзей, привязанностей, которые ослабят меня, не брать на себя ответственность. Ты первый человек, который высказал мне неодобрение. Неоднократно.

- Так ты говоришь, если бы Уолт или Леонард назвали тебя в лицо придурком, ты бы сейчас с ними ел пасту после секса?

- Давай даже шутить на эту тему не будем, – вздрогнув, попросил он. – Самое смешное, что, даже когда я хотел перестать тебе грубить, не мог. Я мечтал вести себя доброжелательно, но, стоило открыть рот, и начиналась чертовщина.

- А тот факт, что именно в это время Алан умудрился со мной разговаривать, провоцируя твой инстинкт альфа-самца, защищающего свою территорию, никакого отношения к твоему неумению вести себя не имеет?

- Я думал, ты засыпаешь, – проворчал Купер.

- У меня случаются моменты просветления.

Глава 13

Нерушимые узы

Мне снился родительский дом, натянутый меж двух персиковых деревьев гамак во дворе. Я чувствовала, как теплое солнце насыщает кожу, слышала гудение пчел. Когда я была ребенком, отец нанизывал на ветки всякую «скульптурную» мелочь: зеркала, небольшие железяки – видимо, считал, что та поможет птицам гнездоваться. В действительности же, вся эта мишура лишь сбивала птиц с толку, но было приятно лежать под тем благоухающим зеленым навесом и созерцать эти блестяшки.

Я закрыла глаза, и картинка сменилась. Мы с Карой лежали на пляже. Наверное, это был один из многочисленных отпусков среди весенних каникул, куда ее семья приглашала и меня. Бирюзовые воды Мексиканского залива плескались у наших ног, в то время как мы зачитывались Кристофером Пайком в мягкой обложке и заглядывались на симпатичных парней.

- Он тебе подходит, знаешь ли, - голосом мудрого старца заметила Кара. В детстве она считала, что разница в шесть месяцев давала ей преимущество. Если бы события этого сна имели место в выпускных классах или на первых курсах колледжа, под «ним» она бы подразумевала любого из многих парней. И тут я обнаружила, что мне совершенно все равно. Просто хотелось, чтобы этот миг знакомой идиллии не заканчивался.

- Ты это говорила обо всех моих дружках, - напомнила я, зарываясь пальцами ног в прохладный, мокрый песок и подставляя лицо солнечным лучам.

- Он обещает стать любовью всей твоей жизни.

- И это ты тоже говорила обо всех моих дружках, Кара, - кивнула я. Потянувшись и похлопав ее по руке, я попутно поправила солнцезащитные очки.

- Знаешь, ты ведь сейчас дома, так? - спросила она. - Неважно, что случится, это твой дом.

Я открыла глаза и обнаружила, что мы находились на стоянке гриль-бара, сидели в моем старом «шеви», который любовно прозвали Ржавым ведром. Лакомились хот-догами с перцем чили и хрустящим жареным картофелем, задрав голые ноги на приборную панель с потрескавшейся искусственной кожей.

Такой странный сон.

- Теперь ты дома, - повторила Кара.

- Я в замешательстве.

- Ты очень долго была девушкой без дома, Мо. Пора перестать искать. Ты знаешь, где тебе положено быть. Когда придет беда, ты останешься. Всегда так было и будет, - произнесла она, не сводя глаз с моей картошки. - Доедать будешь?

Я заморгала и наяву, клянусь, все еще ощущала запах выхлопных газов и вкус хот-догов с чили. Рядом со мной зашевелился Купер, его рука инстинктивно напряглась вокруг меня, стоило ему почувствовать, как я села. Я чмокнула его в плечо и плюхнулась обратно на подушку.

Меня не удивило, как это временами случалось, пробуждение рядом с обвившимся вокруг моего тела большим, обнаженным оборотнем. В эти дни мы не разлучались ни днем, ни ночью. Время с обнаженным Купером, как наркотик. Неважно сколько ты его приняла, заканчивается тем, что тебе хочется все больше и больше. Шла зима, а я едва это заметила. Не поймите меня неправильно, стояла холодина, причем такая, что иногда я боялась отморозить пятую точку всего лишь идя до машины и обратно. Случалось, что по дорогам не могли проехать даже полноприводные автомобили, а образовавшиеся кое-где сугробы доставали мне до макушки. Приходилось Баззу подбрасывать меня на работу на своем снегоходе, а мне готовить мизерное количество еды для горстки людей, пожелавших бросить вызов дороге, чтобы собраться вокруг большой, железной печи в столовой и избежать готовки дома.

Бывали дни, когда тьма наваливалась на меня, словно душное одеяло, а ветер завывал, как жуткое, безумное существо. Свет, или его отсутствие, определял, что я делала, куда шла, когда ела. Однако ожидаемые мной клаустрофобия и депрессия так и не наступили. Не сложно провести взаперти несколько дней кряду, когда у тебя в наличии теплая печь, хорошая еда и, как правило, обнаженная компания. Это походило на затянувшийся, безвылазный снегопад. Единственный такой снегопад имел место во время моего мимолетного танго с государственной школой, и случился он, когда на предпоследнем году моего обучения у нас

разразилась жутчайшая ледяная буря. Кататься на санках под градом не очень-то весело.

Пришло и ушло Рождество. Мне повезло, что родители ввиду своей малой озабоченности христианскими праздниками, сосредоточенными на употреблении мяса, не звали и не вынуждали меня приехать домой. Абнер пришел в бар в костюме Санты и раздал всем бутылки со своей домашней водкой. По словам Купера, та годилась в качестве антисептика, но вот пить ее было очень рискованно.

Купер не упомянул, что хочет отправиться домой и навестить родных, поэтому я устроила для него, Базза и Эви скромное застолье. Я точно не знала, что должна купить девушка своему бойфренду-вервольфу, поэтому остановила выбор на чем-то безопасном: свитере. Скучно до отупения, знаю. Купер вырезал для меня из дерева маленького волка, которого мы сразу же поставили на каминную полку, чтобы тот присматривал за мной в отсутствие Купера. Это было и мило, и немного жутко.

Мой любимый оборотень, похоже, переехал ко мне без моего ведома. В моем шкафу стали появляться его футболки. На раковине рядом с моей зубной щеткой примостилась его. Он появился с сумками, полными продуктов, чтобы возместить горы еды, которые подточил. Мы это не обсуждали. Так было и все. Обычно, такого рода вторжение в частную жизнь, стирание границ, вызвало бы у меня панику. Но я хотела, чтобы он находился рядом. Я с трудом вспоминала, каково это - не иметь его у себя дома, в своей постели, не пощипывать, не вдыхать запах, не кататься друг по другу до тех пор, пока мои поры не впитают его запах.

Исключения из нашего постоянного единения составляли его работа проводника и ночи, когда он был волком. Он мог и не меняться, но слишком долго оставаясь в человеческом обличии становился дерганым. Кроме того, другим хищникам не помешает знать, что он бродит вокруг дома. Вот почему ночи, которые Купер проводил дома, становились еще слаще. Я знала, что теряла, когда он уходил. И дело не только в сексе... Это был дом, каким ему и следует быть: тот, с кем ты ешь, разговариваешь, спишь, к кому постоянно прикасаешься, с кем ты всегда на связи, как если бы мы боялись, что когда один из нас проснется, второй исчезнет, как сон.

Мы не говорили о Сьюзи, только если разговор не имел отношения к Оскару. Купер, как правило, замыкался в себе всякий раз, когда я выпрашивала у Алана последние новости о пропавших туристах, поэтому я больше не заговаривала о них в его присутствии. В то время как Купер настаивал на том, что это, возможно, был всего лишь больной или раненый волк, сама вероятность, что самый обыкновенный старый волк напал на людей, казалась все менее правдоподобной.

Лишь немногие из наших соседей высказались по поводу нашего неожиданного союза, вероятно потому, что Купер огрызался в ответ. Реакция ограничивалась ухмылками и сдавленными смешками. Абнер же заверил меня, что будет ждать меня до тех пор, пока я не пойму, что мне нужен кто-то более опытный. С виду немного удивленный моим выбором Нейт сказал, что просто хотел, чтобы я нашла свое счастье в Гранди, что равносильно благословиению. Затем он упомянул что-то о том, чтобы найти Алану девушку по Интернету, меня прям передернуло.

Алану трудно было держаться в рамках приличия. Не могу сказать, что винила его. В баре я отвела его в сторонку и попыталась рассказать о Купере, но он меня оборвал. Сказал, что все понимает, но не может отделаться от ощущения, будто у него из-под носа увели нечто особенное.

- Я согласен на роль твоего друга, Мо, - заверил он, сопровождая слова взглядом жестким и

несчастливым. – Но если Купер когда-нибудь уронит мяч, я не отступлюсь. Уведу тебя, ты и глазом моргнуть не успеешь.

Мне оставалось только принять, что мяч в данном сценарии – это я.

Поведение Алана в моем присутствии оставалось прежним. Он был таким же открытым и приветливым, как и всегда. Но редко обращался к Куперу или говорил о нем, особенно если я крутилась поблизости.

Я снова моргнула в надежде, что глаза привыкнут к царившей в спальне полутьме. Пошлепала рукой по прикроватной тумбочке, пока не нашла очки, чтобы с их помощью разглядеть будильник. На часах было только ноль-двадцать, но создавалось впечатление, что уже утро. Солнце теперь садилось рано, тем самым сбивая мои внутренние часы. Я села, размышляя, не считается ли выпечка в такой час трудоголизмом.

Очевидно, этим сном о Каре мое подсознание напоминало, что в настоящее время я пренебрегаю людьми вне своей постели. Единственный контакт, на который я выходила с Карой за последние несколько недель, ограничивался фотографиями, что я отослала ей с первым снегом. Меня фотографировал Купер: я стояла по пояс в сугробе и улыбалась, как последняя дура. Она тут же начала строить планы о том, чтобы навестить меня во время весенней оттепели. Думаю, причина заключалась скорее в фотографиях с Купером, нежели в непреодолимом желании повидаться со мной. Тема ее электронного сообщения гласила: «Они все так выглядят?»

– Ты в порядке? – спросил Купер, потянувшись, чтобы провести рукой по моему голому плечу. Он легко толкнулся носом в мои позвонки, глубоко вдыхая и пощипывая меня за шею.

– Да, – ответила я, помотав головой. – Странный сон о пляже... и хот-догах с чили.

Купер зевнул, притягивая меня ближе.

– Что ж, я не эксперт, но звучит, как оговорка по Фрейду.

– Да, потому что я серьезно обделена в сексуальном плане, – парировала я.

Внезапно Купер наострил уши. Он выскочил из постели, бесшумно приземляясь на ноги и бросаясь к переднему окну. Внимательно оглядев двор, он скривился.

– Купер?

– Жди здесь. Запри за мной. Не выходи, пока не позову, – велел он, обращаясь и открывая дверь.

Я заперлась и прокралась обратно в спальню за рубашкой и джинсами. Снаружи до меня доносился глубокий, отрывистый лай. Звук походил на приветствие, или предупреждение, или, возможно, то и другое вместе. Я отдернула занавеску и попыталась разглядеть фигуры на темном переднем дворе, одновременно засовывая голые ноги в ботинки Купера. Я видела лишь очертания волчьего тела Купера сразу за порогом – все его внимание сосредоточено, мех на спине ошетинился. Из леса послышался ответный лай, и Купер в мгновение ока метнулся с крыльца. Только за кромкой деревьев я разглядела огромного рыжевато-коричневого волка почти на полторы головы выше мохнатого тела Купера, неуклюже появившегося в поле зрения. Купер бросился на странного волка, как на собачью игрушку, вцепившись в мех возле рыжего волчьего хвоста. Рыжий волк схватил зубами переднюю лапу Купера, сбивая того с ног и

прижимая к земле. Они катались по снегу, кусаясь и лая. Я нашарила в содержимом своей сумочки спрей для отпугивания медведей и выбежала на улицу.

- Купер, прочь! - выкрикнула я, сдирая со спрея колпачок и готовясь распылить его на странного волка, как только Купер окажется на безопасном расстоянии. Я наотмашь ударила красного волка в бок. - А ну отвали от него, ты большой, мохнатый засра...

Волк в последний момент увернулся, и носок моего ботинка почти впечатался в его грудную клетку. Странный волк взвыл. Я нажала на рычажок, и из баллончика выстрелила длинная струя химического спрея, прямо в глаза волку. Я закашлялась, стоило следам обжигающей жидкости распространиться в воздухе. Купер откатился в сторону и, обратившись, приземлился на свои человеческие ноги. Он выбил у меня из руки баллончик.

- Ты что творишь?

- Он причинял тебе боль! - закричала я. - Я пыталась помочь.

- Мне не больно, - настаивал он. - Мы просто так здороваемся.

- Что?

Позади меня громкий, грубый голос пророкотал:

- А-а! Какой чертовщиной ты меня обрызгала?

Купер побежал к дому. Я повернулась и увидела на своем дворе огромного голого мужика. Можно подумать, что пора бы уже к такому привыкнуть, но нет, не особо. Телосложением незнакомец походил на немного поплывшего в талии профессионального борца. Огромные бицепсы, широкая грудь, бедренные мышцы размером с мою голову. Его темные волосы со слабым каштановым отливом лезли ему прямо в глаза. Так предполагалось, если бы он сильно не жмурился из-за жжения от медвежьего спрея.

Купер бегом вернулся назад, держа в руках шланг. Видимо, сбегал в подсобку и надел шланг на хорошо утепленный уличный кран.

- Давай, Сэм. Через пару минут полегчает.

- Она, мать ее, в меня слезоточивой хренью брызнула, Куп!

Я задохнулась.

- Мне так жаль. Я считала, ты настоящий волк, а не оборотень. Думала, ты делаешь больно Куперу и...

- Прибежала спасти меня от большого, злого волка, - сурово закончил Купер, пока дрожавший и проклинаящий все на свете Самсон держал голову под проточной водой из шланга. - Несмотря на то, что я велел тебя оставаться в доме.

- О да, ведь я так хорошо выполняю приказы. Стоило удивляться, - огрызнулась я в ответ.

Самсон выпрямился, моргая, как сова. Его кожа и глаза уже не были ядовито-красного цвета.

- Если бы не моя способность к быстрому заживлению, я бы чертовски разозлился, братан.

- Мо, этой мой двоюродный брат-дебил Самсон. Самсон, это Мо.

Самсон, казалось, на секунду отвлекся от причины, которая привела его к нашему порогу... и от мучительного жжения. Он ухмыльнулся мне.

- Я все гадал, почему запах Купера в его доме еле заметен, а здесь аж прет. Теперь вижу почему. Конечно, я мог ослепнуть, так что, кто знает?

- Мне так жаль. - Я осторожно протянула руку, не отрывая взгляд от глаз Самсона. Но какой-то аномальный глазной тик настойчиво тянул меня посмотреть южнее. Сквозь дымку смущения, я размышляла, передаются ли героические пропорции Купера в семье по наследству или они из разряда волчьих штучек.

- Гм, не желаешь войти в дом?

- Простите, времени в обрез. Купер, меня прислала твоя мать. Вроде у Попса случился сердечный приступ или инсульт, сами не знают.

- Что? - Купер тяжело опустился на землю, он буквально сдулся и побледнел.

- Доктор Модер сказала, что у него не «криз». Дед выглядел немного дезориентированным, не мог вспомнить, кто мы, и где он находится. Сейчас его состояние стабильно, но ему нужно сделать МРТ и сдать кучу анализов. Он не позволит нам забрать его из сельской больницы. Док сказала, что не оставит его ни на минуту и ответит на любые вопросы, но дед опасается, что люди в госпитале смогут распознать в нем волка. Твоя мама надеется, что, может, если ты попросишь его, он согласится поехать. Мы пытались дозвониться к тебе домой, но ты не отвечал. Ты всегда игнорируешь наши голосовые сообщения.

Купер покачал головой.

- Мое появление только поставит все с ног на голову, заставит деда волноваться, усугубит его состояние.

- Что ты несешь? - потребовал Самсон. - Я представлял, только скажу тебе «Попс болен», и ты сорвешься с места. Никогда не думал, что буду уговаривать тебя отправиться в путь, даже если ты сто лет дома не бывал. Дело дрянь, Купер. Я никогда его таким не видел. Ты должен быть там. Даже знать не хочу, что Мэгги обо всем этом скажет! Ты пойдешь, даже если мне придется тащить тебя за шкуру. - Купер бросил на него мрачный, выразительный взгляд. Самсон широко ухмыльнулся и напустил на себя смиренный вид. - Ну, я попробую.

Я заметила, как только Самсон сильнее разволновался, Купер встал между мной и своим гигантским кузенком. Я слишком расслабилась в обществе Самсона, заключив, что если один оборотень ведет себя дружелюбно, то и все остальные будут. Я подняла баллончик с медвежьим спреем и сжала его чуть крепче.

- Ты уверен? - тихо спросила я, в то время как Самсон в последний раз тщательно ополоснул лицо. - Мне не нравится идея, что ты пожуешь к людям, способным обглодать любую часть тела. Меня твои части устраивают именно там, где они сейчас.

- Мне нужно повидаться с дедом, Мо. И я должен поговорить с Эли, задать ему несколько вопросов. Мне давно надо было рассказать ему о том, что здесь происходит, предупредить о местных жителях, которые хотят отловить волков. Я слишком долго откладывал.

- Отлично, я поведу, - предложила я.

Купер прищурился. Создавалось впечатление, что мы оба не уверены, хорош этот план или нет. Я знала, что имела все основания нервничать, направляясь в логово его родственников, когда существовала возможность, что один из них охотится на моих соседей, как мохнатый Фредди Крюгер. Возможно, я увижу нечто полезное, пока мы там будем, нечто, что могло бы доказать невиновность волчьей стаи и разрешить мою моральную дилемму... или раздобыть подписанное признание, которое я смогу передать Алану. Ладно, последнее маловероятно, но я ни в коем случае не отпущу Купера одного, особенно к уже сильно расстроенной болезнью бабушки Мэгги. Если она оттяпает Куперу пальцы, то в больницу придется доставить уже его самого.

Самсон скорчился и впервые за все время показался слегка недружелюбным.

- Будет быстрее, если мы побежим.

- Но ты еще от этой пробежки не отошел. Кроме того, я брызнула в тебя медвежьим спреем. Это меньшее, что я могу сделать.

- Мо, ты милая и все такое, но не думаю, что это хорошая идея...

Обойдя Купера, я, насколько мне позволял рост, заглянула в глаза Самсону и применила «не терпящий возражений» тон Купера.

- Самсон, я поеду с вами. Даже не пытайся меня отговорить. А теперь закидывай свою задницу в грузовик Купера или мы отчаливаем без тебя.

Самсон посмотрел поверх моего плеча и слабо улыбнулся кузену.

- Она мне нравится.

- И мне, - слегка уныло отозвался Купер, пока мы шагали обратно к дому, чтобы захватить кое-какую одежду.

- Самсон, принести тебе одеяло что ли? - поинтересовался Купер, стрельнув глазами в мою сторону и натягивая джинсы.

- К чему скрывать совершенство? - подмигивая мне, переспросил Самсон. Теперь, когда Купер согласился отправиться домой, он, судя по всему, скатывался обратно к своему настоящему «я» - производил впечатление «любящего пофлиртовать недотепы».

- Что ж, - возразила я, - усаживать голые ягодицы на свою обивку я не позволю, поэтому если планируешь их туда приземлить, боюсь, придется мне обойтись без твоей красоты.

- Она мне правда нравится, - сообщил Куперу Самсон, втискиваясь в спортивные штаны и свитер как минимум размера на два меньше необходимого.

- И мне, - согласился Купер, вздыхая так, будто привязанность ко мне была каким-то несчастьем.

Два часа езды до Долины Полумесяца получились в лучшем случае утомительными. Мы втроем едва уместились в кабине грузовика. Самсон никак не мог уgomониться и настаивал, что бегом они уже давно добрались бы до места. Купер пытался задавать вопросы о бабушке, но

создавалось впечатление, будто перед выходом в бой генерал просил о кратком инструктаже. Ответы Самсона были не очень-то полезными, так как он, похоже, прибежал к Куперу спонтанно, предварительно не позаботившись углублением в детали.

- Как мама? - наконец спросил Купер.

- Переживает. Несколько часов просидела в больнице с Попсом, - ответил Самсон. - Твое появление ее обрадует. Она беспокоится за тебя, знаешь ли. Говорит, при последней встрече ты выглядел слишком тощим. Удивительно, что, когда я уходил, она не попыталась примотать к моей спине ветчину.

- А что Мэгги? - спросил Купер. Самсон закатил глаза.

- Ты же ее знаешь. Горбатого могила исправит. Но она глубоко потрясена. Не думаю, что ей хватит силёнок снова накинуться на твои коленки.

Я задохнулась.

- Ты говорил, это были твои палец и ухо.

- И коленные чашечки, - пробормотал Купер.

- И еще веки, обе ягодицы и тот раз, когда она ухватила тебя за горло, - жизнерадостно напомнил ему Самсон. - Тогда он пытался сказать ей, что она должна покинуть долину и пойти в колледж. Полагаю, отредактированной телевизионной версией ее ответа было нечто вроде «Пошел в жопу, ты мне больше не хренов альфа. Нечего мне говорить, что я должна уйти из долбаной стаи. А теперь, чеши отсюда, пока я тебя не разорвала... » Что? Весело тогда было.

- И вы все стояли вокруг и наблюдали, как она пытается его расчленить? - Я сердито посмотрела на Самсона.

Тот пожал плечами.

- Куп не позволил бы нам прийти ему на выручку.

- Я думала, альфе полагается безграничная власть. Почему же Купер не приказал ей прекратить откусывать части его тела?

- Потому что не хотел, - ответил Самсон, бросив взгляд на кузена. Купер не сводил глаз с дороги. - Он просто стоял и терпел, как бы давая ей разрешение. Попробуй совершить подобное кто-то другой, инстинкт не позволил бы ему напасть на альфу, действующего или нет. Но для Мэгги всегда двери открыты.

Купер свирепо смотрел в окно. Самсона, очевидно, тишина только поощряла, поэтому я расспросила его о том, как они с Купером росли. Каждый раз, когда Самсон начинал рассказывать, Купер бросал на него сердитый взгляд, и рассказчик умолкал. Поэтому Самсон поменялся ролями и расспросил меня, откуда я родом, почему уехала так далеко от дома. Я выдала им краткую, не слишком урезанную версию своего детства с Эшем и Саффрином.

Уверена, Купер считал, что я выдумала эту историю, дабы выставить его самого в более выгодном свете. К сожалению, невозможно выдумать, что твоего отца загребли за нарушение общественного порядка на концерте Раффи [34]. Эш полагал, что после песни «Детеныш белуги» дети станут менее чувствительны к ужасам китобойного промысла. И вскочил по

сцену на бис, чтобы так и сказать.

- Неожиданно очень многое в твоей натуре становится понятным, - заметил Купер, вытирая глаза, пока мы проезжали мимо указателя, обозначающего границу деревни. Самсон сложился пополам и ловил ртом воздух.

- Знаешь, я не смеялась над твоей душещипательной историей, - напомнила я Куперу.

- Это умора, сама прекрасно знаешь, - отозвался он. - Затем ты и рассказала, чтобы мне полегчало, и я на время отвлекся от мыслей о бабушке. Вот одна из причин, почему я тебя люблю.

- Любишь меня, потому что я готова унижить себя, чтобы тебя развлечь? - уточнила я.

- У вас черт ногу сломит, - фыркнул Самсон. - Мне нравится.

Мы подкатили к небольшому зданию из шлакобетона с вывеской «Клиника», и я бросила грузовик на стоянке. Самсон выбрался наружу, но Купер остался на месте.

Он взял мое лицо в ладони, запрокидывая подбородок так, чтобы я смотрела ему прямо в глаза, пока он говорил.

- Я. Люблю. Тебя.

- Как думаешь, насколько плохо все будет? - Я резко картинно ужаснулась в попытке скрыть запорхавших в животе бабочек размером с Мотру [35]. Он любил меня. Купер Грэхем, один из самых красивых, невероятных, обескураживающих людей на планете, любил меня. И это меня не пугало. Я улыбнулась. - Что дальше? Речь про Криспинов день [36]?

Купер раздраженно фыркнул:

- Мо!

- Ладно, ладно. Я тоже люблю тебя, Купер.

- Простите, меня сейчас стошнит, - хмыкнул в открытую пассажирскую дверь Самсон. - Пошли, Купер.

Морщась, Купер вслед за мной вылез наружу со стороны водителя. Сжав меня за руку, он пересек обледенелую стоянку и вошел в больницу. Я шагала прямо за ним, Самсон прикрывал тылы.

Внезапно в мою сторону уставились дюжина пар глаз, разговоры умолкли - все семейство Купера с нескрываемым шоком таращилось на нас, стоявших в дверном проеме.

Как неловко.

Глава 14

Медуза против человека-волка

Я ожидала, что все представители стаи окажутся высокими и крепкими, как Купер и Самсон, но в этом волчьем генеалогическом древе был представлен широкий спектр форм и размеров. Одни смуглые и миниатюрные, как Эви; другие почти белокожие со светло-каштановыми

волосами и голубыми глазами. Должно быть, именно это имел в виду Купер, когда говорил о разбавлении кровей. Там присутствовало столько генетических штаммов, что удивительно, как волчья магия вообще передалась. Однако на свет появились несколько прекрасных индивидов.

Прекрасных, но определенно не человеческих. На фоне наших соседей по Гранди я всегда особо выделяла Купера, хотя считала, что причиной тому была его невероятно привлекательность... или тот факт, что он бесил меня гораздо больше остальных местных жителей. Теперь, когда я увидела стаю целиком, разница была очевидной, и мне стало не по себе. Плоды даже «тупиковых ветвей» двигались плавно и целенаправленно. Глаза членов стаи подмечали все вокруг, обрабатывали и раскладывали по полочкам информацию, которая могла быть использована позже. И они рылись в коробке с пончиками так, будто углеводы скоро объявят вне закона.

- Попс! - на всю толпу прогремел Самсон, таща за собой меня и Купера. - Гляди, кого принесла нелегкая, чтобы немного вправить тебе мозги.

Из многолюдной, оформленной в ярких тонах приемной Самсон втолкнул нас в небольшую смотровую комнату. Родственники Купера слишком усердно старались создать видимость, будто ведут обычную светскую беседу. Как если бы режиссер заорал «И... шум на заднем плане!» стайке совершенно бездарных статистов.

Впервые увидев дедушку Купера, я была потрясена. Ноя Грэхема, может, и приковали к больничной койке, но сила исходила от него, как тепло от тела. Смуглое лицо изрезали морщины, макушку венчал приличный клоч пепельных волос. Тонкое, вязаное из зеленой шерсти одеяло покрывало на вид еще крепкое, сильное тело.

- Ему восемьдесят два? Он выглядит моложе, чем мой отец, - пробормотала я Куперу, когда мы подходили к постели.

- В моей семье мужчины, как правило, хорошо сохраняются, - тихо отозвался он. Я почувствовала, как напряжение покидает тело Купера, стоило ему убедиться, что его дед жив, пусть и не совсем здоров. - Все это часть волчьей сути. Наши тела более живучие из-за постоянных переходов из одного состояния в другое и большого количества коллагена. В этих краях Пупса до сих пор считают довольно видным мужчиной.

- Я старый, а не глухой, мой Купер, - заметил Ной глубоким, раскатистым баритоном.

Он разомкнул веки, и я разглядела передававшиеся его внуку зеленовато-голубые глаза, заблестевшие, когда он приподнялся, чтобы обнять Купера. Маленькая, компактная блондинка в голубом медицинском халате и туристических ботинках мягко удержала его за плечо.

- Как он? - поинтересовался Купер.

Только доктор Модер открыла рот, чтобы ответить, Ной, как можно вежливее, отделался от нее.

- Я в порядке, - настоял Ной, крепко держа Купера за плечи. - Раздули из мухи слона. Но я готов снова через это пройти, раз именно поэтому ты вернулся домой. Столько времени прошло, Купер. Стае, твоей семье, не хватало тебя. - Ной бросил взгляд в мою сторону и поднял прямые, как линейка, седые брови. - И кого же ты с собой привел?

- Это Морин Дюваль-Ванштейн, Попс. Мы зовем ее Мо, - с ноткой гордости произнес Купер, тем временем Ной уверенно заключил мои ладони в свои.

- Очень приятно с вами познакомиться, юная леди, - проговорил он.

- Взаимно, - ответила я. - Купер мне столько о вас рассказывал.

- Что ж, не могу похвастать тем же, - пожаловался Ной, одаривая Купера укоризненным, лишенным горячности взглядом. - Надо бы нам с тобой посидеть и поговорить, Морин.

- Я тут слышал, ты отказываешься ехать в больницу? - спросил Купер, очевидно, почувствовав, что время знакомства подошло к концу.

Ной понизил голос и смерил внука взглядом.

- Мы должны беречь тайну. Это намного важнее, чем продлевать жизнь любому из нас.

- Прежде члены стаи без проблем обращались в больницу, - возразил Купер тоном одновременно любящим и строгим. Я оглянулась через плечо и увидела, что у двери собрались несколько родственников Купера и слушали его. Я не понимала, почему Купер так противился возвращению домой. И хотя у меня, разумеется, не было желания проверять нежные чувства его родни по отношению к незнакомым людям, посвященным в их семейную тайну, я не ощущала от толпы у двери никакой враждебности. Они практически самодовольно улыбались, наблюдая за тем, как Купер обрабатывал их упрямого деда.

Я внимательно присмотрелась к лицам каждого члена семейства. Могли ли эти люди напасть на безоружного человека? В данный момент они определенно не производили подобного впечатления, но они своего рода вели себя самым наилучшим, возможным для них образом, поскольку находились в замкнутом пространстве, в одежде и в присутствии чужака. Я попыталась представить себе, как пухленькая тетюшка в фиолетовой толстовке с эмблемой Общества красных шляпок слетает со своих волчьих катушек и загрызает подростков-туристов.

вернуться

34

Раффи (Raffi Cavoukian) - канадский музыкант и писатель, работающий в жанре детской песни и литературы. В своем творчестве поднимает темы экологии и защиты прав ребенка.

вернуться

35

Мотра — персонаж японских фильмов и комиксов, вымышленная гигантская бабочка, монстр кайдзю, хранитель планеты Земля, один из самых известных врагов Годзиллы.

вернуться

36

Автор ссылается на строки из проникновенной речи короля Генриха перед битвой при Азенкуре из пьесы У. Шекспира «Генрих V».

Натяжечка вышла.

- Доктор Модер говорит, что сможет замести любые, способные всплыть во время твоего лечения несоответствия, - сказал Купер. - И когда тебя выпишут, без проблем удалит из системы все твои записи. Нет никаких причин оставаться здесь, когда в больнице имеется возможность пройти все необходимые обследования и пофлиртовать с медсестрами.

- Не люблю я больницы.

- Ты никогда там не был, - возразил Купер.

- И правильно делал.

Поняв, что разговор продолжится по кругу, если не дам им немного уединиться, я отошла. Когда подошла к двери, толпа расступилась. Я прошла через приемную к древнему на вид автомату и налила себе чашечку. Даже сдобрив напиток щедрой порцией сливок и сахара, я поперхнулась, когда он ударил мне в горло. Это не кофе, а дрянь, выскобленная из-под ногтей самого Сатаны.

- Кто-то должен был тебя предупредить, - произнес высокий и поджарый, как гончая, незнакомец, внезапно оказавшийся рядом. - Кофе готовила тетя Гленда. Похоже, она считает, что если ты можешь его перемешать, то он недостаточно крепкий. Я Эли, - представился он, протягивая руку.

- Мо, - выдавила я. - Я подруга Купера.

- Должно быть больше, чем подруга, раз ты здесь, - заметил Эли, ощупывая меня холодными озерно-зелеными глазами с головы до пят. - Не думаю, что забегу вперед, если поблагодарю за приезд Купера. Никому из нас не удалось убедить Попса и с места сдвинуться, но Купер справится. Они всегда были близки. Не страшно, что на данный момент Купер формально остается альфой, хотя Попс никогда не стал бы принуждать его к чему-либо подобному, только не он.

- Ты брат Купера?

- Двоюродный или троюродный, мы толком не можем вычислить. Как-то раз я пытался построить схему, но... - Эли по-свойски улыбнулся и пожал плечами. - В отсутствие Купера я в некотором роде всем тут заправлял. Но мы все рады снова его видеть. Слишком много времени прошло. Мы волновались за него. Возможно, нас немного огорчило его нежелание быть альфой, но мы все равно его любим. И желаем ему счастья.

- Почему бы тебе не рассказать об этом ему?

- Вряд ли он мне поверит.

Попс ничуть не уступал Куперу и доктору Модер в дебатах о поездке в больницу. Ной скрестил руки на груди и соорудил несговорчивую мину, которая, я уверена, в какой-то момент истощит запас доводов у его внука. В комнате звучали разные доводы, пока Купер наконец не сказал:

- Попс, ради меня, ты поехал бы в больницу?

Ной окинул Купера долгим взглядом и прокашлялся.

- Если тебе от этого полегчает, я поеду.

Доктор Модер подмигнула Куперу.

- Я позвоню в кардиологию Святого Мартина, пусть знают, что мы в пути.

- Я подгоню свой грузовик, - произнес Эли.

- Вопрос решен, а теперь дайте старику отдохнуть, - пробормотал Ной, закрывая глаза. Снова их распахнув, он послал Куперу усмешку. - Сколько там будет медсестер, как думаешь?

Купер фыркнул и похлопал Ноя по руке.

- Угомонись уже, старый кобель.

Я вернулась на свое место рядом с Купером. Когда на нас хлынула волна родственников, он покровительственно обвил меня. Щеки Купера были расцелованы, пощипаны, поглажены и как следует измазаны помадой. Меня, как правило, игнорировали - прекрасно. Думаю, они ждали некоего сигнала. В этот момент, находясь в окружении толпы, я была благодарна хотя бы за то, что все эти люди полностью одеты.

- Ах да, нам бы обсудить ту фишку с Морин, - прошептала я, пока мы пробирались сквозь толпу родственников обратно в приемную. - Тебя не было в городе, когда Сьюзи Ку растрезвонила всем мое настоящее имя. И, э-э, оно не Морин.

Он остановился как вкопанный, на лице промелькнула смесь вины и раскаяния.

- Нет? Я просто предположил, что...

- Потом поговорим.

- Насколько все плохо? - поинтересовался он, когда мы подошли к кругленькой, улыбавшейся женщине с лицом без единой морщинки.

- Потом, - шепнула я.

- Так плохо?

Я остановилась и пробормотала ему в ухо:

- Молюцелла Фридом Рефрешн бриз Джоплин Дюваль-Ванштейн. Ясно?

Купер ошарашено уставился на меня.

- Ничего себе.

- Ты вообще представляешь, сколько времени я убиваю на заполнение налоговых деклараций?

Входная дверь резко распахнулась, оборвав Купера на полуслове. В нее протопала невысокая стройная женщина, а следом за ней вошла пожилая женщина с озабоченным выражением лица. Та, что помоложе, пристально разглядывала толпу, пока ее обсидиановые глаза не остановились на Купере. Губы презрительно скривились.

Минуточку. Мне знаком этот сердитый взгляд. Взгляд Купера.

Это сестра Купера.

- Какого черта, по-твоему, ты здесь делаешь? – требовательно спросила она.

Мэгги Грэхем оказалась крепкой, поджарой и созданной для скорости. Черные волосы подстрижены четко выраженными прядками вокруг лица. Ее красота казалась жестокой, чужой, как у древнегреческих чудищ, что уничтожали героев в минуту, когда те поворачивались к ним спиной.

В дверь шагнул Эли, его лицо исказила извиняющаяся гримаса.

- Прости, Куп, она увидела твой грузовик. Я не смог ее остановить.

- Мэгги, - произнес Купер, внимательно разглядывая ее лицо. - Ты так подросла и повзрослела.

- Такое бывает, когда уходишь без оглядки, - отрезала она.

- Давай хотя бы один день проживем без скандалов.

- Я не обязана выслушивать тебя, Купер. Ты уже давным-давно в этом убедился. А теперь убирайся из долины. Тебе здесь не рады. Твой дом уже не здесь.

- Мэгги, пожалуйста, не надо, - взмолилась женщина постарше.

Голос Купера стал более твердым, непререкаемым.

- Остынь, Мэгги!

Но Мэгги уже пригнулась, бросаясь в атаку. Мои человеческие глаза не смогли уловить движения сестрицы Купера, когда та перекинулась в волка и ринулась вперед. Темная фигура промелькнула мимо меня, несясь прямо на Купера. В обличье волка Мэгги уступала брату в размерах, но выглядела не менее устрашающе. Волчица была компактной, однако, когда она прыгнула на Купера, в ее конечностях была видна сила, еле сдерживаемая мощь.

Куперу едва хватило времени перевоплотиться, прежде чем его свалили на землю, а зубы Мэгги сомкнулись вокруг его шеи. Он стряхнул с себя остатки драной одежды, изо всех сил пытаясь сбросить младшую сестру со спины. Самсон приготовился к прыжку, намереваясь ринуться в гущу событий, члены семьи тут же бросились врассыпную, оставляя за собой опрокинутые стулья и разлитый кофе.

- Нет, чем меньше участников, тем лучше, - устало произнес Ной. - Попробуй вывести их на улицу, если сможешь. Не хватало еще доктору Модер за ними убирать.

Самсон и Эли «выперли» - лучше не скажешь - сцепившихся волков за больничный порог, а остальная часть стаи следом высыпала на стоянку. Когда Мэгги предпринимала попытки схватить Купера, он явно оборонялся, делая ложные выпады, и откатывался, когда она пыталась наброситься. Но он не давал сдачи. У него имелась уйма возможностей воспользоваться преимуществом в размере и силе. Он мог не раз прижучить сестру. Вместо этого, он лишь пытался не дать ей нанести серьезные повреждения, вроде родителя, позволявшего перебеситься своему карапузу.

Я искала в толпе хоть какой-то признак благоразумия, кого-то, кто вмешался бы и остановил происходящее. Однако большая часть родственников Купера, похоже, испытывала гордость,

счастье, как если бы смертельный поединок брата и сестры являлся неким дорогим сердцу старинным обычаем. Одна половина болела за Купера, другая за Мэгги. И, если не ошибаюсь, некоторые представители семейства делали ставки.

- Бред какой-то. Не собираешься что-нибудь предпринять? - обратилась я к Эли. - Я думала, ты старший. Вели Мэгги прекратить.

- Вообще-то я не альфа, поэтому никакой реальной власти у меня над ней нет. Альфа все еще Купер, пока не умрет. Я просто лидер де-факто. Если я велю Мэгги остановиться, она всего-то отхватит кусок от моей шкуры и снова примется за Купера. Кроме того, именно так мы и выясняем отношения. Это может пойти им на пользу.

Я даже крикнула от досады и посмотрела на гигантского кузена Купера.

- Самсон?

Самсон бросил тоскливый взгляд на дерущуюся парочку, но покачал головой.

- Я же говорил тебе: Куперу помощь не нужна. Кроме того, мои шрамы, ты не поверишь, остались после того, как я разнимал этих двоих.

- О, ради Бога, - вспыхнула я и протопала в клинику. Я видела, как в то время, пока Купер и Мэгги дрались на стоянке, доктор Модер грузила Ноя в сияющий, красный внедорожник Эли и укрывала своего подопечного одеялами. Оглядела приемную в поисках наиболее эффективного решения. Поскольку здесь успокоительных средств промышленного класса не держали, я схватила со стены огнетушитель, выдернула чеку и ринулась в толпу.

Подобравшись к волкам настолько близко, насколько хватило духа, я нажала на рычаг и выпустила на них обоих облако белой пыли. Дерущаяся парочка взвизгнула и отпрянула в разные стороны. Мэгги пришла в себя быстрее, чем Купер, который тяжело опустился на землю и, кажется, истекал кровью из раны на шее и лапе. Волчица снова бросилась к нему, но я выпустила еще один залп белого порошка. Когда и это не остановило нападавшую, я приложила ее тяжелым красным баллоном. Стая коллективно охнула. Мэгги заскулила и, пошатываясь, опустилась на землю.

Совершая это, ловила себя на мысли: о чем, черт меня дерит, я думала. Обычно я так себя не веду. Годы, проведенные с родителями, научили меня искусству пассивного сопротивления - позволять им читать нотации и устраивать разносы по поводу моих жалких личных пристрастий и затем все равно поступать, как посчитаю нужным. Я не кричала и не угрожала. И уж точно не влезала между разъяренными сверхъестественными тварями. Что Купер со мной делал?

- Какого черта? - проревела Мэгги, меняясь и поднимаясь уже в человеческом облики. Она рывком припала своим стройным, обнаженным телом к земле и зарычала на меня. Пальцы прижались к наливавшейся на лбу фиолетовой шишке. - Кто ты такая, чтобы встревать в дела стаи?

- Отвали, - предупредила я. - Ты свое слово сказала, а теперь назад. Он не из-за тебя сюда приехал. Твой дед едет в больницу, и Купер должен его сопровождать. Он не может этого делать, разбираясь с твоей маленькой вспышкой бешенства.

Мэгги недобро ухмыльнулась и двинулась в мою сторону. Новая порция холоднящих химикалий для пожаротушения вряд ли улучшит ее настроение, но на данный момент я как бы

загнала себя в угол, и огнетушитель - мое единственное оружие. Пожалуй, я всегда могу снова ее долбануть.

- Мэгги, не надо, - пробурчал Эли тоном гораздо более внушительным, чем я могла от него ожидать.

- Вам обоим здесь не рады, - ощерилась Мэгги, игнорируя кузена. - Думаешь, ты особенная, раз Купер привез тебя домой, чтобы познакомить с семьей? Вот умора! Ему плевать на семью. И на тебя. Когда он с тобой закончит - даст деру. Такой уж у нас Купер.

В эту минуту Купер лежал на земле и, похоже, всячески старался снова обратиться в человека. Наверное, его ранили намного серьезнее, чем я думала. Я постаралась, чтобы мой голос звучал холодно и отстраненно, а сама тем временем пятилась к Куперу с огнетушителем наготове.

- Слушай, я не собираюсь вступать с тобой в некую феминизированную словесную перепалку. Это не мой метод. Не люблю грубить или устраивать сцены. Не потому, что сноровки не хватает. Я брала уроки у своей матери, которая сделала доведение до слез чиновников своим пожизненным хобби. Ты в разряде любителей, даже если можешь превращаться в хищника высшего порядка. А теперь, отвали, злобная сучка или...

Мало что помню после этого, потому что Мэгги ударила меня так сильно, что по ощущениям моя челюсть оказалась где-то на затылке. Позади меня послышался дикий рёв и едва угадываемый скрежет когтей о мерзлую землю. Огнетушитель выскользнул у меня из рук и с громким лязгом упал на бетонное покрытие. Я покачнулась, но на ногах устояла, послав косою удар в подбородок Мэгги. Она зарычала и снова мне врезала, прямо в глаз.

Я нашла некоторое утешение в том, что меня нокаутировала моя шмякнувшаяся о тротуар голова, а не сам удар... нет, как ни крути, вышло жалко.

Глава 15

Совершенно новое понимание знакомства... с рычагом переключения передач

Я очнулась на чужом диване с куском говядины на глазу.

- У вас что, мясо является решением всех проблем? - проворчала я, садясь.

- Помедленнее, - сказал какая-то женщина тихим мелодичным голосом и положил руку мне на плечо, удерживая на месте. - Ты была без сознания. Пока неизвестно, но возможно у тебя сотрясение.

Я несколько раз поморгала, прежде чем открыть здоровый глаз. К моей радости на этот раз одетый Самсон сидел рядом в мягком кресле. Комната оказалась безупречно чистой, с расставленными повсюду фотографиями Купера, Мэгги и Самсона в детские годы. Стены теплого кремового цвета. Ярko-синий уютный коврик лежал перед большим кирпичным камином. На каминной полке стояли вырезанные из дерева фигурки волков, в точности такие, как и тот, что Купер подарил мне на Рождество.

- Мы рады видеть, что ты вернулась в этот мир, - со смешком произнесла незнакомка, одновременно снимая мясо с моего лица. Я слышала как выражением «приятной округлости» описывали женщин, но никому прежде оно не подходило так точно, как Грэйси Грэхем. Она была мягкой и кругленькой с неизменной улыбкой на лице. Блин, я хотела забраться к ней на колени и попросить рассказать сказку.

- Никогда не видел, чтобы простая человеческая девушка выдержала такой удар, - восхищенно проговорил Самсон. - Знаешь, если у вас с Купером ничего не получится, я сам на тебе женюсь.

- Заманчиво, Самсон. Но я видела тебя голым. Боюсь, ты разорвешь меня пополам.

Самсон громко фыркнул. А я поняла, что сказала невероятную пошлость в присутствии мамы Купера, и почувствовала, как запылали щеки. Грэйси же просто проигнорировала обмен репликами. Я ужаснулась. Но, я надеюсь, не забыли о травме. От меня нельзя ожидать такта даже без сотрясения мозга. Опять же, на глазах у ее матери я обозвала Мэгги злобной маленькой сучкой... до удара по голове. Но, судя по тому, что Грэйси за мной ухаживала, зла она на меня не держала.

- Где все? - спросила я.

- После того, как ты своим лицом сломала Мэгги руку... - Грэйси строго посмотрела на Самсона. Он, не обращая внимания, продолжил: - Купер, Эли и док повезли Попса в больницу. Купер хотел остаться, но я пообещал за тобой присмотреть. Эли и доктор Модер побоялись, что если рядом не будет Купера, Попс может доехать до больницы и там передумать.

- А Мэгги?

- Ну, я поднял тебя и отнес в дом. Купер обратился и сбил Мэгги с ног. Завязалась крутая кровавая драка, о которой мы будем вспоминать годами. Грэйси встряла между ними и заставила их обратиться в людей. Мэгги начала орать, что Купер во всем виноват, ведь это он человека к нам, и о чем ее братец думал, заявившись сюда после такого долгого отсутствия... - до Самсона видимо дошло, что ему стоит подправить рассказ. - В конце концов, Эли сказал, чтобы Мэгги отправилась на длительную пробежку и поразмыслила о своем поведении. Одним словом прогнал ее из деревни на три дня.

- Значит, злая, наставляющая всем фингалы волчица собирается обвинять во всем меня? - простонала я. - Потрясающе.

- Я прошу прощения за поведение своей дочери, - сказала Грэйси. Ее губы немного дрожали, когда она наносила густую желтую мазь с сильным запахом вокруг моего глаза. - Она сильно изменилась с тех пор, как Купер ушел. Она очень злится. Я пыталась объяснить ей, что надо сдерживать себя. Ничего не помогло. Эли обычно может ее образумить, но встреча с Купером лицом к лицу после такого долгого времени...

- Ничего страшного. Мне, наверное, не следовало вступать. Этот урок я уж точно усвоила, - ответила я, поморщившись, когда Грэйси ощупала чувствительное место прямо под ресницами. - Просто я не могла смотреть, как набрасываются на Купера.

Грэйси улыбнулась тепло и благодарно.

- Нападение на пару Купера это большая ошибка, - заверил меня Самсон, выглядящий в эту минуту очень свирепо. - Мэгги должно быть стыдно за то, что она сделала. Это оскорбление для всех нас. Неважно, что ты ей сказала или чем ударила, нельзя накидываться на тебя. Ты человек. У тебя шансов нет.

- Вот спасибо, - пробормотала я, не возражая на его предположение о «паре». - Как Купер?

- Взбешен. Это хороший признак. Он сам терпит нападки Мэгги, но как только она подняла

руку на тебя, все барьеры сняты. Купер никогда прежде не ранил ее до крови, никогда не нападал так, даже в детстве. Сбил ее с ног, во всех смыслах, и это неплохо.

Я кивнула, глядя на свои покрытые порошком из огнетушителя руки.

- Ты очень спокойно приняла волчий аспект, - прокомментировал Самсон. - Большинство обычных женщин уже бежали бы без оглядки.

- Мне очень нравится Купер, - ответила я, бросив осторожный взгляд на его мать. - И у меня не совсем «традиционное» воспитание, так что я привыкла к необычному.

- Все равно, - в голосе Самсона опять появилась восхищенная нотка.

- Ты очень храбрая или очень странная, если согласилась приехать сюда, - сказала Грэйси, приподнимая мой подбородок. Казалось, она осматривала нанесенную травму, но в то же время пристально изучала меня своими большими зелеными глазами.

- Наверное, и то и другое, - призналась я.

- Как ты себя чувствуешь?

- Голодной, - ответила я. И посмотрела на часы. Почти пять утра. Слава Богу, сегодня воскресенье, мой выходной, так что не придется объяснять Эви «сотрясение» и следы побоев от рук Мэгги.

- Я приготовлю завтрак, - Грэйси поднялась с дивана.

- Вы не будете против, если я приготовлю? - спросила я, вставая. - Это наверняка немного меня успокоит. И вы устали. Вы хоть поспали чуть-чуть?

- Нет, - призналась Грэйси.

- Вы сидите, я готовлю. Самый легкий способ понять, есть ли у меня сотрясение, это посмотреть, вспомню ли я все ингредиенты омлета по-западному.

Грэйси запротестовала:

- Я не могу разрешить тебе...

- Не торопись, мам, - вмешался Самсон, - Купер мне рассказал, как она готовит. Может и стоит позволить ей встать.

- Извини Самсона, его словно волки вырастили, - пробормотала Грэйси.

Я приподняла бровь.

- Это, что какой-то тест? Если я посмеюсь над шуткой, меня выставят за дверь?

Самсон хохоча потащил меня на кухню.

- Что я говорил?

Если судить по моей стряпне о состоянии головы, то сотрясения у меня не было. Запах поджаренного лука и перцев, приправленных чесноком, основательно поднял мне настроение. Кухня Грэйси была чистой и хорошо обустроенной. Все располагалось на своих местах. Грэйси заварила кофе, и теперь они с Самсоном сидели за кухонным столом и наблюдали, как я готовлю.

На кухне были еще фотографии. Купер, Мэгги и Самсон в более счастливые времена. На санях, на рыбалке, строили рожицы на камеру. Мэгги и Купер, очевидно, были близки в детстве. Почти на каждом снимке, она стояла рядом с братом, обнимавшим ее за плечи.

- Ты не смогла бы найти сестру, которая любила бы брата больше Мэгги, - Грэйси, протянула мне кружку кофе, указывая на фотографию, на которую я смотрела. - Или старшего брата, который терпел бы младшую сестру, что все время крутится поблизости.

- Извините, но я просто не понимаю, - сказала я, помешивая яйца на сковороде. - Если они были так близки, почему Мэгги просто не может его простить? Или, по крайней мере, не пытаться отгрызть ему нос при каждой встрече? Почему она так сильно злится на Купера? Он сказал мне, что должен был уйти, но ничего так и не объяснил. Я думала из-за того, что семья его больше не принимает, но теперь вижу, что это не так. Что такого произошло, если Купер почувствовал, что не может остаться?

- Он тебе не рассказал? - Самсон поднял брови.

Мы услышали шум двигателя на улице. Посмотрев в окно на кухне, я увидела джип Эли, свернувший на подъездную дорожку.

- Купер сам должен тебе рассказать, - тихо сказала Грэйси.

- И тогда я уговорил Купера спрыгнуть с самой высокой горы, которую он сможет найти, с зонтиком в руках, - начал Самсон, как только входная дверь стала открываться, - Я не предупредил, что прыгать надо ногами вниз, подумал это и так понятно.

Я с недоумением уставилась на Самсона. Но Грэйси среагировала и подхватила нить разговора.

- Самсону и Куперу больше не разрешали смотреть Мэри Поппинс, - вздохнула она.

- Мы особо не возражали, потому что посмотрели Супермена, и я уговорил Купера забраться на крышу с красным полотенцем, завязанным вокруг плеч...

- Сколько твоих историй заканчивается этой фразой? - поинтересовалась я, включаясь, наконец, когда Купер вошел в кухню.

- Он рассказывает унижительные истории из моего детства? - спросил Купер устало, подходя к плите и осматривая мой синяк. Самсон вскочил и налил кофе для Купера и шедшего следом Эли, который выглядел на удивление бодро.

- Только хорошее, - уверила Грэйси.

Я поморщилась.

- Ну, я бы не назвала поздний ночной энурез хорошим...

Купер открыл рот от удивления, и Грэйси не сдержала долгий ухающий смех. Я вбила больше

яиц и разделила начинку на два дополнительных омлета, пока Купер и Эли рассказывали новости о Ное. Исследования не обнаружили сердечного приступа или инсульта, но Попса оставили под наблюдением на всякий случай. Купер сидел, склонившись, за кухонным столом и выглядел вымотанным до полусмерти. Я поставила тарелки на стол. Самсон застонал от удовольствия после первого кусочка, попавшего ему в рот.

Я повернулась назад к плите и услышала громкий шепот Самсона:

- Слушай, насколько у вас открытые отношения?

И улыбнулась про себя, когда за этим последовал звук удара и живописная череда ругательств Самсона.

- Я же просто спросил!

- Дети, - осадила их Грэйси, но было слышно, что она довольна.

Я прислонилась к рабочему столу с тарелкой в руках. Грэйси попыталась меня усадить, но я была рада просто понаблюдать со стороны за Купером в кругу семьи. Чем дольше он сидел с ними, тем напряженнее становился. Он постоянно наблюдал за дверью, регулярно оборачивался, чтобы убедиться, что я в безопасности. Все еще тут. Эли заметил его беспокойство и положил руку Куперу на плечо.

- Нам пора, - поднимаясь, сказал Купер, сбрасывая руку, - Я вымотался. Мо получила травму. Я позвоню ближе к вечеру узнать, как дед.

Резкая нотка в его голосе заставила перевернуться что-то у меня внутри. Как ощущение теплоты и уюта могло так быстро исчезнуть из кухни? Я доела свой омлет и повернулась к раковине, чтобы помыть посуду. Так я нашла своим рукам дело, вместо того, чтобы начать их выкручивать и в целом вести себя, как дуреха.

- Почему бы вам не задержаться здесь на день? - предложила Грэйси, сумевшая удержаться от мольбы. - Поспите, примите душ, прежде чем отправляться в обратный путь.

Купер покачал головой и с нежностью прикоснулся лбом к щеке матери.

- Пора.

Я откашлялась. Он ответил долгим недовольным взглядом. Я наклонила голову в сторону Эли и одними губами произнесла «Гранди».

Купер сморщился и повернулся к нему.

- Тебе лучше не разрешать стае бегать в окрестностях Гранди какое-то время. Там случались нападения, даже в городе. Пострадали люди. Черт, двое молодых ребят пропали, и вокруг их лагеря полно волчьих следов. Местные все больше и больше заводятся. Поговаривают об организованной охоте. Если они увидят волка поблизости, у тебя на руках может оказаться убитый член стаи.

Эли медленно кивнул и почему-то не отрываясь смотрел на меня.

- Мы в курсе ситуации. Я видел кое-что в новостях. Сказал всем обходить Гранди стороной.

- Мы обычно и так не приближаемся, - вставил Самсон. - Знаем, ты не любишь толпу.

- Но вчера ты послал к нам Самсона, - сказала я, - Его могли заметить. Он мог пострадать. По всему лесу расставлены капканы.

Эли выглядел крайне недовольным, что я встряла в разговор. Он резко взглянул на Купера.

- Нам обязательно обсуждать это сейчас?

- Она мая пара, - заявил Купер. - Это и ее дело тоже.

Самсон поднял брови, и посмотрел на меня с какой-то испытующей ухмылкой. Губы Грэйси сложились в мягкую улыбку. Что сейчас произошло? После замечания Самсона, это заявление Купера казалось важным. Что именно значило быть «парой» Купера?

- Мы послали Самсона, потому что сложилась чрезвычайная ситуация, - ответил Эли.

- А были ли еще какие-нибудь чрезвычайные ситуации, о которых мне стоит знать? - тихо поинтересовался Купер. - Ты не замечал, может кто-то уходил побегать один?

Вечно присутствующая улыбка Эли слегка соскользнула, и на мгновение он выглядел по-настоящему взбешенным.

- Ты спрашиваешь, не заимел ли кто-то из нашей стаи привычку нападать на людей на твоей территории?

- Я просто хочу знать, кто бегаёт на моем заднем дворе, - выражение лица Купера стало жестче.

- Никто из наших не бегаёт сам по себе и без моего ведома, - процедил Эли.

- Ты уверен? - спросил Купер голосом, который я стала распознавать как его «режим альфа». Вне зависимости от официального статуса, Эли придется говорить правду.

- Абсолютно, - сказал он с неприязнью. - Послушай, Купер, если волнуешься, что тебя обнаружат или будут охотиться, может сейчас самое время подумать о возвращении домой? Здесь ты под защитой. В безопасности. И это только облегчит ситуацию с Мэгги. Она не сможет злиться на тебя, если ты всегда рядом.

- О чем ты говоришь? - спросил Купер.

- Так лучше для всех, Куп, - Эли пожал плечами. - Стае нужен альфа, кто-то с реальным авторитетом. Они идут за мной, но любят тебя. Ты сам видел, как все отреагировали на твое появление сегодня. Они просто увидели тебя и расслабились. Я надежный организатор, но я не ты. Ты им нужен, Купер. Конечно, ты растерялся на какое-то время, но любой хороший лидер сталкивается с трудностями...

- Эли, я не приеду домой. У меня есть жизнь, к которой я хочу вернуться. Просто держи стаю как можно дальше от меня и Мо, ладно? - Он взял меня за руку. - Мы уходим.

Понимая, что спорить бесполезно, я надела куртку и ботинки, получив затем слегка неприличный поцелуй от Самсона и крепкое объятие от Грэйси.

- Приезжай в любое время, - сказала она.

Эли соблюдал дистанцию, обреченно помахав рукой. Меня это устроило. Купер обнял меня за

плечи и, придерживая за локоть, повел по опасно скользкой дорожке. Я попыталась убедить его пустить меня за руль. Я, по крайней мере, хоть немного поспала, пусть фактически меня просто вырубили. Но Купер покачал головой и посадил меня на пассажирское сидение. Он поднял мое лицо за подбородок, наградив фингал долгим взглядом. Сжав зубы, Купер повернул мои ноги в салон грузовика и закрыл дверь.

По дороге домой Купер молчал. А я воспользовалась этим временем, чтобы себя накрутить. Может я зря настояла, на своей поездке в долину? Будет ли он на меня злиться? Что если он высадит меня около дома и пропадет на несколько дней... О, Боже, что если Купер не вернется? Что если он решит, что я больше не его пара? Чтобы это не значило.

Я не привыкла испытывать неуверенность в отношениях. Если Тим злился на меня и уходил ночевать к себе, то это значило, что пульт от телевизора принадлежал только мне. Иногда я нарочно затевала спор, если хотела посмотреть особенно интересную серию «Костей». Тим терпеть не мог детективные сериалы.

Это не подготовило к чувству страха, растущему внутри, пока мы ехали домой. Купер остановился на подъездной дорожке и заглушил мотор. Я отстегнула ремень и стала ждать.

Руки Купера так и остались на руле, смотрел он вперед. Я сползла по спинке сидения. А если он бесится, что я встряла между ним и Мэгги? Или что я подружилась с его матерью? Почему он молчит? Может, я должна начать? Что если он ждет, чтобы я заговорила? О, черт.

- Купер, я.. мм! - извинение оборвалось, когда он накрыл мой рот своим, словно вытягивая весь воздух из моих легких своим поцелуем.

Потянувшись через сидение, Купер поднял меня и усадил себе на колени. С некоторым трудом стянул мои узкие джинсы с бедер, затем сдвинул трусики в сторону и засунул пальцы между моих теплых складок. Я не была к нему готова и зашипела от горячей волны боли-наслаждения, накрывшей меня. Он согнул пальцы внутри, посылая чувственный шок прямо вдоль моего позвоночника. Купер играл моими губами, очерчивая нижнюю своим языком, повторяя ритм своей руки. Основание его ладони терлось о мой клитор с каждым движением. Я отклонилась назад, опираясь о приборную доску, в то время как второй рукой Купер обхватил меня за шею, поддерживая. Мои внутренние мышцы задрожали вокруг его пальцев, когда я закричала, кончая.

Я скользнула ниже на коленях Купера, ощущая себя совершенно размягшей. Ткань его джинсов восхитительно царапала мою сверхчувствительную плоть... и это было хорошо, потому что у меня не хватало сил справиться с пряжкой его штанов. Сквозь туман до меня дошло, что это первый раз, когда одежда Купера стала препятствием. Но я не засмеялась, я не успела дальше развить первоначальную мысль. Купер двигался слишком быстро.

Я услышала негромкий звук открывающейся молнии, уронив голову ему на плечо. Ахнула, когда Купер прижал меня ближе. Но сейчас я была настолько мокрой, настолько готовой, что он скользнул внутрь легко, прямо до основания, погружаясь в меня полностью. Купер держал меня за бедра, направляя вверх и вниз, задав яростный темп. И когда этого стало недостаточно, он пододвинулся к краю сидения, выгнувшись и отклонив меня на руль, вбивал свои бедра в меня.

Не было нежности, ласковых прикосновений, ничего, чтобы продлить это мгновение. Купер изливал всю свою скорбь и боль в мое тело, и я впитывала. Он прошелся губами вниз по моей шее, царапнул зубами.

Купер потянулся вниз, дотронувшись до места слияния наших тел. Большим пальцем он очертил мой клитор, подведя меня к краю одновременно с собой, и качнул бедрами подо мной. Я снова откинула голову назад, ударившись о ветровое стекло. Купер взял мое лицо в ладони и повернул в сторону. Его зубы прикоснулись к шее, к плечу, и он сильно меня укусил. Я закричала, когда его клыки пронзили кожу, оставляя на мне метку.

Когда Купер затих, я прислонилась к его лбу, тяжело дыша. Казалось, он начал приходить в себя, замечая румянец на моих щеках, беспорядок в одежде. Он прижался ухом к моей груди, вдыхая мой запах, слушая биение сердца.

Когда я откинулась назад, он проследил след от укуса кончиками пальцев. Смотрел сосредоточенно, а его губы подрагивали.

- Мне надо пробежаться.

- Что, прости? - я склонила голову набок, уверенная, что не расслышала.

Он аккуратно снял меня с колен и застегнул мне джинсы.

- Мне надо побегать. Проветрить мозги. Необходимо кое-что обдумать, и я не хочу быть рядом с тобой в это время.

Купер помог мне вылезти из грузовичка и донес меня до входной двери, так как я потеряла ботинки где-то в машине.

- Не нужно уходить, - сказала я ему, пока он снимал рубашку.

- Я скоро вернусь домой, - он поцеловал меня в щеку.

Я услышала шорох его упавшей на пол одежды и мягкий стук приземлившихся лап, когда он спрыгнул с крыльца. Я подняла глаза к потолку.

Оборотни иногда так склонны к мелодрамам.

Я прошла в спальню и сняла одежду, всю в подозрительных пятнах, пропахшую луком и сырой говядиной. Дом казался пустым, несмотря на твякающего взвизгивающего у ног Оскара в водолазке. Я так быстро привыкла к полуночным перекусам, к совместному душу (ради сохранения воды, конечно), к тому, что в постель мы ложились вместе. При всей усталости, мысль о том, чтобы залезть под холодные простыни одной, угнетала.

Надев одну из футболок Купера, я взяла Оскара на руки и включила компьютер. Я подошла к проблеме оборотней не с той стороны, опираясь на информацию из фильмов, легенд и программы о животных «Дикое царство». Я же имела дело с настоящими людьми. Купер упоминал, что стаи есть по всему миру. Должны быть где-то еще растерянные подружки оборотней. Мне просто надо их найти.

К несчастью, я получила кучу странных результатов от Гугл, когда ввела в поиске «подружка оборотня».

Осторожно ощупывая свой новехонький след от укуса, я перелопачивала страницы результатов, пока не нашла сайт какого-то оккультного магазинчика в Кентукки с названием «Специфические Книги». Это был единственный онлайн магазин, в котором я нашла справочники с советами об отношениях для людей, встречающихся с оборотнями. Подобное не

найдешь на Амазоне. Я накупила книг на четыреста долларов и согласилась на доставку по заоблачным ценам.

Я продолжала искать, пытаясь отделить «возможно толковое» от «полный бред». Многие вещи я уже знала просто по опыту. Например, согласно данным сайта RazoblachenieOborotnej.com, оборотни были намного ближе к природным инстинктам, чем другие гуманоидные сверхъестественные существа. Это делало их импульсивными, темпераментными, защищающими свою территорию и не чурающихся плотских контактов. Напоминает одного моего знакомого?

И я узнала, почему Купер так много ел и не поправлялся ни на грамм. Превращение из человека в волка требовало огромных затрат энергии. Более молодым оборотням приходилось поглощать калории целый день, чтобы поддерживать силы и быть готовыми к обращению. Присутствовала еще и инстинктивная надобность в сытости, поскольку настоящие волки не знали, когда в следующий раз смогут добыть пищу.

Я не знала до этого, что не существовало никакой «волшебной» пули – серебряной или еще какой – чтобы убить оборотня. Оборотни, конечно, обладали более совершенной способностью к исцелению, чтобы справляться с беспорядочным образом жизни. Но, как и все остальные живые существа, были уязвимы. Так что, если что-то способно убить настоящего человека или волка, это убьет и оборотня. Не знаю почему, но я почувствовала себя одновременно более и менее спокойной.

К моему удивлению существовало множество видов оборотней. Медведи, лошади, львы, скунсы, коты, собаки. Назовите любое животное, и, скорее всего, где-то есть человек, способный в него превратиться.

В этот момент я с подозрением посмотрела на Оскара.

- Если ты окажешься пузатым бухгалтером среднего возраста, я буду очень недовольна.

Оскар фыркнул, словно сама эта мысль его оскорбляла.

Глава 16

Унылоград, население: Я

Следующие несколько дней, я чувствовала себя, будто встретилась лицом с цементовозом, и выглядела не лучше. Почти все время я проводила на кухне, чтобы избежать вопросительных взглядов посетителей. Меньше всего мне нужны слухи о домашнем насилии, гуляющие по Гранди. Алан мог бы защелкнуть медвежий капкан на Купере нарочно. Купер возвращался к своему старому ампула «угрюмый ублюдок» со всеми, кроме меня. Казалось, он хотел притвориться, что мы никогда не ездили в долину. Кроме новостей о Ное и осмотра моего глаза, он никак не упоминал свою семью. В то же время он рычал на всех остальных людей и носился вокруг меня сверх меры, при этом жутко раздражая.

Купер должен был уехать из города на несколько дней, чтобы сопровождать группу адвокатов из Теннесси, желавших поохотиться на карибу где-то в семидесяти милях южнее Гранди. Я не беспокоилась. Знала, что ему нужно работать. Он стал реже исполнять роль проводника с тех пор, как мы «сошлись», как назвал это Абнер. Но Купер боялся оставить меня одну, не хотел быть вдали. Мило, но осознание, что я обладала такой силой притяжения для кого-то, странно стесняло. Я привыкла к давящему вниманию со стороны своих родителей, и старалась этого избегать. Растущие эмоциональные страдания начинали меня пугать.

- Я хочу, чтобы ты пообещала не выгуливать Оскара ночью одна, - произнес он тоном, так опасно близким к приказному, что я чуть не сунула ему кое-куда лопаточку

Купер ходил следом за мной, пока я передвигалась от плиты к полку выдачи блюд, больше чем когда-либо похожий на запертого в клетке животного. Наверное, угрожать ему в данную минуту кухонной утварью не самая лучшая затея.

- Не уходи далеко от дома. Запирай двери на ночь.

-Ладно, но это рушит все мои планы. Мы с Эви собирались заказать пиццу, совершить набег на домашний бар и пригласить парней для игры в бутылочку.

- Я не шучу, Мо, - ответил Купер, кидая сердитый взгляд в сторону Алана, поедавшего блинчики.

- Я жила много лет одна, до того как появился ты, - сказала я, взяв его за подбородок и твердо посмотрев на него.

- За те полгода, что ты здесь, тебя почти ограбили, угрожая ножом, и ты встретила со злым медведем, - возразил Купер.

- Так что по теории вероятности, шанс, что со мной случится что-то еще, ничтожен, - пожала я плечами.

Купер зарычал, издав низкий звук, зародившийся глубоко внутри.

- Мо.

- Милый, я понимаю, все это часть инстинкта защитника альфа-самца, но ты меня начинаешь бесить. Из нас двоих ты идешь в лес с толпой пьяных, вооруженных адвокатов. Вообще-то, о твоей безопасности надо волноваться больше, - захихикав, я поцеловала его подбородок, где оставила след от муки. - Но обещаю не выходить одной, не сообщать незнакомым визитерам, что дома никого нет и не принимать сладостей от мужчин в грузовичках без опознавательных знаков.

Губы Купера насмешливо изогнулись.

- Это все, о чем я прошу.

Я практически оттащила Купера к его машине, лишь бы он ушел, и остаток дня прошел без особых приключений. Линетт подавала мне неправильные заказы, окликала меня не моим именем и почти бросала мне грязные тарелки через стойку. С какой-то стороны, было даже приятно вернуться к нормальной жизни.

Эви согласилась прийти ко мне и устроить мелодраматический марафон с Сандрой Баллок в главной роли. Подруга собиралась приготовить маргариту, приготовленные в «Твое лицо растает», от чего слизистая моего желудка затрепетала от страха. Я как раз поставила «Пока ты спал» в DVD плеер, когда противная попсовая мелодия на телефоне отвлекла Эви от того, что она смешивала в блендере.

- Не старовата ли ты для Бритни Спирс? - с иронией поинтересовалась я.

- Базз? - она со смехом произнесла по телефону. - Я же говорила тебе, мы напиваемся и

смотрим на отвратительно приятных людей. Настоящее девчачье занятие... Что? Что происходит?

Я тяжело опустилась на диван. О, Боже, кто теперь пропал? Кто из моих друзей исчез, ранен или того хуже? Я подумала об Алане, имевшего возможность после потепления гораздо чаще ходить в лес в одиночестве. Что если на него напали? Абнер в последнее время отправлялся на разведывательные прогулки по заповеднику. Уолт рыбачил. Черт, Герти собиралась вскопать сад на заднем дворе. Никто из них не был в безопасности. Я опустила голову на руки и ждала, пока Эви положит трубку и сообщит мне плохие новости.

Она нажала отбой и повернулась к блендеру, отмеряя и добавляя ингредиенты с точностью химика. Я ошарашено уставилась на нее.

- Ну? - не выдержала я.

- Алан нашел туристов, точнее то, что от них осталось, - ответила она со странной сдержанностью. - Базз просто позвонил сообщить, что по просьбе Алана связался с офисом государственного патологоанатома по поводу останков. Базз собирается идти в горы.

- Где их нашли? - я взяла текилу и налила нам по рюмке.

Эви выпила свою порцию и поморщилась.

- В миле или около того от их палаток. От ребят остались просто... кости, разбросанные в ложбине. Алан смог найти останки сейчас потому, что сошел снег. Базз сказал, их глодали... много разных животных. Алан не хочет оставлять место, пока не будет возможности перенести тела в какое-нибудь достойное место.

Я не понимала, почему эти новости стали таким потрясением. Ведь я знала, как мала была вероятность, что мальчики живы, что только вопрос времени, когда найдут их тела. Но знание, что их нашли, делало ситуацию завершенной, и в то же время поднимало старый вопрос. Что с ними произошло? Кто на них напал? Будут ли эти атаки повторяться? От мысли об Алане, находящемся на темной горе, несущем вахту над останками, у меня скрутило живот.

- Может, отложим сегодняшние планы на другой вечер? - предложила я, доставая таблетки от изжоги. - Базз скорее всего захочет тебя увидеть.

- Базз будет помогать Алану, - ответила Эви. - А у нас с тобой свидание с неправдоподобной романтической комедией.

- Эви.

- Молюцелла, - парировала она. - Что еще мы можем делать? Они там, в горах, а мы здесь. Пройдет не один час, прежде чем они вернуться. Чем ты можешь помочь Алану?

Я пожала плечами.

- Что если я скажу: «Эй, я знаю, где найти огромную популяцию волков. Может быть, пойдём и снимем слепки с зубов и сравним следы от укусов?»

- Этим ты предашь Купера и стаю, которые доверили тебе свой секрет, - сказала Эви, со стуком поставив бутылку на стол. - Мы не должны в это вмешиваться, Мо. Если я чему и научилась, живя в стае, так это тому, что надо позволять им самим решать свои проблемы, давать

возможность со всем разбираться.

- Но ведь это не ссора из-за последней печеньки. Дело в том, что существует вероятность, что кто-то из стаи убивает людей! - вскричала я. - Твой муж на той самой горе. Алан тоже там. Что если этот кто-то вернется к оврагу за трофеями?

- Ты действительно так думаешь? - побледнев, требовательно спросила Эви. - Ты считаешь, кто-то из стаи творит все это?

- Ты хочешь сказать, тебе такая мысль в голову не приходила?

- Нет! - воскликнула она. - Стая - моя семья. Они могут поранить кого-то во время драки, но никто из них не способен на убийство. Может это какой-то оборотень-бродяга, одиночка, получающий удовольствие от любого убийства. Если дело обстоит так, то стая его поймает. В самом деле, Мо, иногда я не понимаю, что происходит у тебя в голове.

- Ну, тогда, скажи, что мне думать. Ты настолько уверена в себе, в стае. Скажи как мне не чувствовать себя все время виноватой. Как ты можешь каждый день видеть, что Алан переживает из-за невозможности найти волка, и знать, что можешь ему помочь?

- Если я на блюдечке передам секрет моей семьи представителю власти Соединенных штатов, как это хоть чему-нибудь поможет? - тихо спросила Эви. - И я могу смотреть на Алана, потому что у меня годы практики в сохранении тайн. Мы, из тупиковых линий, не можем превращаться. Единственное чем мы помогаем своей стае, это своим молчанием. Я не выросла в хипповой общине любви, где делают коллаж или еще что в том же духе всякий раз, когда испытывают какое-то чувство!

- Эй, это не честно! - закричала я. - Я не бегая вокруг, высказывая все, что у меня на уме. Просто считаю, что в этой ситуации на нас лежит ответственность.

- Мы даже не знаем, что это за ситуация.

- Хорошо, - прорычала я, - Но не используй против меня то, что я рассказала тебе о своих родителях. Я же не бросаю тебе в лицо количество поглощаемого твоей семьей мяса или то, как они отвлекают своей непредсказуемой обнаженкой.

Я закрыла рот рукой. Эви вытаращила глаза и сложилась пополам от смеха. Я покачала головой. Такого на сегодня я не планировала.

- Это был очень впечатляющий рык, Мо. Купер может тобой гордиться, - прокомментировала она, улыбаясь. - Прости, милая. Иногда я забываю, насколько все это для тебя в новинку, насколько должна шокировать эта жизнь. Я иногда принимаю все происходящее, как само собой разумеющееся. И если бы я думала, что могу предотвратить гибель других людей, я бы нашла способ. Но я не считаю, что ты или я можем это остановить.

- Я не хотела орать. Ненавижу чувствовать себя такой... беспомощной. Не хочу, чтобы из-за этого между нами были проблемы. Ты одна из немногих, с кем я могу обсудить все это.

- Согласна. Мы не позволим этим оборотням устроить разлад в нашей дружбе, - заключила Эви, нажимая режим дробления льда на блендере. И продолжила громче: - Сколько подруг могут такое сказать?

Коктейли и сладости на основе фильмов Сандры Баллок были употреблены, эдакий

объединяющий опыт, восстановивший небольшой нанесенный нашей с Эви дружбе урон.

Следующим утром Линетт, соизволила принести заказ и проворчала:

- Мо, там клиент спрашивает тебя. Симпатичный.

Линетт при этом выглядела сверх раздраженной, что было в принципе ее обычным выражением лица при общении со мной. Я не знала, расстроилась она из-за утраты потенциальных чаевых или потенциального ухажера.

Пока шла через зал, вошел Базз, отряхивая грязь с ботинок. Эви обняла его и сжала так, что я подумала, он посинеет.

- Я тоже по тебе скучал, дорогая, - засмеялся он.

- Как Алан? - спросила я, когда Эви отпустила мужа, чтобы тот смог вздохнуть.

- Он рад, что хотя бы может дать семьям мальчиков чувство завершенности, а в остальном, устал и его тошнит от всего этого, - ответил Баз. - Он все еще на месте, помогает ... эм... собрать все.

- Он нашел какие-нибудь следы в овраге, что-нибудь, что поможет поймать волка? - продолжила я вопросы, несмотря на то, что Эви подняла бровь в мою сторону.

- Все смыто талой водой, - сказал он, понизив голос. - К тому же, зимой мало еды. Мертвое тело привлекает каждого падальщика в радиусе десяти миль. Нет гарантии, что ты найдешь правильного волка, даже если пойдешь по следам.

- А если поставить капканы на случай, если он вернется?

- Больше никаких разговоров о падальщиках, - встряла Эви, вздрагивая и направив в мою сторону выразительный взгляд. - Тут люди едят.

Видимо, после вчерашнего разговора Эви поразмышляла о моей теории про члена стаи. И, очевидно, не оценила мои намеки Баззу, чтобы он попытался поймать одного ее родственников. Я подняла руки вверх, показывая, что тема закрыта.

- Я лучше пойду к своему столику, - сказала я, дружески стукнув Базза своим блокнотом для заказов по плечу, - Я рада, что ты вернулся домой невредимым.

Когда я приблизилась к указанному столику, Эли поднял голову от меню, сверкнув идеальными зубами.

- Мо, рад снова тебя увидеть!

Я оглянулась назад, на Эви, настолько занятую мужем, что она не заметила политика оборотней.

- Эли, чем обязаны? Никогда тебя здесь не видела.

Он постучал по столу, показывая, чтобы я села. В этом жесте было что-то надменное. Он привык повелевать, и что его приказы исполняются. Взглянув на ряд заказов, висевших над стойкой, я осталась стоять. В его глазах мелькнуло раздражение, сомнение, но он быстро скрыл эмоции.

- Я хотел поговорить с Купером. Я понимаю, он пошел на компромисс, приехав в долину, и решил поступить так же. Может, если бы мы пошли навстречу друг другу немного раньше, ситуация не дошла бы до такой крайности. Но, кажется, мы с ним разминулись.

- Ты слышал о туристах? - тихо спросила я. Он кивнул. - Эви говорит, это мог сделать одинокий, хм, охотник. Она сказала, что Национальная Стрелковая Ассоциация может выследить виновного и не дать ему напасть на кого-нибудь еще.

Эли снова кивнул с серьезной миной.

- Ты думаешь, Ассоциация может поторопиться с этим? Я не считаю, что все это остановится. Скорее будет только хуже. Начинается летний сезон. Гораздо больше людей начнут ходить в леса...

- Так чем ты занимаешься, когда Купера нет в городе? - Эли перебил меня с беспечным выражением лица.

Застигнутая врасплох таким внезапным поворотом, я покачала головой. Я, что, слишком громко говорила? Моя аналогия с контролем над огнестрельным оружием была недостаточно продуманной?

- Этим, - ответила я, сузив глаза. - Я работаю. Живу своей жизнью. Мир не останавливается только потому, что Купера нет рядом.

- Поверь мне, Мо, я знаю, - его губы растянулись в тонкой улыбке. - И в этом, я думаю, мы можем помочь друг другу.

- Я понимаю, что есть часть стаи, по которой он скучает, Эли. Но я также знаю, что есть... отношения, которые Купер не считает возможным восстановить. Я не собираюсь заставлять его вернуться. Не сразу, по крайней мере.

Эли посмотрел мне прямо в глаза и использовал, что я назвала бы, скрытым давлением.

- Ты должна понимать, что мы вернем его назад так или иначе. Просто тот его ночной визит много сделал для моей стаи. В первый раз за многие годы заставил их ощутить, словно все вернулось к норме. Я хочу, чтобы у стаи была стабильность. И чтобы снова обрел семью. Было бы хорошо, если бы мы все получили желаемое.

Я наклонилась через стол и прошептала:

- Так значит, ты будешь искать одиночку, если я поспособствую возвращению Купера в долину? Я могла бы подумать, что это и в твоих интересах, в целях безопасности твоей семьи.

Приподняв уголки губ, Эли продолжал смотреть на меня своим бесхитростным взглядом.

- Ну, ты имеешь влияние на Купера и можешь подтолкнуть к возвращению домой, правда? Не хотелось бы, чтобы ты направляла его в неверном направлении, особенно когда все может разрешиться с взаимной пользой. Действуй заодно со мной, Мо. Это самое лучшее для тебя.

Я не была знакома с нормами общения в среде оборотней, но понимала, когда мне угрожают. Я любезно улыбнулась, отказываясь попадаться на приманку.

- Извини, я на минутку.

Я отправилась на кухню и вскоре вернулась с беконом, яичницей из четырех яиц, стейком с кровью, домашней колбасой и маленьким кусочком тоста, которые поставила перед Эли.

- Что это?

- Завтрак. Я подумала, что должна что-то тебе приготовить. Иначе люди решат, что мы ведем неприятный разговор. Мне бы очень этого не хотелось.

- Подумай о моих словах, Мо.

Я резко повернулась к Эли спиной, а потом обернулась назад.

- А знаешь, ты прав. Что ты тогда сказал Куперу? Ты это не он. Ты не такой мужчина как он.

Эли хватило здравого смысла выглядеть огорченным, когда я ушла. Я сказала Линетт, что она может забирать его со всеми чаевыми. Это был первый раз, когда она мне улыбнулась. Скорее всего и последний.

Глава 17

Страшилки у костра

К апрелю Миссисипи уже утопал бы в зелени и невыносимой духоте. На крошечной лужайке, которую я гордо именовала двором, хаотичными желтыми брызгами цвели бы нарциссы. Я ходила бы в шортах и сандалиях и готовилась к ежегодному пасхальному барбекю у Рейнольдсов.

Ну а здесь конец зимы плавно перетекал в так называемую весну. Однажды утром я заметила сосульку, роняющую капли на крыльцо. Земля словно пробудилась, потянулась, и вся ее мощь вырвалась на свободу тальми потоками воды. Деревья, больше не сдерживаемые оковами льда, устремились ввысь, задевая высоковольтные линии. Пару раз случались перебои с электричеством, но длились они недолго, и горожанам не пришлось включать генераторы.

Жителям Гранди «в эту жару» не сиделось на месте. Соседи снова наводнили город. С полок в «Леднике» смели все продукты. Словно всю долгую зиму люди питались лишь кашей и не могли дождаться, когда доберутся до сухих завтраков «Капитан Хруст» и крекеров «Чиз-ит».

Казалось, все вокруг расцветает одновременно — знакомая картина. Там в Миссисипи, не успеет прийти туманный, промозглый февраль, а кизил и багряник уже пробуждаются к жизни среди начинающих зеленеть деревьев. В этих же краях преобладали необычные цвета и фактуры. Хрупкие желтые маки и пышные лиловые ирисы, словно сорная трава, росли на обочинах.

Нейт напрасно переживал, что поток приезжих иссякнет. История о пропавших в лесу туристах окутала Гранди ореолом тайн и опасностей. Алан вместо того, чтобы выслеживать волка, только и делал, что защищал людей от самих себя. Вооружившись мощным незаконным оружием, горе-охотники устремлялись в лес, надеясь вернуться с трофеем на долгую память. Путешественники являлись в бар и требовали, чтобы им рассказали истории о «чудище-волке» и указали дорогу к месту происшествия.

Теперь-то я поняла, почему жители Гранди так враждебно настроены по отношению к туристам.

По лесу сновали вооруженные до зубов чужаки, и Купер больше не мог забегать далеко. Ему приходилось довольствоваться территорией вокруг дома — он обходил границы участка в поисках заплутавших зайцев и сводил с ума Оскара своей скоростью. Лапки нашего бедного сосискообразного пса не поспевали за волчьими, и Оскар предпринимал отчаянные попытки замедлить Купера, вертясь у него под ногами. Единственным человеком, с которым Купер хоть как-то общался, была я, и с недавних пор это общение все больше напоминало «игру в одни ворота». Я говорила. Он слушал.

Одним будним днем Купер вошел на кухню бара и закрыл мне глаза ладонями. Как на грех я в этот самый момент вынимала мясной рулет из духовки, и закончилось все тем, что Купер схватил выскользнувший из моих рук раскаленный противень.

Хвала небесам за способность оборотней исцеляться.

- Что ты здесь делаешь? - воскликнула я.

- Я приготовил тебе сюрприз, - ответил он, стаскивая с меня фартук и дергая за руку. Когда я не двинулась с места, Купер взвалил меня на плечо и вынес на улицу через заднюю дверь. - Идем.

- Купер, что происходит?

- Я уже договорился. Обеденный наплыв посетителей идет на спад. Ближайшие дни у тебя выходные. Оскар поживет у Эви. Мы с тобой свободны, как вольные пташки.

- О Господи, они опять подпустят Базза к стряпне. - Пока Купер загружал меня в грузовик, я с содроганием представляла баззовские горшочки с запеченным «чили-сюрпризом». Сюрпризом были измельченные в пыль спагетти — иначе, как преступлением против человечества такое не назовешь — и чили. - Мне потом всю неделю придется разгребать последствия...

- Мо.

- Ну и пусть, - сказала я, защелкивая ремень безопасности и погружаясь в приятные мечты о завтраках в постели и спа-центрах, оснащенных парными массажными столами.

Но к сожалению, идея куперовского сюрприза состояла в том, чтобы отвезти меня... в царство дикой природы.

- Кемпинг? - спросила я недоверчиво, когда мы въехали на стоянку походного лагеря «Бардвелл». - Это и есть твой сюрприз?

Купер улыбнулся краешком губ и потянулся через сиденье за тяжелым брезентовым баулом. Я издала звук, подозрительно напоминавший хныканье. Меня не прельщала походная жизнь. Во-первых, в детстве я вдоволь хлебнула ее трудностей, когда однажды летом родителям вздумалось отправиться следом за «Мертвецами» [37], и мы всей семьей ютились в старом добром фольксвагене, о котором я уже говорила. Во-вторых, я любила блага цивилизации: к примеру, не опасаться быть заживо съеденной москитами размером с голубя.

Достав из кузова снаряжение, Купер подтолкнул меня.

- Пошли, ты ведь постоянно твердишь, как тебе нравится жить по соседству с дикой природой.

- Вот именно по соседству, а не в ее эпицентре. А хорошая ли это идея, учитывая

происходящее? Нападения, чокнутые вооруженные «орнитологи», телевизионщики? Ты уже несколько недель дальше мили от дома не отходишь, и тут тебе вздумалось — очуметь как забавно! — пройти маршем смерти [38] через лес?

Лицо Купера смягчилось под маской напускной бравады: оно разгладилось и казалось осунувшимся.

- Я должен тебе кое-что рассказать. Говорить об этом дома я не мог. Я хотел излить душу в таком месте, откуда мы могли бы уехать, оставив этот разговор позади.

Я прищурилась. Неужели он наконец-то решил поведать о своем прошлом? О семье? О том, почему его так тревожат истории о туристах? А может, Купер просто хочет сказать, что нам больше не стоит встречаться, и что Самсон в это самое время вывозит его вещи из дома?

Так или иначе, мы не могли бы продолжать жить так, как живем. Я протянула руку:

- Давай этот чертов рюкзак.

Купер чмокнул меня в макушку и водрузил рюкзак мне на плечи. Я не видела за спиной у своего напарника ни палатки, ни термоконтейнера. Прошу тебя, Господи, пусть это означает, что мы остановимся в каком-нибудь тайном охотничьем домике, скрытом за теми деревьями. Но когда Купер повел меня по едва заметной тропинке, прочь от вывески, обозначающей вход в лагерь, я поняла, что жестоко ошибалась.

- Разве кэмпинг не здесь? - спросила я, указывая на опрятный, цивилизованного вида парк «домов на колесах». - Знаешь, такой с электричеством, милой чистенькой зоной для пикников, с грилем, с душем и... с душем.

- Я легко обхожусь без удобств. Тебе тоже понравится. Знаешь, спать под звездами. И к тому же я захватил спальный мешок. Только ради тебя... потому что я очень заботливый. - Он наткнулся на мой хмурый взгляд. - Я покойник.

- Вот именно, - отчеканила я, пробираясь сквозь низкий кустарник.

Должна признать, что «марш смерти» получился на редкость живописным. Все оказалось предельно просто, словно пали запретные барьеры городской жизни. Золотой солнечный свет струился сквозь зелень деревьев. Купер, который, казалось, переживал из-за того, что переполнил «чашу терпения Мо», старался поддерживать разговор. Травил забавные байки о том, как в бытность свою волчонком ходил с дедом в походы. Истории о совместных с Самсоном вылазках на заре волчьей юности, большинство из которых заканчивались тем, что голый Самсон просыпался на крыльце домика лесника. Легенды этих мест. Говорил о погоде. Когда он взялся перечислять названия деревьев, я сжалась и тоже включилась в беседу.

вернуться

37

«Благодарные мертвецы» — американская рок-группа, основанная в 1965 году в Калифорнии. Преданные поклонники годами путешествовали вслед за группой по концертным площадкам.

вернуться

Марш смерти — длительный пеший переход, к которому принуждают группу военнопленных или заключенных. Из-за невыносимых условий таких маршей многие конвоируемые погибали.

Я в жизни столько не ходила. Мы шли, шли, шли. И, наконец, достигли маленькой поляны, окруженной густыми деревьями. Ровная земля под ногами плотно утоптана. Внутри небольшого каменного круга, расположенного в центре, лежали обугленные головешки.

- Для такого «нехоженого» места этот привал, видимо, пользуется большой популярностью. Ты всех девушек приводишь сюда? - Я с напускным подозрением прищурила глаза, стряхивая с плеч рюкзак.

- Только тех, кто знает о волчьих делах, - сказал Купер, складывая растопку в каменный круг. - То есть тебя и только тебя.

Я сбросила поклажу.

- Разве ты не посвящал своих подружек в «волчьи дела»?

Купер моргнул пару раз, словно я сейчас сморозила ужасную глупость.

- Не было у меня никаких подружек, а если и были, то ни с одной из них я не продержался достаточно долго, чтобы посвящать в «волчьи дела».

- Это что-то невероятное. И почему мы об этом раньше не говорили?

- Ты не спрашивала.

Я прокутила назад наши разговоры.

- А ведь верно. Никудышная я подружка.

- Ну, зато ты набрала дополнительные очки, вызволив мою ногу из медвежьего капкана. Такое нельзя не учитывать.

- О, благодарю тебя, Господи, за систему судейства с поправкой на прошлое. Только в этом случае я могу рассчитывать на победу.

Лагерь разбили на удивление быстро. Видимо, воспоминания о том, как родители часами плутали, выискивая открытые концертные площадки для кемпинга, расположенные по фэншую, исказили мое восприятие походной жизни. Толстый двойной спальный мешок заменил палатку. Пока я разворачивала мешок на безопасном расстоянии от костра, Купер без каких-либо комментариев достал туалетную бумагу и лопатку. Я предпочла до поры до времени не думать об этой напасти.

- Что теперь? - спросила я, пока уютно пылающий костер согрел мои босые ноги.

- Теперь я пойду на охоту, - ответил Купер.

У меня отвисла челюсть, но я тут же почувствовала себя глупо, поскольку не подумала о том, что Куперу придется добывать ужин. Иначе что мы будем есть? Он усмехнулся и, покопавшись

в рюкзаке, достал пакеты с сосисками и булочками для хот-догов.

- Очень смешно, - проворчала я, шлепнув шутника по плечу. И хотя я понимала, что грядет нечто особенное, видеть проблески возвращения старого Купера было отчасти приятно. Казалось, он не столько боялся моей реакции, сколько никак не мог решиться на этот большой «разговор». Теперь, когда решение было принято, он мог и расслабиться.

- Будешь продолжать в том же духе, не получишь сморов [39], - пригрозил он, когда я направилась к краю поляны, чтобы набрать длинных палочек для поджаривания еды. Потом кое-как протерла находки и требовательно протянула руку за хот-догом.

- Я и сам могу приготовить, - заявил Купер теперь уже возмущенно.

- Мужчины почему-то вменили себе в обязанность готовить на свежем воздухе. - Я забрала у него пакет и нанизала сосиски. - Впрочем, игрек-хромосома [40] изначально устроена так, что в нее заложен ген «чем зажаренее моя еда, тем я мужественнее». Я предпочитаю колбасные изделия, не утратившие ненатурально-красного нитратного цвета. Поэтому буду готовить сама, спасибо.

Купер надолго замолчал.

- Пытаешься найти скрытый смысл в словах «колбасные изделия»? - уличила я Купера, держа импровизированные шампурки над огнем.

- Ну да, ты же мне не оставила других занятий - проворчал он.

Мы съели неприлично много хот-догов и сморов, а затем предусмотрительно подвесили остатки еды и мусор на дерево в нескольких ярдах от спального мешка. Похолодало, я надела термобелье и толстые шерстяные носки, а вот Купер не тревожился о таких пустяках.

- Ну и как тебе? - спросил он, подтягивая меня к коленям и целуя в шею.

- Отдыхать на природе — все равно, что быть дома, только очень хлопотно.

- Для меня это тоже нелегко, знаешь ли, - проворчал он. - Я привык сидеть у костра среди разодетых упитанных чужаков, надуваться импортным пивом и делать вид, что смеюсь над их шутками.

- Тяжело же тебе приходится! - сказала я, утирая притворные слезы жалости.

Купер погрузился в молчание, забавляясь тем, что сплетал пальцы наших рук.

- Ты хотел поговорить. Давай поговорим.

Он откашлялся и отпустил мои руки. Я решительно схватила его за подбородок и заставила посмотреть мне в глаза. Глубоко вздохнув, он произнес:

- Прошел примерно год после того, как я стал альфой, и вот, как-то ночью, к нам нагрянула другая стая. Чужаки вытащили Мэгги из дома, и их альфа пригрозил, что если я не передам им контроль над долиной, то он прямо здесь, у меня на глазах, разорвет Мэгги горло. Эта стая пришла из предместий Ванкувера. Они иссушили свои земли до последней капли. Их альфе Джонасу ничего не оставалось, кроме как перебраться на более плодородные охотничьи угодья. До него дошел слух, что наша долина вполне пригодна для этих целей. Они немало

потрудились, чтобы разведать обстановку: знали об уязвимых местах наших земель, расположение деревни, сколько в стае волков, способных сражаться, и что я не очень сильный альфа.

Купер вздохнул, нервно теребя мои рукава.

- Я стоял там, в лесу, окруженный семьей. И я смог придумать только предложить проходимцам место в долине. Разделить с ними наши земли. Джонас отверг мое предложение. Этот чертов ублюдок, державший мою сестренку за шею, так потрянул Мэгги, что я до сих пор слышу, как клацнули ее зубы. Все выжидающе посмотрели на меня, словно я должен знать, как нам действовать дальше. И хуже всего было то, что Мэгги даже не испугалась — она знала, что ее старший брат все уладит. Я потерял свою чертову голову от страха, а Мэгги вроде как ухмылялась мне: мол, давай, Купер, вышвырни этого гада отсюда.

- И что же ты сделал?

- Ничего. Я просто окаменел. Выражение лица Мэгги, когда до нее дошло, что я понятия не имею, что делать... Я по сей день вижу в кошмарах это ее лицо. - Он вздрогнул. - Хочешь знать, чем все закончилось? Моя маленькая сестренка вцепилась зубами в руку Джонаса, врезала ему по яйцам и обозвала говнюком.

- Ничего себе! Даже не верится.

Он слабо улыбнулся.

- Она всегда была жестче меня. Но я - быстрее. И когда Джонас потянулся к ее горлу, я сумел перекинуться раньше Мэгги. Я помешал ему, но обе стаи начали превращаться, и уже ничто не могло остановить кровопролития. Мэгги никак не хотела отступить от Джонаса. Она все бросалась и бросалась на него, сколько бы я ее ни удерживал. Сзади на меня обрушился другой волк, и я отвлекся. Тогда Джонасу удалось повалить Мэгги. Его зубы приближались к ее шее, и тут я сорвался. Одно из тех редких отчетливых воспоминаний, что хранит моя волчья память — это как я, не думая ни секунды, убиваю напавшего волка, отшвыриваю Джонаса от Мэгги, придавливаю его к земле и вырываю глотку.

Одно лишь воспоминание о той расправе заставило Купера побледнеть. Я сжала его руки, пытаюсь вернуть в настоящее.

- А что случилось с другими волками той стаи?

- С одним расправилась Мэгги. Но остальных, всех по очереди, я убил сам. Кто-то из наших хотел мне помочь, но я не позволил. В чужой стае было двенадцать волков, и когда я опять обратился в человека, понял, что убил их. - Купер зарылся лицом в ладони, словно не мог взглянуть мне в глаза.

Я растерялась, не в силах понять, с чем это связано. Я потрясла его за плечо.

- Но разве это не здорово?

- Нет, не здорово! - завопил он.

- Ты спас сестру. Защитил дом и стаю. Не вижу в этом ничего плохого.

- Я убил людей, Мо! Да, конечно, порой у них вырастают клыки и шерсть, но они были людьми,

такими же, как любой человек из моей стаи. Мужчинами и женщинами. И я убил их всех до одного. Что-то во мне способно на такие поступки. Я не мог пережить того, что сделал. Все твердили, что отец гордился бы мной, что я показал себя замечательным лидером. А я каждую ночь с криком просыпался от кошмаров. Все было напрасно. Я больше не мог находиться с родными. Не доверял себе рядом с ними. Я их не стоил.

вернуться

39

Смор — традиционный американский десерт, который ассоциируется с вечерними посиделками у костра и движением американских скаутов. Сморы готовят из маршмеллоу (конфет, похожих на зефир), песочных крекеров и плитки шоколада. Маршмеллоу насаживается на палочки или специальные металлические держалки и подносится к огню. Когда маршмеллоу расплавится и станет тягучим, его кладут на печенье, укрывают кусочком шоколада, а сверху придавливают другим печеньем.

вернуться

40

Игрек-хромосома — половая хромосома, присутствующая в хромосомном наборе мужчин в паре с X-хромосомой. Y-хромосома содержит ген, определяющий мужской пол организма, а также гены, необходимые для нормального формирования сперматозоидов.

Купер неотрывно смотрел на огонь, и губы его едва шевелились, когда он сказал:

- Мэгги могла бы простить мое замешательство. Забыть о том, как я убивал людей у нее на глазах. Но когда я не смог опять стать ее бестолковым старшим братом, она возненавидела меня. Она ненавидела меня за неспособность играть роль, на которую, очевидно, годилась лучше меня, за предательство стаи. Когда я уехал, она словно бы вздохнула с облегчением, потому что у нее появилась причина.

Я залезла на колени Купера, немного опасаясь, что он отпрянет, оттолкнет меня прочь.

- Чего ты хочешь от меня? Чтобы я обругала тебя? Ударила? Завопила «убирайся прочь, ты чудовище»? Если рассчитываешь на такую реакцию, то будешь сильно разочарован.

Купер глубоко вдохнул и немного расслабился. Он уткнулся лицом в мою шею.

- Ты не сердись на меня?

- Я еще не до конца все обдумала. В основном я сержусь на то, что ты считал меня неспособной понять. Ты напал на человека, чтобы спасти меня. Думаешь, я стану тебя упрекать? Меньше любить? Как я могу обвинять тебя в том, что ты сделал то же самое ради семьи?

Я запрокинула голову Купера и очень строго на него посмотрела. Он вздохнул, приложил ухо к моей груди и стал слушать сердцебиение, поводя щекой по моей рубашке и глубоко втягивая воздух.

- Скажу тебе больше, эта история не делает тебя самым страшным типом из тех, с которыми я

встречалась, - сказала я, скривив губы в дерзкой усмешке.

Купер нахмурился:

- Мо, я убил одиннадцать человек. Сколько, по-твоему, надо убить, чтобы стать «самым страшным типом их тех, с которыми ты встречалась»?

- Двенадцать, - заявила я, пожав плечами. - Это порог жертв моего кавалера. Должна же я иметь свои стандарты.

- Ты немного чокнутая.

- Я живу с оборотнем. Мне положено быть немного чокнутой.

Глава 18

В следующей программе «Доктор Фил»

Сбросив тяжесть с души, Купер уснул гораздо раньше меня.

В полудреме я глядела на звезды и прокручивала в голове рассказ Купера. Переживала ли я, что мой возлюбленный оборотень способен убить? Безусловно. Представила ли я все в лучшем свете, чтобы он не раскаялся в своих откровениях? Еще как! Тем не менее я понимала, что еще не вполне разобралась в своих чувствах — все же он убил не каких-то там кроликов или даже людей. Это были взрослые, здоровые оборотни, которые посягали на их территорию и хотели перебить всю семью. Сомневаюсь, что не поддержала бы Купера, представься мне такой шанс.

И чем больше я думала, тем сильнее злилась на Мэгги. Да, она молода, но разве можно так жестоко травить брата за вполне адекватную реакцию после массовой бойни? Как смеет она винить его в своих раненых чувствах? Еще неизвестно, как преодолел бы Купер это испытание, держи она рот на замке.

Сестра Купера должна понять, какую боль ему причинила. Должна, в конце-то концов, повзрослеть. Но если не сдать Мэгги под дулом гаубицы на принудительное лечение к доктору Филу [41] едва ли я выйду из схватки с ней без потерь.

И все-таки картина того, как доктор Фил обрушивает на Мэгги поток техасских жаргонных словечек, постепенно погрузила меня в сон.

Проснувшись поутру, я заметила, что Купер чем-то встревожен. Он принюхивался, втягивая холодный дымный воздух и озадаченно хмурил лоб. Стараясь не подавать виду, притворялся, что вовсе не спешит убраться из лагеря, а хочет поскорее доставить меня в нашу кровать, где сможет любить меня по-настоящему. Он воспевал преимущества походного отдыха, не обремененного домом на колесах или палаткой.

- Когда выходные заканчиваются, все, о чем мечтаешь — это добраться домой, а не паковать целый час снаряжение.

- Ты просто пытаешься увильнуть, чтобы и в следующий раз не брать палатку. - Он снова поднял голову и втянул воздух. - Купер, что происходит? Ты постоянно так делаешь. Ты ведь не сожалеешь о вчерашнем разговоре?

- Нет. Разумеется, нет, - заверил он. - Запах какой-то странный. Я учуял его, как только

проснулся.

- А я говорила тебе, не есть эту вяленую гадость, - проворчала я.

- Давай просто уйдем отсюда, - сказал он и обнял меня, когда мы направились в лес.

Мы преодолели больше мили пути, и с каждым шагом Купер становился все напряженнее. Перепрыгнули впадину на тропинке, и тут он остановился, принюхался и ринулся в чащу деревьев.

- Купер?

- Стой, где стоишь! - крикнул он на бегу.

- Размечтался, - фыркнула я и припустила за ним, стараясь не отставать. Обнаружив, что за Купером стелится след из одежды, и я совершенно не удивилась, застав его на поляне в волчьем обличье. Он стоял, над чем-то склонившись. Я подошла и увидела худые ноги в поношенных походных ботинках. Купер заскулил и ткнул носом лежащего человека.

- Что там...

Я легонько отпихнула Купера в сторону и воскликнула:

- Это же Абнер!

Абнер лежал на спине; лямки рюкзака все еще стягивали его грудь. Рядом валялось ружье. В опасной близости от шеи старика виднелись глубокие следы от когтей. Темные, ужасающие разводы на брюках свидетельствовали о ранах, покрытых коркой запекшейся крови.

Купер окинул взглядом деревья, и шерсть на его холке вздыбилась. Отвернувшись, он принялся кружить вокруг нас.

- Абнер? - прошептала я дрожащим голосом и осторожно прижала пальцы к его шее. Кожа Абнера была холодной и сухой. Пульс был слабым и прерывистым. Сделав глубокий вдох, я справилась с горячими слезами, грозившими политься из глаз. Окоченевшими пальцами потянулась к краю рубашки Абнера, но не смогла заставить себя приподнять ее и взглянуть на увечья. Я тут же устыдилась своего малодушия. «Я могу это сделать. Надо собраться, - приказала я себе. - Одна задача за раз. Шаг за шагом». Я полезла в сумку за аптечкой и бутылкой воды.

Купер повернулся и гулко обреченно завыл. Казалось, он пытается что-то сказать, глядя на аптечку первой помощи.

- Слишком поздно? - спросила я. - Чушь собачья. Он не умер. Не может быть.

Не обращая внимания на рычание Купера, я взяла бутылку и очень осторожно подперла коленями голову Абнера. Затем влила немного воды между сухих, потрескавшихся губ старика. Тонкие как бумага веки Абнера затрепетали и поднялись. Изо рта вырвалось хриплое дыхание.

- Тише, - сказала я со слабой улыбкой и дала раненому еще немного воды. - Не пытайтесь говорить. Все будет хорошо. Мы что-нибудь придумаем и поможем. - Абнер смотрел на меня пустыми, невидящими глазами человека, который не может понять, спит он или бодрствует. Я улыбнулась, притворяясь, что не хлюпаю носом и не стараюсь стереть с лица скорбную

гримасу. - Вы не можете уйти Абнер. Я собиралась принять ваше предложение. Какая девушка устоит перед теплыми ногами и кабельным телевидением?

Абнер с усилием раздвинул губы в улыбке, а затем ослабевшими пальцами потрепал меня по руке. Купер тихо заскулил, хотя взгляд его был прикован к окружающим нас деревьям. Этот звук привлек внимание Абнера. Заметив черного волка, он вздрогнул всем телом. И я буквально услышала, как на дне измученных легких старика зарождается крик, который тут же вырвался на свободу жалобным испуганным воплем. Глаза Абнера расширились от страха, пальцы вцепились в мою руку, а ноги судорожно дергались, словно убегая от волка.

- Абнер, все хорошо, успокойтесь! - заплакала я. - Прошу вас!

Абнер испустил прерывистый последний вздох и замер у моих ног. Я почувствовала, как теплые слезы катятся по моим щекам и падают на лоб Абнера. Откинув спутанные седые волосы с израненного лица старика, я приложила пальцы к его шее и стала ждать хотя бы малейшего намека на сердцебиение, но Абнер не подавал признаков жизни. Нет дыхания. Нет пульса. Нет Абнера.

Купер шумно засопел, указывая на лес. Когда я не двинулась с места, он отрывисто гавкнул.

- Мы не бросим его здесь.

Он зарычал и мотнул головой в сторону тропы.

- Мы не можем его бросить! - Купер потащил меня за собой к кромке деревьев, осторожно прихватив зубами рукав. - Черт возьми, Купер, отцепись.

вернуться

41

Фил Макгроу — американский психолог, создатель и ведущий популярного ток-шоу «Доктор Фил», которое выходит с 2002 года на канале ABC. Доктор Фил проводит беседы с участниками шоу и предлагает собственные решения их проблем.

Пробираясь сквозь низкие ветви, я попутно собирала вещи. Мы вышли на тропу, где оставили поклажу. Купер перекинулся, отобрал у меня свою одежду, и стал натягивать обувь.

- Надо поскорее убираться отсюда.

- Мы должны забрать Абнера в город.

- Сейчас ему уже ничем не поможешь, Мо. Мы приведем сюда Алана и Базза сразу, как только сумеем, но теперь надо идти. Я обязан увести тебя отсюда в безопасное место.

- Думаешь, тот, кто напал на Абнера все еще здесь?

Нахмурившись, Купер взял меня за руку и потянул за собой к благам цивилизации.

- Да.

Нам ничего не оставалось, кроме как бежать весь оставшийся путь до начала тропы, где мой

сотовый наконец-то поймал сигнал, которого хватило, чтобы позвонить Алану. Купер подтащил меня к грузовику. Мои руки все еще так дрожали, что я не могла вести машину. Эви приехала забрать меня, а Купер тем временем повел Алана и Базза к телу Абнера. Я приехала домой, чувствуя неприятную тяжесть в желудке. Машинально вывела Оскара на прогулку во двор и завела обратно в дом, чтобы накормить. Не снимая походной одежды, забралась в постель и стала ждать, но проснулась в одиночестве.

На следующий день в бар хлынул поток любопытствующих, но я не видела среди них того, кого искала. Чтобы избежать отвратительных горящих взоров посетителей, жаждущих кровавых подробностей смерти Абнера, я притаилась за грилем. Алан мог не рассказывать, что на поляне, где мы нашли Абнера, обнаружены следы двух волков, одни из которых, само собой, принадлежали Куперу. Я и так знала, что Абнер получил обширные травмы внутренних органов, вызванные сокрушительным ударом по ребрам и грудной клетке, что всю ночь он пролежал на поляне, истекая кровью от полученных ран, и в конечном счете умер от шока.

Алан все больше и больше убивался из-за того, что не может выследить волка. Он вызвал экспертов из университета и департамента дикой природы, но те всегда возвращались из леса, не добыв ни единой подсказки. Он винил себя в смерти Абнера, туристов и даже Съюзи Ку, хотя каждый из привлеченных специалистов утверждал, что волк-де не следует обычной логике поведения, и что он, Алан, не в силах предугадать, где и когда эта тварь нанесет удар. Мне хотелось, чтобы Купер все рассказал, объяснил насчет оборотней, но я знала — этому не бывать. Я тоже не могла разглашать тайны стаи, даже если Алану от этого полегчает. Мне оставалось лишь слушать его излияния и напоминать о стынувшей пище.

Абнера похоронили не в Гранди. В завещании было сказано, что он желает покоем в родной Оклахоме вместе с семьей. Мы организовали поминки в баре: пили любимое пиво Абнера, пели его любимые песни и травили байки о нем, пока у всех не заболели бока от смеха. Это была дань памяти хорошему другу. И Купер все пропустил.

Я не видела его с того самого дня на тропе. Он не отвечал на мои звонки. Проверка его жилища вошла в мою ежевечернюю привычку. Оттрубить рабочую смену, проверить дом Купера, погулять с Оскаром, перекусить, лечь спать. Я пыталась внушить себе, что Купер уехал из города по делам или помогает рейнджерам выслеживать тварь, убившую Абнера, и ему просто-напросто некогда перезвонить. А затем как-то вечером я заметила свет у него на кухне. Увидела в окне его силуэт возле мойки. Со своей выигрышной точки обзора он должен был видеть мою машину. Он не мог ее не заметить. Я ждала, рассчитывая, что Купер выбежит из дома или даже степенно выйдет, вооружившись отличной причиной того, что исчез с лица чертовой планеты. Но он отошел от окна и погасил свет.

Где-то через неделю я увидела, как он загружает походное снаряжение в свой пикап, стоящий перед бакалеей «У Ханнигана». Купер выглядел осунувшимся и несчастным, словно провел долгое время без сна. И хотя сначала я хотела его утешить, прикоснуться губами к усталым глазам, крепко-крепко обнять, более сильный инстинкт велел наподдать негодяю.

- Ты что, черт возьми, вытворяешь? - требовательно спросила я, шлепнув его по затылку.

Купер словно и не заметил, что его любимая посреди тротуара, вцепилась ему подзатыльник. Он даже не взглянул на меня, поднимая задний борт грузовика.

- Не сейчас.

- О, ну еще бы! Мы так часто видимся в последнее время, что я у тебя, похоже, уже в печенках сижу. - Я последовала за ним к водительскому сиденью.

Купер распахнул дверцу и спрятался за ней, отгородившись от меня словно щитом.

- Я не могу быть рядом с тобой сейчас.

Я резко остановилась.

- Что?

- Тебе лучше держаться от меня подальше, - заявил он, и голос его стал низким и хриплым. - Ты знаешь почему. Сьюзи Ку, те туристы, Абнер. Мне нельзя находиться рядом с тобой. Я боюсь навредить еще и тебе. Этого я не вынесу.

У меня буквально отвисла челюсть, и негодующий гнев иссяк.

- Ты не оборачивался волком той ночью, когда напали на Абнера, - прошептала я, прекрасно зная о столпившихся у витрины зеваках, желающих поглазеть на нашу стычку, которая грозила стать публичной ссорой десятилетия.

- Мы не знаем доподлинно! - Он захлопнул дверцу, схватил меня за локоть и потащил за угол, потом задами, вдоль домов по Мейн-стрит и дальше, пока мы не оказались у кромки опоясывающего Гранди леса. Здесь нас никто не услышит и не увидит.

Купер отпустил мою руку, но я по инерции отмахала еще с полдюжины шагов.

- Я совсем не помню ту ночь. Ни снов, ни того, чтобы я просыпался взглянуть на тебя, ничего, - произнес он. - Я вполне мог выбраться из спальника и превратиться, не разбудив тебя. Как еще Абнер мог получить такие увечья от волка в непосредственной близости от нашего лагеря?

Я запротестовала:

- Дома ты никогда такого не делал...

- Но мог и сделать! Сколько волков, на твой взгляд, бегают в этом районе? Когда Абнер увидел меня, он так испугался, словно узнал во мне напавшее на него существо.

- Ты не существо, слышишь? - горячо возразила я. Купер посмотрел на меня долгим, жалобным взглядом. - Ты не задираешь Оскара, пребывая в волчьем обличье. Каждый раз, когда я находилась рядом с тобой, пока ты был волком, ты заботился о моей безопасности. Никогда не пытался меня укусить, даже раненный. И тебя не было поблизости, когда те ребята пропали.

Купер потупился и пробормотал:

- Вообще-то, был.

- Что?

- Я беспокоился. Я не мог так долго находиться вдали от тебя, поэтому дожидался, когда охотники уснут, превращался и мчался домой, проведать тебя. Изменялся снова, бежал через заповедник и возвращался в лагерь до того, как кто-либо проснется. Потом я вернулся в город

и услышал новость о двух мальчишках, пропавших в заповеднике неподалеку от твоего дома в ту ночь, когда я прибежал. Я пытался не обращать внимания на совпадения, Мо, но их становится слишком много.

- Почему же ты ничего не сказал?

- Не имеет значения. Пока на людей нападают, мы не можем встречаться. - Он развернулся и побрел прочь. Мне удалось обогнать и остановить упряма, упершись рукой ему в грудь, ну почти остановить.

- Значит, ты любишь меня слишком сильно, чтобы покинуть, и слишком сильно, чтобы позволить быть рядом с тобой? Извини, конечно, но ничего глупее я в жизни не слышала.

- Ответь честно, тебя никогда не посещали мысли о том, что я могу быть причастен к этим смертям? - спросил он. - Тихий внутренний голос не нашептывал бежать от меня куда глаза глядят? Ты знаешь, на что я способен, Мо. Знаешь, что я уже убивал. Ты ведь не идиотка.

Я потупилась и ощутила, как слезы текут по щекам, и лишь потом осознала, что плачу.

- Да! Доволен? Да! Порой я думаю, что ты мог совершить эти поступки, сам не сознавая того. Но потом я смотрю на тебя и верю, что ты не такой.

Он горько усмехнулся:

- Ну, хоть один из нас верит.

- Чего ты хочешь, Купер? Благословения? Позволения удрать и бросить меня? Или ждешь, что я сдамся и уйду сама, потому что ты, может быть, охотишься на людей? Хочешь, чтобы я дала тебе от ворот поворот? Не рассчитывай! Давай называть вещи своими именами. Вместо того чтобы взглянуть правде в глаза, ты бежишь. Ты затеял «большой разговор» и рассуждал, как сложно далось решение покинуть стаю, но истина заключается в том, что, когда возникли трудности, тогда ты и сбежал. Сбежать всегда проще всего.

Купер отшатнулся, словно я вlepила ему оплеуху. И будь я проклята, если стану извиняться. Бросив прощальный взгляд, он попятился, и его одежда, закружившись в воздушном вихре, упала на землю. Приземлившись на лапы, мой возлюбленный устремился в лесную чащу, и долгий пронзительный вой эхом вторил ему, когда он убежал от меня в дальние дали.

Глава 19

Омлет и оплодотворение

Умом я понимала, что Купер не намерен проводить со мной много времени. Но отчего-то надеялась на встречи с ним в городе. Я полагала, что мы могли бы придерживаться легенды «расстались друзьями». Однако мой кавалер сдержал обещание и исчез с горизонта. Он напел соседям какие-то байки об охотах, походах, рыбалках. Эви как будто заподозрила что-то неладное, но будучи мудрой женщиной, не задавала прямых вопросов.

Когда я вернулась в город одна-одинешенька, наша публичная стычка стала самой обсуждаемой темой среди завсегдатаев бара, пока Денни Грин не подбросил им лучший повод для сплетен — бедолага получил электрический ожог второй степени, попытавшись установить телевизор на бортике ванной.

Единственным человеком, не утратившим ко мне интереса, даже в присутствии перебинтованного Денни, был Алан. Он сжимал мои пальцы, пока я принимала у него заказ на ланч. Звал меня в кино, на ужин в китайский ресторанчик, недавно открывшийся в Берни, к себе домой, поиграть в настольные игры вместе с Баззом и Эви. Я ценила его заботу, но после работы была выжата как лимон.

Казалось, мой день распланирован следующим образом: с восьми утра до пяти вечера — в меру общительный человек; с пяти вечера до шести утра — совершенно измученная особа.

Я храбрилась. Улыбалась, обслуживала клиентов, зарабатывала на жизнь. Страдала. Либо маялась от бессонницы, либо падала и спала беспробудным сном. Кусок и тот в горло не лез, и запах еды, которую я готовила, вызывал рвотные спазмы.

На память приходили непутевые друзья родителей, которые так и остались верны принципу эры свободной любви, гласящему: если курево в радость — курни. Взбудораженные, они являлись в общину, задерживались лишь для того, чтобы отведать нормальной еды, и отчаливали. Глядя на свое отражение в зеркале, я видела такие же пустые глаза и горестно стиснутый рот. Купер превратил меня в подсевшую на любовь наркоманку.

Убежденная, что до сих пор чувствую его в своей постели, я радикальным образом постирала простыни. И немедленно пожалела о содеянном, но, как оказалось, зря. Запах Купера пропитал все вокруг, включая матрас и подушки, и упорно сопротивлялся моим попыткам его извести.

Проскочив несколько стадий печали, я застряла на гнев. Пребывая в самом мстительном своем настроении, я надеялась, что Куперу хуже, чем мне, что он свернулся где-то калачиком и корчится в муках, и я буквально ощущала отголоски этих страданий.

«Не хочу, чтобы он возвращался», — твердила я себе. — «Не нуждаюсь в этом дерьме. Даже если он приползет на коленях, я его не приму». А через час я уже понимала, что стоит Куперу войти в мою дверь, и я кинусь к нему, простив все обиды. Я снова и снова терзалась сомнениями, пока не начала всерьез опасаться, что, в конечном счете, свихнусь, что быстро погружаюсь в депрессию, которую как-то отсрочило присутствие Купера. Возможно, именно такой и была бы моя жизнь в Гранди, если бы мне не довелось узнать тайну Купера и влюбиться в него.

Понимаю, мне и самой хотелось стукнуть себя самую малость.

По злой иронии судьбы, прибыли заказанные мной книги о связях с оборотнями, хотя и с задержкой на несколько недель волею почтовой службы. Не знаю, нездоровое любопытство ли или мазохистская жилка вынуждали меня листать справочники по общению с вер-существами. Но как оказалось, это увлекательный способ причинять себе боль. Например, я узнала, что принятый в Гранди обычай предлагать даме мясо в знак внимания был вполне в духе оборотней. Вервольфы отмечали едой почти каждое важное событие, будь то свидание, предложение или извинение. Если Купер вернется и предложит мне ветчину, не гарантирую, что не выражу чувств, огрев его чугунной сковородкой по лбу.

Как-то ночью, изучая «Ритуалы и любовные обычаи веров», я обнаружила, что большинство подвидов волков образуют пару на всю жизнь. И если один волк из пары, способной дать потомство, умирает, другой начинает горевать. Скорбящий волк не может ни охотиться, ни заботиться о себе, и у стаи не остается иного выбора, кроме как дать ему умереть. Бред какой-то. Я не оборотень. И, разумеется, не часть пары, способной дать потомство.

Минуточку! Пара, способная дать потомство. Отсутствие аппетита, постоянная усталость,

тошнота, перепады настроения... Я мысленно подсчитала, сколько времени прошло с последней менструации.

Вот зараза!

У меня была задержка уже несколько недель, а я даже не заметила. Ничего не понимаю. Я же королева контрацепции. Когда я встречалась с Купером, у меня в каждой комнате лежали презервативы. Очевидно, современные средства простой профилактики не могли сдержать живчиков Купера.

Чертовы ниндзя-сперматозоиды оборотней.

- Ох... - Я провела рукой по животу, затем схватилась за голову и, не выдержав, зарыдала. Что же делать? Как проверить? Я не могла купить тест на беременность в Гранди. Не успею я выйти из бакалеи «У Ханнигана», как весть облетит всю округу. Даже к доктору страшно сунуться. Вдруг врачи способны определить, что у ребенка есть несколько дополнительных мохнатых цепочек ДНК? Будет ли моя беременность протекать нормально? Смогу ли я родить моего малыша в больнице?

И когда именно он стал «моим малышом»?

Я хотела позвонить Эви, чтобы она убедила меня, что все это глупое недоразумение и задержка вызвана стрессом. Но вместо этого, я принялась штудировать книги, выискивая любые сведения о женщинах, носящих под сердцем ребенка оборотня. Нашлось несколько обескураживающих статей, в большинстве которых говорилось об укороченном сроке беременности и непреодолимом голоде. По всей видимости, волчицы вынашивают щенков всего лишь три месяца, значит, исходя из средней величины, женщины вынашивают детей оборотней примерно полгода. И впрямь очень быстро. Но такие случаи не столь уж опасны и редки, верно? Купер упоминал, что из-за смещения крови волчья магия передается лишь в немногих семьях. Вероятно, на свете есть немало обычных женщин, родивших ребенка от оборотня. Но я почему-то сомневалась, что найду подобный чат. Сайта «Рожаем отпрысков оборотней» не существует.

Я проверяла.

Дрожа как осиновый лист, я прошла на кухню и заставила себя выпить стакан воды. Вот уже несколько недель, как я махнула на себя рукой. Так дальше жить нельзя. Если в наших отношениях с Купером ничего не изменится, я могу, в конце-то концов, растить ребенка одна. Готова ли я к этому? Хотя бы теоретически? Учитывая пример моих родителей, я бы ответила отрицательно.

Но я должна сделать осознанный выбор и немедленно: продолжать в том же духе или сохранить ребенка. Начать снова есть и спать, даже не ощущая такой потребности.

Я полезла в шкаф за мультивитаминами, к которым сто лет не прикасалась. Они не предназначались для беременных, но на первое время сойдут. Я вытрясла одну штуку на ладонь и устала на желтую таблетку. Затем положила ее в рот и, сморщившись от затхлого минерального вкуса, запила водой, чтобы было легче глотать.

Внезапно обессилив, прислонилась лбом к столу и вздохнула.

- Малыш, мы не слишком хорошо начали.

На следующее утро я отправилась в Долину Полумесяца, чтобы навестить Грэйси и Самсона. Я подумала, что увижу их лица, и мне станет легче. Но когда Грэйси открыла дверь, идея обсуждать всю эту круговерть со знающим человеком, показалась мне столь мучительной, что я невольно отпрянула.

- Мне не следовало приезжать. - Я спустилась с крыльца. - Простите. Я, пожалуй, пойду.

- Не глупи, - воскликнула Грэйси, втягивая меня в дом. - Я как раз заварила травяной чай. Он крепковатый, но поможет тебе взбодриться.

Она усадила меня на кухне и вручила кружку с темным, золотисто-коричневым напитком.

- Крепкий, - снова предупредила она.

- Мои родители хиппи. Ваш чай меня не пугает, - заверила я, делая маленький глоток. Рот наполнила такая горечь, что я скривилась. - Ой! Что вы туда положили?

- Тебе лучше не знать, - заявила Грэйси, подливая добавки. - Просто пей. Ты почувствуешь себя лучше.

Поморщившись, я поднесла кружку к губам, а затем, передумала и поставила обратно на стол.

- Купер ушел.

- Я так и знала, - сказала Грэйси, обнимая меня за плечи. - Нужно быть сильной и ждать, Мо.

- Я действительно не могу уехать. То есть, куда мне ехать? - произнесла я, сжимая кончиками пальцев скулы, словно это давление могло каким-то образом помешать мне морщиться. - Я собираюсь... О Господи, Грэйси. Я беременна.

- Ох, девочка моя, - вздохнула Грэйси и прислонила мою голову к своему плечу, и я начала плакать.

- Не представляю, что делать. Мы даже не заикались о детях. И я ничего не знаю о них, тем более о детях оборотней.

- Ты рассуждаешь так, словно собираешься пройти через все это одна.

- А вы видите рядом кого-то еще? - спросила я, обводя рукой пустую кухню.

- Есть я. И Самсон, и остальные члены стаи — на первое время, пока не вернется Купер, а он непременно вернется.

Представив, как Самсон старается затянуть ремни детского рюкзака-кенгуру, я захихикала.

- Не хочу уезжать. Сомневаюсь, что смогла бы уехать, даже если бы попыталась. Но мысль о том, что ребенок будет расти без отца, очень сильно меня печалит. Ох, черт, Грэйси, я не то имела в виду. Простите, я сейчас плохо соображаю.

- Не извиняйся, - серьезно сказала Грэйси и приподняла мой подбородок так, что пришлось встретить взгляд ее зеленых глаз. - Беременные женщины имеют право время от времени

немного капризничать. Я растила детей без отца — это печально и трудно. И я не хотела бы пережить это снова, если бы могла что-то изменить, но я не могу.

- Мой муж геройски погиб при загадочных обстоятельствах, но Куперу от этого не было легче. Я бы сказала — труднее. Думаю, он, как и все мальчишки, считал отца неуязвимым. Муж полагал, что у него впереди много времени, и он успеет воспитать сына настоящим мужчиной и волком. Сыну пришлось очень быстро стать главой дома. Дед пытался подставить плечо мальчишкам. Но став альфой, Купер был вынужден принимать решения самостоятельно, на мой взгляд, еще не будучи готовым к этому. Ему пришлось столкнуться с такими трудностями, с которыми прежде не сталкивался ни один альфа: программы по контролю над хищниками, охота с воздуха... Мы лишь краем уха слышали о стаях, посягавших на чужие территории, когда на Долину напали. Мы и подумать не могли, что такое может случиться в наших краях. И Купер должен был распутать этот клубок. Сын держался таким молодцом. До недавнего времени я не осознавала, какая ноша на него свалилась. У него все идет своим чередом, милая. Тебе просто надо проявить упрямство. Он хочет заставить тебя уйти.

- Ну, на самом деле, меня нельзя заставить что-либо делать. Спросите у мамы.

Грэйси сжала мою руку.

- Вот и умница. Ты хорошо себя чувствуешь? Мой внук или внучка тебя не тревожит?

- Я только недавно разобралась, что к чему. Мне казалось, я просто тоскую по... ну, вы понимаете. Я не выпивала, не прыгала с тарзанки, не делала ничего подобного, хотя и не была «мисс добросовестный перинатальный уход».

- Почему бы мне не отвезти тебя в нашу местную клинику? - предложила Грэйси. - Доктор Модер работает с нашими беременными женщинами и следит, чтобы в официальных бумагах значились самые обычные, человеческие роды. Она с радостью осмотрит тебя и наставит на правильный путь.

- Я пока не хочу никому сообщать. Знаю, с какой скоростью слухи разносятся в маленьких городках. Кто-нибудь увидит меня в больнице, несколько телефонных звонков, глазом моргнуть не успеешь, а все уже обсуждают новость за ужином. Не хочу, чтобы вся стая узнала раньше Купера.

Грэйси лишь улыбнулась. В итоге доктор Модер нанесла домашний визит, Господь да благослови эту женщину. Она оказалась квалифицированным, умелым специалистом и была рада сбежать на часок из клиники, если это сулило награду — кусок ромового пирога Грэйси. Она даже не возражала против потока моих слез, когда тест на беременность показал ярко-розовый положительный результат. Похлопав меня по плечу, доктор Модер объяснила, что, в связи с укороченным сроком беременности, уровень моих гормонов почти вдвое выше, чем у нормальной беременной женщины. Затем она взяла кровь на анализ, вручила пузырек сильнодействующих витаминов для беременных и отпечатанную ручным способом брошюру под заголовком «Чего ожидать, если вы ожидаете оборотня». Сказала, чтобы я рассматривала это издание, как дополнение или специальный справочный раздел к обычному пособию, которым тоже меня снабдила. (И если кто-нибудь увидит эту книжицу, я должна сделать вид, что это всего лишь шутка).

Мне надлежало родить через четыре месяца. Четыре месяца на то, чтобы подготовиться к появлению малыша, который, вероятно, станет превращаться в четвероногое существо. Неудивительно, что слонихи вынашивают потомство по два года.

Я как раз натягивала куртку, когда в парадную дверь влетела Мэгги, а следом за ней Эли.

- Что она здесь делает? - возопила она, обличительно вскинув руку, да так, что та прошла в сантиметре от моего лица.

- Мо — моя подруга и всегда желанная гостья, когда бы ей ни захотелось приехать, - осадила дочь Грэйси.

Мэгги повернулась ко мне.

- Ты здесь такая же чужая, каким всегда был Купер. Он уже надавал тебе обещаний? Сказал, что любит тебя? Разочаровал тебя? Ты не одна такая!

Я вскочила и двинулась на Мэгги. На ее лице отразилось секундное замешательство, но она стояла как вкопанная. Такое поведение я, по крайней мере, могла уважать.

- Вот именно, Скрэппи-Ду [42]. Ты хоть понимаешь, что сделала своему брату, которого якобы любила? Купер не хочет возвращаться домой — он не в силах встречаться с тобой. Он отгородился от всего мира. Убежден, что не имеет права кого-либо любить. Потому что ты - избалованная, эгоистичная маленькая паршивка, которая заслуживает хорошей взбучки. Ты, видите ли, разозлилась. Брат разочаровал тебя. Так повзрослей и забудь об этом!

- Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. Ты не часть стаи и не знаешь, как он поступил с нами. - Мэгги скривила губы, обнажив клыки. Я сжала кулаки, когда она подступила достаточно близко, чтобы меня боднуть. Грэйси схватила меня за руки, пытаюсь оттянуть, и громко приказала дочери сесть.

Эли скользнул между нами.

- Послушайте, давайте все успокоимся.

Он толкнул Мэгги в плечо, но та сразу ощерилась:

- Разве не ты говорил мне, что...

- Отойди, Мэгги, - велел Эли, и тихие командные нотки послышались в его голосе.

Он потеснил строптивицу к двери. Мэгги оттолкнула его, наклонилась и сделала резкий выпад в мою сторону. Я отпрянула, радуясь хорошим рефлексам.

- Мэгги, я вожак стаи, - рявкнул Эли. - Отойди!

Постояв секунду-другую, Мэгги фыркнула и выскочила за дверь, громко хлопнув ей напоследок.

С уходом Мэгги напряженность в комнате постепенно спала. Привалившись к стене, я задавалась вопросом, что хорошего ожидала от этой поездки. Я не сожалела о том, что повидалась с Грэйси и рассказала о ребенке. Но какая-то часть меня понимала, что мое присутствие могло спровоцировать Мэгги. И потом, вступить в перепалку с этой девицей было чистым безумием. Неужели я все-таки склонна к суициду? Этот визит обернулся полным провалом, хуже того случая, когда родители пригласили Кару провести неделю в нашей коммуне, а их друзья-нудисты как назло нагрянули в гости.

- Мне жаль. - Я чмокнула Грэйси в макушку. - Я, пожалуй, поеду, пока Мэгги не взорвала мой

грузовик или еще что-нибудь.

Грэйси тяжело вздохнула:

- Я поговорю с ней — давно пора. Возвращайся поскорее, Мо. Звони в любое время. Береги себя. И крепись.

вернуться

42

Скрэппи-Ду — герой мультфильма «Скуби и Скрэппи-Ду». Герои сериала — пес Скуби-Ду, его племянник Скрэппи, лохматый бездельник Шегги и какой-нибудь монстр. Сюжет мультсериала построен на том, что когда приходит чудовище, Скуби и Шегги пытаются спастись бегством, но Скрэппи постоянно им мешает. Его тянет подраться с монстром, но он такой маленький и беспомощный, что Скуби и Шегги приходится спасать не только самих себя, но и непутевого щенка.

Я вымученно улыбнулась.

- Можно перекинуться с тобой парой словечек на улице, Мо? - спросил Эли.

Я кивнула, надевая куртку. Видимо, все еще переживая из-за моих слов, сказанных в баре, Элай относился ко мне с настороженным уважением. Он величаво указал на алюминиевые садовые стулья, которые Грэйси, должно быть, вынесла на лужайку, на случай хорошей погоды. Я согласилась выпить еще одну кружку чаю — Грэйси заверила, что он совершенно безвреден для меня и моего... кутенка.

«Как странно думать о своем ребенке, применяя животные термины», - размышляла я, когда Эли тихонько откашлялся:

- Мы начинаем беспокоиться, Мо.

- О чем? - спросила я, хотя и знала ответ.

- О Купере. Волкам несвойственно находиться вдали от родного дома такое долгое время. Зачастую это означает, что волк или ранен, или умер. Но, так как Купер покинул стаю уже несколько лет назад, мы больше не знаем насколько крепка его связь с этим местом. Черт возьми, вдруг он теперь не способен на крепкие связи, - сказал Эли, потягивая чай. - Мы думали, что он привязан к тебе, и смотри... - Увидев выражение моего лица, вожак испугался. - Прости. Мне не очень-то удаются такие беседы, Мо. Особенно с женщинами не из нашей стаи. Тут все по-другому. Я не хотел обидеть тебя. Я чувствую ответственность за то, что случилось. Я несправедливо давил на тебя, чтобы Купер вернулся домой, и он убежал.

- Все было не так, Эли. - Я провела большим пальцем по ручке бокала, пытаюсь сосредоточиться на тепле, исходящем от керамической поверхности. - Ты не имеешь к этому отношения. Сюзи, туристы, Абнер... Купер считает, что мог напасть на них, будучи волком.

- Это невозможно, - заявил Эли, сдвинув брови. - У Купера нет такой склонности.

- Я знаю. Но он убежден в обратном и ушел, потому что боится мне навредить.

Эли сжал мое плечо и посмотрел с сочувствием.

- Одно я знаю наверняка: если Купер что-то решил, то окончательно. Насколько мне не хочется, чтобы ты уезжала, настолько я не стал бы рассчитывать на его возвращение. Если у тебя на примете есть какое-то место или кто-то другой... Прости, Мо.

Вручив мне бумажку со своим телефоном, Эли велел звонить, если потребуется помощь. Он направился обратно к двери, оставив меня рассеянно потирать рукой ноющую грудь.

По дороге домой в голове моей развернулась своеобразная битва между советами Эли и Грэйси. Грэйси знала Купера лучше, зато Эли смотрел на проблему с мужской точки зрения. Не обладал ли мужчина способностью разглядеть признаки того, что волк ушел навсегда? Возможно, Купер вернется в Гранди, если узнает, что я уехала. Возможно, оставаясь здесь, я лишаю его родного крова. Но что, если Грэйси права? Что если Купер все же объявится и обнаружит, что я сбежала, что его бросил еще один, предположительно любящий человек?

Пребывая в еще большем смятении, нежели утром, я увидела, что на телефоне мигает сообщение голосовой почты.

- Привет, милая, это мама. Мы так давно не общались. Мы с папой хотели узнать, как у тебя дела. Ты не перезвонишь, когда будет время?

Я удивленно подняла брови. Это звучало почти... нормально. Без заламывания рук и агрессии. Такие сообщения обычно оставляла Каре ее мама. И параноидальная часть моего сознания забеспокоилась: вдруг это уловка, вдруг последние месяцы тишины — это ловушка? Когда я нуждалась в помощи или совете, то инстинктивно отвергала родителей, стараясь избежать неминуемой лекции о личной ответственности, общей информированности, важной роли ушных свечей. Теперь же некое сочетание любопытства и отчаяния заставило меня набрать родительский номер. В трубке раздались гудки, и я поняла, что соскучилась по своим старикам. Это что-то новенькое.

- Ночлег и завтрак «Духовный ветер». Чем могу вам помочь?

Оторвав мобильник от уха, я уставилась на экран, чтобы убедиться, что звоню домой.

- Простите, я, похоже, ошиблась.

- Мо? - Я услышала знакомый мамин визг.

- Мам?

- Детка! - закричала она. - Девочка моя, как ты? Я так рада, что ты позвонила. Эш, она на телефоне!

Я услышала грохот дополнительной трубки - отец вечно жонглировал ей, прежде чем приложить к уху.

- О, дорогая, мы так по тебе скучаем, - произнес Эш. - Как ты поживаешь?

- Я... Что еще за «ночлег и завтрак»?

- О, дорогая, ты не поверишь, - сказала мама. - Мы превратили нашу коммуну в духовное пристанище. Это твой папа придумал. У нас уже пару месяцев аншлаг.

- Люди у вас ночуют? И платят?

- Ну не всегда. Мы принимаем оплату в натуральной форме или в виде «трудового вклада» на ферме, но иногда, да, мы получаем наличные.

В разговор вклинился папа:

- Мы единственное полностью натуральное и веганское место для экотуризма на юго-западе Миссисипи.

- Но, откуда взялась эта идея? Ты раньше даже не заикался об экотуризме. К тому же ты ненавидишь, когда посторонние топчутся по твоему саду.

Папа хихикнул:

- Когда ты уехала, я размышлял о том, что моя девочка отправилась в странствие, и задавался вопросом, не растеряет ли она на этом пути то, чему мы ее учили? И скольким людям не повезло вырасти в таких условиях, в каких выросла ты, получая от нас ценные уроки.

Я постаралась не фыркнуть, действительно постаралась. Папа мастерски ничего не заметил и продолжил вещать:

- Я понял, что мы любим свою маленькую коммуну, и она принесет куда большую пользу, если мы откроем двери для странников, для тех, кто хочет прозреть и увидеть, что на самом деле происходит с помыслами и телами. Перестройка не заняла много времени. Немного краски, чуток усердия. У нас было несколько домиков, которые все равно пустовали. Мы все работаем. Свен готовит еду и обучает кулинарии. Сандроп преподает йогу. Твоя мама ведет курсы медитации и прогулки на природе. Несколько журналов напечатали о нас прекрасные отзывы, и теперь мы практически прогоняем гостей.

- О, никого мы не прогоняем, - возразила мама. - Когда у нас случается наплыв клиентов, мы просто селим их в твою старую комнату.

- Вы превратили мою комнату в гостиничный номер? - Сама себе удивляясь, я поняла, что мне немного неприятно представлять совершенно чужих людей, ночующих в моем укромном детском закутке. Я, можно сказать, ожидала, что родители станут хранить его как святыню. Как бы я ни ворчала, я всегда знала, что смогу вернуться домой, когда возникнет такая нужда. А теперь оказалось, мое место заняли неохиппи, жаждущие получить неудобную двуспальную кровать, утренние сеансы йоги и органическую морковную лазанью. У меня не осталось путей отступления.

Я машинально потянулась за таблетками, желая предотвратить приступ изжоги. Но кислота так и не подступила к горлу. Глубоко вздохнув, я постаралась сохранить бодрый тон.

- А гостей не смущает отсутствие стен?

- О, им очень нравится; говорят, так гораздо уютнее. Словно ощущаешь себя частью семьи. - Голос мамы звучал как-то иначе. Он был спокойным и сдержанным — раньше мама такого не проявляла. Я поняла, что родители никогда не рассказывали мне о своих занятиях так подолгу. Как правило, они либо читали мне наставления, либо засыпали вопросами о моей жизни,

работе, свиданиях, и как я отношусь к переработке отходов. До меня вдруг дошло, что я совсем не интересовалась, чем живут они сами. Я стремилась лишь к одному — скорее положить трубку. На меня нахлынуло болезненное чувство вины — искреннее и заслуженное.

- Здорово. Я рада, что у вас все хорошо. Может, пришлете мне фотографии?

- Разумеется, - хмыкнул папа. - Или просто зайти на наш сайт.

- У вас есть сайт? - воскликнула я. - Кто вы такие и что сделали с моими родителями?

Они дружно рассмеялись на другом конце провода. Папа негромко кашлянул, очевидно, подавая маме сигнал. Сделав глубокий вдох, она сказала:

- Знаешь, Мо, дорогая, мы тут поговорили и поняли, что ты была совершенно права.

Я замерла, ожидая кульминации, но ее не последовало.

- Прости?

Мама вздохнула:

- Твой отъезд был верным решением. Нам следовало оторваться друг от друга. И мы слишком сильно тебя опекали.

- Ты стараешься пошутить? - уточнила я.

- Мы были напуганы, милая, - призналась она. - Мы так долго сражались, не желая становиться скучными старыми супругами. Когда появилась ты, это было сравнимо с чудом. И как мы могли быть скучными, будучи причастными к чуду? Поэтому мы не желали лишаться этого ощущения.

- Твоя мама хочет сказать, мы жутко боялись, что когда ты уедешь, нам останется только смотреть друг на друга, не зная о чем говорить, - фыркнул папа.

- А теперь у нас нет причин волноваться. Тебя нет почти год, целый год, представляешь? И у нас все отлично — лучше, чем когда-либо, честное слово, потому что мы можем сосредоточиться друг на друге, - произнесла мама. - Мы заново открываем нашу страсть, наши первобытные желания...

- Мам, ты рискуешь испортить красивый момент такими подробностями, - предупредила я.

- Прости, детка.

- Так вы говорите, я оказалась права, - осторожно уточнила я. - Когда я говорила о личном пространстве и личной жизни, я была права. И не ошиблась, когда ради этого уехала на другой конец страны.

- Да, - хором подтвердили они.

- И вы заблуждались, - продолжила я. - Заблуждались, заблуждались, сильно заблуждались.

- Да, - снова пропели они.

- Ладно, шутки в сторону, вы собираетесь выскочить из-за моей кушетки с криком «сюрприз»?

Папа вновь захихикал.

- Мы еще ничего не слышали о великих северных лесах. Как они выглядят? У тебя есть друзья? Как работа?

- Все хорошо, - вздохнула я. - Я люблю свой маленький дом и работу. Вместе с Эви, хозяйкой, мы внесли кое-какие изменения в меню, и они прошли на ура. Мой шоколадный пирог стал настоящим хитом.

Я ожидала, что мама сейчас прочитает лекцию о продвижении в массы ядовитого сахара, но она просто слушала.

- Ты счастлива, детка? - спросила она.

Что ж, до недавнего времени моя жизнь была необычайно прекрасной.

- Хм... - уклончиво пробормотала я.

- Это самое важное, - сказал папа. - Это все, что мы хотим для тебя. С остальным мы справимся.

Сколько раз я хотела услышать от него такие слова? Скольких гнева и тревог можно было избежать, если бы этот разговор состоялся, когда я была подростком, а не тридцатилетней женщиной? Я вздохнула, чувствуя, как маленький камень свалился с души. Из-за Купера и пережитой боли, давление все еще ощущалось, но теперь мне стало легче дышать.

- Мне пора, - сказала я дрогнувшим голосом. - Я правда люблю вас. Скоро постараюсь приехать домой. Люблю вас. Пока.

Через пару минут, после того как я разъединилась, телефон опять зазвонил. Это было так здорово, увидеть номер звонившего и не почувствовать страха. Я улыбнулась.

- Ты что-то забыла, мам?

- Что тебя беспокоит, детка?

Я открыла рот, чтобы запротестовать.

- Ничего не беспокоит...

- Я понимаю, что рискую нарушить недавно заключенный шаткий мир, но, дорогая, я знаю, когда с тобой что-то не так. Дело в мужчине?

Я понурилась.

- Как ты догадалась?

- Я ни разу не слышала в твоём голосе столько печали. И ни одно из твоих увлечений не заставляло тебя так страдать. Следовательно, это что-то новое для тебя.

- Все так паршиво, мам. Паршивее некуда.

- Ты можешь мне рассказать, что случилось?

Еще одна новость: мама желала узнать подробности, а не призывала к ответу, и это хорошо, потому что я собиралась преподнести ей отредактированную версию событий. Я пока не была готова сообщать родителям о ребенке. Во-первых, они могли настоять на скорейшем визите, а мне не хотелось бы втягивать их в запутанную волчью мыльную оперу, в которую превратилась моя жизнь. И во-вторых, вообще-то, сама возможность того, что они нагрянут в гости была уже достаточным основанием. Один удачный телефонный звонок еще не означал, что я прониклась таким оптимизмом.

- Я сейчас не могу говорить об этом, мам. Слишком много всего навалилось. Но очень скоро я все расскажу. Я позвоню тебе через пару дней, идет?

- Я люблю тебя, Мо. Я просто хочу... чтобы ты была счастлива. Ты сказала, что желаешь выяснить, чего ты стоишь без нас. Но ты всегда знала, чего хочешь, милая. Порой я мешала тебе, потому что считала, что мне виднее. И мне очень жаль. Я никогда не хотела, чтобы ты сомневалась в себе. Ты знаешь, чего хочешь. Ты не уехала бы в такую даль, не зная, к чему стремишься. Ты прошла отмеренный путь. Может быть, настало время расслабиться и позволить желаемому самому приплыть к тебе в руки.

- Спасибо, мам. - Я хмуро уставилась на телефон, интересуясь, что именно выкурила моя родительница, чтобы выстроить такую логическую цепочку. - Это необычайно своевременный и уместный совет.

- О, дорогая, не смейся. Я, вообще-то, стараюсь.

- Я серьезно, это действительно очень полезное замечание.

- Правда? - вздохнула мама. - Я так рада. Хотя, по правде сказать, не знаю, чему ты так удивляешься. Я столько лет давала тебе хорошие советы.

- Не перегибай палку, мам.

Глава 20

Слово гормонам

Я выпекала третью порцию шоколадного печенья, которое Эви окрестила «Несчастные брауни» - новая сенсация нашего заведения - когда Оскар завыл и бросился к двери. Я подскочила, услышав тихий настойчивый стук. Пытаясь унять сердцебиение, я поспешила к двери, забыв снять рукавицу-прихватку.

Дернув ручку (весьма неуклюже, учитывая рукавицу), я обнаружила на пороге местного рейнджера с бутылкой красного вина и пиццей от «Мама Росарио» - единственной приличной пекарни в радиусе восьмидесяти километров.

- Алан, - вздохнула я и тут же устыдилась разочарованной интонации в голосе. - Забавно, я не заказывала пиццу. Видимо, кто-то пошутил и назвал адрес лесничества.

Алан улыбнулся:

- Надеюсь, ты любишь пепперони с сосисками и не станешь возражать, если я войду. Мо, ты... ты казалась такой печальной сегодня днем на работе. Я решил провести тебя и немного развлечь.

Возмутительно, насколько быстро я растрогалась, услышав эти слова. Я улыбнулась, открыла дверь и взяла у гостя вино — хорошее столовое красное.

- Я люблю пепперони с сосисками.

Расположившись на диване, мы ели лучшую на северо-западе Аляски пиццу и болтали. Но я почему-то чувствовала себя неуютно. Прислонившись спиной к подлокотнику и прижав к груди, словно щит, согнутые ноги, я сидела и пила виноградный сок. Алан мало-помалу придвигался все ближе и ближе, пока не подтянул мои ноги к себе на колени. Он медленно провел пальцами по моей лодыжке. Я поджала ноги и уселась на них.

- Я рад, что мы сделали это, - сказал он. - Раньше мы не могли часто бывать вместе, но теперь, когда вы с Купером...

- Я не хочу говорить о нем.

Алан просиял:

- Я тоже.

Я и глазом моргнуть не успела, как он наклонился, и его губы коснулись моих. Я замерла, и тогда руки Алана нежно скользнули по линии моих ребер, потом вдоль груди и опустились на плечи.

Было бы так легко позволить Алану целовать меня и хоть на мгновение скрасить мою жизнь. Я устала от постоянного болезненного одиночества. Меня пугала перспектива растить ребенка без отца. Алан мог частично облегчить эту ношу хотя бы на короткое время. Но это неправильно. Это низко — целовать одного мужчину, зная, что ждешь ребенка от другого. Я почувствовала головокружение и тошноту... и не от пепперони с сосисками. Всклипнув, мягко оттолкнула Алана.

- С тобой все в порядке? - спросил он и нахмурился, увидев мои бледные, покрытые испариной щеки.

- Прости. Я действительно не могу. У нас еще ничего не решилось с Купером, и я просто не могу. Не могу так поступить с ним. Прости, Алан. Ты такой...

- Прощу, - сказал он, упершись в меня головой. - Прощу, не начинай речь в духе «ты милый парень».

- Но ты именно такой, - я улыбнулась и обрадовалась, когда он усмехнулся в ответ и чмокнул меня в лоб.

- Что проку быть милым, если я не могу найти хорошую девушку, которой понравлюсь?

- Дело не в тебе, а во мне. Знаешь, я еще никому не говорила в городе, но хочу, чтобы ты понял причину отказа... Черт, Алан, я беременна!

Все краски сошли с его лица, затем оно приняло баклажанный оттенок, а потом опять побелело.

- Ох, - прошептал Алан, притягивая меня и обнимая. Прижавшись подбородком к моей макушке, спросил: - Что будешь делать?

Я пожала плечами:

- Рожать. И на это время, пожалуй, останусь здесь.

- Ты сказала Куперу?

Я покачала головой.

- Когда ты видела его в последний раз?

- В тот день, когда ударила возле бакалейной лавки, - я через силу улыбнулась. - Как ни странно, подзатыльник не имел отношения к беременности.

- Не хочешь ему говорить?

Я рассмеялась, прижимая руки к глазам.

- Понимаю, он имеет право знать, но я не хочу, чтобы он чувствовал, что обязан остаться рядом из-за ребенка.

- Если бы ты согласилась, я позаботился бы о вас обоих. Мог бы сделать тебя счастливой, Мо. - Оторвав мои руки от лица, Алан переплел свои пальцы с моими.

Я почему-то не удивилась такому предложению. Как раз в духе Алана. Он заботился бы и обо мне, и о малыше. Он стал бы прекрасным отцом — читал бы сказки на ночь, учил бы играть в хоккей, на Рождество часами собирал бы велосипеды или кукольные домики. Но я не могла так поступить: отобрать у него шанс иметь собственных детей с женщиной, которая полюбит его по-настоящему, несравнимо сильнее, чем просто хорошего друга.

- О таком предложении я и мечтать не смела. Но это было бы нечестно для всех нас.

Алан кивнул и стиснул зубы от разочарования.

- Я понимаю. - Он встал и тут же неловко плюхнулся рядом со мной. - Знаешь что? Нет, не понимаю. Купер ушел. Его уже несколько недель где-то носит, Мо. Он слишком эгоистичен или ленив, чтобы прийти и разобраться в ваших отношениях. Почему ты намерена ждать, когда он соизволит вернуться и решить хочет ли этого ребенка? Почему ты позволяешь так обращаться с собой?

- Не твое дело, Алан. Не ругай Купера, потому что зол на меня. Ты мой друг и совсем не такой.

Он с грозным видом снова поднялся и встал напротив меня в боевую стойку.

- Отлично, тогда, как твой друг, я скажу, что ты тратишь время на человека, который тебя недостоин. Ужасно видеть тебя такой бледной и несчастной. Ты вся искрилась жизнью, когда приехала в Гранди. Я хочу, чтобы ты вновь обрела этот свет, ведь именно благодаря ему я и влюбился в тебя с первого взгляда.

- Алан, не надо. Я не могу ответить тебе взаимностью. Мои чувства... это моя головная боль. Мне жаль, что тебе неприятно видеть меня такой, но я справлюсь. Пожалуйста, не злись на меня или на Купера. Ты один из моих лучших друзей в этом городе, и я не хочу тебя потерять. Но все равно не могу позволить тебе говорить о Купере таким тоном. Прости.

- Нет, я все понял, - пробурчал Алан, горестно стиснув рот. - Как ты и сказала, мои чувства это

моя головная боль.

Он нахлобучил кепку и взял свои ключи. Но, увидев мой несчастный, потерянный вид, смягчился и поцеловал в щеку.

- Прости, - прошептала я.

- Если тебе что-то понадобится, что угодно, звони. Я достаточно насмотрелся на своих беременных сестер и прошел хорошую подготовку. Даже если тебе в два часа ночи захочется соленых крекеров, звони не раздумывая, хорошо?

Я кивнула. Алан легонько обнял меня и вышел.

Услышав, как хлопнула дверь, я вздохнула и потерла лицо.

- С этим разобрались.

Я собрала грязные тарелки и вылила вино в раковину. Включив душ, подставила под жесткие струи воды шею и плечи, которые, казалось, окаменели после первого поцелуя Алана. Как же получилось, что все так быстро пошло наперекосяк? Для меня не новость, что Алан проявлял ко мне интерес, но, на мой взгляд, я ясно давала понять, что недоступна. Я поймала себя на том, что разбираю каждую незначительную деталь этого вечера, все, что я говорила и делала, пытаюсь найти зацепку, которую Алан мог истолковать, как зеленый свет. Может быть, прежде всего, не следовало впускать его в дом? Наверное, стоило его игнорировать, когда Купер ушел, чтобы сразу пресечь подобные мысли?

Когда горячая вода закончилась, я достала из шкафа одну из рубашек Купера, завернулась в его запах и поймала свое отражение в зеркале. Глаза - красные и опухшие от слез. Лицо — белое, как бумага. Я напоминала мстительное призрачное существо из азиатского фильма ужасов.

- Жалкая картина, - проворчала я и, стянув с кровати стеганое одеяло, поплелась на крыльцо. Там уселась в кресло-качалку, которое выбирали мы с Купером и стала разглядывать небо. Бледный, серебристый свет полной луны стелился по двору и деревьям. Воздух был мягким и теплым, насколько это возможно ночью на Аляске. Оскар нес караул у моих ног, выслеживая диких белок. Я старалась направить мысли в приятное русло. Закрыв глаза, слушала шелест деревьев и думала о ночевке под звездами в том ужасном походе. Чем больше подробностей вспоминала, тем реальнее становилась картина. Я сосредоточилась на запахе расплавленного маршмеллоу и дыма горящих поленьев. Ощущала обнимающие меня сильные руки и тепло костра. Услышала, как ветки потрескивают на огне.

А потом еще кое-что.

Я распахнула глаза. Мне не почудилось. Я действительно это слышала. Я вскочила, и одеяло упало, обвившись вокруг ног.

- Купер? - позвала я.

На мгновение показалось, что я ошиблась, что его присутствие — плод моего воображения, милая сказочка, которую я внушила себе, чтобы облегчить страдания. Я боялась, что там в лесу, прячется кто-то другой — тот, кого опасался Купер. А я стояла здесь совсем беззащитная в одной лишь рубашке и нижнем белье.

В отдалении послышался топот лап; низкая поросль хлестала приближавшееся ко мне существо. Я увидела, как отблеск лунного света отразился в сине-зеленых глазах, а потом увидела и лицо. Размытое превращение волка в человека больше не пугало. Это такая же неотъемлемая часть его, как улыбка или гладкая золотистая кожа, которая отчетливо виднелась в бледном свете луны, когда он вышел из леса.

Я устремилась навстречу. Уж не знаю, на что Купер рассчитывал, но явно не на правый хук в челюсть. А дальше все произошло одновременно. Я крикнула «ой!» и затрясла ушибленным кулаком. Купер взвыл и схватился за лицо. Я задействовала здоровую руку, чтобы Купер вопил по заслугам.

- Недоумок! - бранилась я. - Не могу поверить, что ты сотворил такое! Как ты мог?

Я снова и снова хлестала его по плечам и груди, приговаривая:

- Дурак! Кретин! Тупица! Идиот! Оборотень!

Он терпеливо сносил побои, пока я не выдохлась и не уткнулась в его шею. Тогда он поднял меня и понес домой, бормоча извинения и осыпая поцелуями мои щеки, подбородок и губы.

Купер открыл дверь и захлопнул ее за нами. Он отнес меня к нашему месту перед камином, где мы впервые занимались любовью. Огонь в очаге не горел, но я поняла этот жест: пришло время начать все сначала. Моя рубашка осталась лежать где-то у двери, трусики героически пали в бою.

Купер притянул меня за бедра, и обернул мои ноги вокруг своей талии, прокладывая дорожку поцелуев по разгоряченной коже. От него пахло мужчиной, лесом, животным. Его растрепанные волосы упали на мои глаза, когда он целовал мои веки, переносицу, линию подбородка. Запустив руки в мои непокорные темные пряди, он зарылся в них лицом.

- Скучал по тебе, - прорычал он. - Так чертовски сильно скучал! Люблю тебя.

Его рот путешествовал по мне, спускаясь от шеи к щиколоткам, замедляясь возле ключиц, пупка, косточек таза, которые Купер покусывал и облизывал. Дразня, он горячо подул между моих ног и, отстранившись, покрыл бедра поцелуями.

Его губы поползли вверх, и язык одарил вниманием сначала один затвердевший, сверхчувствительный сосок, а потом и другой. Купер нежно прикусил их, затем скользнул губами по изгибам моей груди. Изнемогая под ним, я обвила пальцами его теплую, твердую плоть и потянула к себе, но Купер резко подался вперед и вошел в меня сильным уверенным движением. Мое тело радостно приняло его возвращение, глубоко вбирая в себя теплые, размеренные толчки. Я ощущала, как увлажняются мои бедра в ритме наших покачиваний. Руки Купера тискали мои ягодицы, вынуждая двигаться в такт, с которого я сбивалась, паря в небесах.

- Моя, - сказал он, и я судорожно сжала его словно в мягких тисках.

Как только Купер достиг кульминации, его радужки как будто потемнели и расширились, заслоня белки глаз. Оскалившись, он запрокинул голову в завершающем рывке, а потом прикусил мое плечо возле шеи. Я взвизгнула, почувствовав, как зубы вонзаются в тело, но Купер крепко меня держал. Кожа порвалась словно лист бумаги, пока я безуспешно молотила руками. Это болезненное и вместе с тем неземное ощущение едва не ввергло меня в пучину безумия. Сердце колотилось, дыхание прерывалось, все мускулы, казалось, сокращались

одновременно в небывалом оргазме. Пока я дергалась и кричала, Купер схватил мои дрожащие запястья одной рукой, а второй принялся успокаивающе поглаживать меня. Я почувствовала струйку крови, текущую по моей спине, когда он прижался лбом к моему лбу.

Когда наше дыхание выровнялось, Купер откатился и притянул меня к себе под бок. Едва восстановив способность шевелиться, я шлепнула его по голове.

- Ой! - вскрикнул он.

- Ты укусил меня! - проворчала я, прижимая руку к ране. - Опять!

Купер виновато покраснел, но тем не менее ответил с апломбом:

- Все правильно! Это означает, что ты моя. Шрам — это как публичное заявление. Он говорит о том, что ты моя пара. Что больше не один волк не смеет посягать на тебя. Что ты под моей защитой и под защитой моей стаи... если она у меня еще есть.

- Ты прямо-таки сутенер.

Он скорчил кислую мину.

- Это все равно, что помочиться на твой порог.

- Ты помочился на мой порог?

Купер поморщился. Вероятно, он не подумал о том, что говорит, пока не ляпнул вслух.

- Перед тем как сказал, что мы не можем встречаться. - Выражение его лица менялось с робкого на настороженное. - Я метил территорию, чтобы отпугнуть хищников. Мне надо было обеспечить твою безопасность. Боже, ты же бросаешься наперерез разъяренным гризли!

Я резко взмахнула рукой и отвесила ему новую оплеуху.

- Ой! Теперь-то за что? - дернулся он.

- Видимо, я все еще немного зла на тебя.

- Мо, прости, если сделал больно...

- Да, Купер, укус-то меня и разозлил, - фыркнула я.

- ...но для ребенка будет лучше, если я помечу тебя, - договорил он.

Рубашка выскользнула из моих рук.

- Как ты узнал? - прошептала я.

- Видишь ли, мама умудрилась разыскать меня и принялась вправлять мне мозги, пока я не признал, что ты — лучшее, что случилось со мной в этой жизни. И я буду последним идиотом, если не вернусь к тебе и не стану молить о прощении. Кстати сказать, она собирается устраивать мне выволочки время от времени, чтобы не валял дурака. Думаю, на нее снизошло что-то вроде жесткого прозрения.

Я откинулась на спину с таким ощущением, словно из легких вышел весь воздух. Купер знал и

молчал? Разве не следовало сказать об этом во вторую или в третью очередь? Наверное, после слов «так чертовски сильно скучал» он мог бы добавить «люблю и очень сожалею о том, что сбежал и оставил тебя преодолевать сложный первый триместр в одиночестве». Как же теперь разобраться? Как понять, что им двигало: потребность во мне или отсутствие выбора?

- Только поэтому ты и вернулся? Из-за мамы, которая намекнула, что ты поступил не мужски?

- Нет, не только поэтому.

Я вскочила.

- Знаешь, я не нуждаюсь в том, чтобы ты растил этого ребенка. Не хочу, чтобы ты или любой другой донор спермы возомнил себя примерным родителем.

Купер отвесил челюсть и еще имел наглость выглядеть обиженным.

- Донор спермы?

Я окинула его грозным взглядом.

- Мне полагается радоваться, что ты примчался на всех парах, услышав весть о моей беременности? Не хочу, чтобы ты оставался здесь ради некоего чувства долга.

- Но я тебе нужен. Тебе потребуется помощь. Я хочу быть с тобой, Мо. Хочу быть одной семьей.

- Видишь ли, я поняла, что меня не колышут твои желания, - сказала я, слегка подталкивая Купера ногой, пока он не поднялся. Я швырнула ему одеяло, и он обернул его вокруг талии.

- Ты все рассказала моей матери. Ты должна была понимать, что, в конечном счете, она сумеет связаться со мной.

- Да, но теперь, когда мне стала ясна причина твоего возвращения, она меня до чертиков раздражает! - воскликнула я. - И, вообще-то, нет, я не знала, что в конечном счете Грэйси сумеет связаться с тобой, Купер, я ведь понятия не имела, где тебя носит. Как и твоя мать. Проклятье, я-то считала, что мы больше никогда не увидимся. Ты даже не соизволил сказать, собираешься ли вообще возвращаться. Что, по-твоему, я должна была чувствовать? А знаешь что? Проваливай! Выметайся отсюда. И не смей появляться, пока я не разрешу.

Я пихнула завернутого в одеяло Купера к двери. Он упирался, но, памятуя о беременности, не решался толкаться в ответ. Ухватив меня за плечи, он сжимал их почти невесомо. Я же не церемонилась и, безбожно оттаптывая его ноги, погоняла к выходу.

- Мо, это же глупо! Мы только что воссоединились, а ты уже гонишь меня?

- Как оказалось, я больше неспособна мыслить здраво. Гормоны, знаешь ли! - гаркнула я, захлопнула дверь и заперла на замок.

- Тогда я останусь здесь! - заявил Купер через дверь. Я едва ли не слышала, как он усмехается, и у меня чесались руки запустить в него кормушкой для птиц. - Люблю тебя!

Я зашторила окно. Помылась, осторожно наложила повязку на укус и оделась ко сну. Рана уже затянулась, оставив после себя серповидный шрам. Интересно, чья магия подействовала — Купера или ребенка? Прежде чем выключить свет, я подошла к двери, отодвинула занавеску и

увидела, что Купер все еще здесь. Он превратился в волка и, свернувшись калачиком, притулился на коврике. Мне стало немного неловко. Не то чтобы на улице трещал лютей мороз, да и Куперу, скорее всего, доводилось спать и в худших условиях, но не по моей же вине. Можно было открыть дверь и позволить ему разместиться хотя бы в гостиной. В конце-то концов, разве не этого мне хотелось? Разве возвращение Купера — не то, чем я бредила? Какой же непоследовательной и спесивой надо быть, чтобы взять и выставить его за порог?

Правда заключалась в том, что я пока не была готова его принять. Он обидел меня. И я не могла поручиться, что он не сбежит опять, когда в следующий раз что-то пойдет не так или его обуяет чувство вины. Я поплелась обратно в спальню и заползла под одеяло. Прятавшийся под кроватью Оскар, запрыгнул и устроился в ногах.

- Оскар, ты единственный надежный мужчина в этом доме, пусть даже и собака.

Проснувшись поутру, я увидела, что Купер в волчьем облике все еще томится на крыльце. Он фыркнул и поскребся в дверь, но я предпочла заняться сборами на работу. Он проводил меня до машины и сидел на подъездной дорожке, пока я отъезжала, и даже как будто махал лапой вслед. Я не перемолвилась с ним ни словечком — ни этим утром, ни вечером, когда вернулась домой. Ни на следующий день, ни через день. Всю неделю Купер оставался волком, приглядывал за домом и провожал меня до машины и обратно каждый раз, когда я уезжала. Я хранила молчание. Даже Оскар, выходя на прогулку, оказывал ему холодный прием. Но ни дождь, ни слякоть, ни ледяное презрение сосискообразного пса не могли удержать моего оборотня от выполнения самопровозглашенного круга обязанностей.

Как-то вечером, вернувшись домой, я обнаружила, что веранда завалена вырванными с корнем цветами. Купер сидел среди этого дикого великолепия и шумно дышал.

- Что будет дальше, мертвая белка? - спросила я.

Купер гавкнул.

Опустившись на ступеньки, я погладила его мех.

- Слушай, я поняла. Ты раскаиваешься. Нельзя ли превратиться обратно в человека, чтобы мы могли поговорить, как взрослые люди? Обещаю, что не стану тебя дубасить.

Купер перекинулся и обнял меня.

- Прости. Мне надо было сразу повиниться. Я очень сожалею, что оставил тебя. Думал, что справлюсь. И ведь знал, что, укусив тебя в тот первый раз, поставив на тебе метку, я уже никогда не смогу создать пару с кем-то еще...

- Что? - удивилась я.

Купер пожал плечами.

- Так уж устроены оборотни. Как только мы помечаем партнера, назад хода нет. Тут дело скорее в магии, чем в науке, но после того, как мы ставим метку на своем избраннике, наши ДНК уже не могут совмещаться ни с кем иным. Волки соединяются на всю жизнь.

- И ты ушел, зная, что у тебя, возможно, никогда не будет детей? Что ты никогда не найдешь другую?

- А я и не хочу другую.

Я шлепнула его по плечу.

- Болван.

Он притянул меня ближе.

- Я люблю тебя. Не могу быть вдали от тебя. И плевать, что это делает меня эгоистом. С тобой я счастлив. Только в тебе я сейчас вижу смысл жизни. И даже не будь ребенка, все равно чувствовал бы то же самое. И пока я не разберусь в том, что происходит, пока не пойму, не я ли убиваю людей...

- Не ты, - твердо сказала я, взяла его за подбородок и заставила посмотреть в глаза.

Он кивнул, но мне показалось лишь для того, чтобы меня успокоить.

- Так или иначе, но пока я не удостоверюсь, тебе от меня никуда не деться.

- Я знаю, что ты поступил так, как считал правильным, - признала я. - У тебя были благие намерения, пусть вел ты себя как последняя сволочь.

- Надеюсь, ребенок переймет твою страсть к перлам, - вздохнул он.

- Хорошо. - Я обхватила его руками и не выпускала, словно тем самым могла заставить сдержать обещание. Потом уткнулась в шею и пробормотала: - Когда ты в последний раз мылся? Хотя бы примерно?

- Не знаю. Где-то неделю назад катался в ручье, - пожал он плечами и возмутился, когда я сморщила нос. - Я бегал в зверином облике, клял себя на чем свет стоит и предавался отчаянью, а не спа-салон посещал.

- Прости, - повинулась я. - Я люблю тебя, несмотря на пикантный аромат мужественности.

- Теперь ты меня просто благодетельствовала, - проворчал он. Я рассмеялась. Желудок Купера заурчал.

Я закатила глаза, переступила через цветы и, хихикая, вошла в дом.

- Как смотришь на то, что я приготовлю блинчики, а ты пока примешь душ?

- Зависит от обстоятельств. А вдруг это уловка, чтобы я расслабился, а ты опять засветишь мне кулаком?

- Я легонько шлепала, а не била кулаком.

- Сожалею, но моя ушибленная голова говорит об обратном.

Купер вышел из душа и выглядел он гораздо бодрее, чем когда-либо на моей памяти. А поджидавшая его огромная стопка блинчиков только улучшила его настроение. Я сидела

рядом, пока он задумчиво жевал, явно пытаюсь подобрать нужные слова.

- Знаю, что не имею права спрашивать, но почему я чую здесь запах Алана?

- Верно, - мягко сказала я. - Ты не имеешь права спрашивать.

- Мо.

- Алан приходил. Ничего не случилось, - сообщила я, понимая, что для всех нас будет лучше, если я преподнесу отредактированную версию событий.

На меня Купер, возможно, и не рассердится, а вот Алану едва ли так повезет. Мне только того не хватало, чтобы Купера арестовали за то, что он оторвет голову федеральному должностному лицу посреди Мэйн-Стрит. - Он ясно дал понять о своих чувствах, но я сказала, что воспринимаю его только как друга. Не могу утверждать, что не рассматривала вариант с Аланом, чтобы просто забыть тебя. Чтобы отомстить. Но когда дошло до дела, я просто не смогла. Тебя не вычеркнуть из моей жизни, Купер. Ты прочно обосновался в ней.

Радостная, благодарная улыбка озарила лицо Купера.

- Бьюсь об заклад, что Алана такой поворот не обрадовал.

- Вообще-то, если не считать брани в твой адрес, во всем остальном он оставался джентльменом. Чего нельзя сказать о некоем самодовольном оборотне, который оставил на мне свою отметину, чтобы застолбить территорию. И помочился на мой порог — который, кстати, будет отмывать из шланга.

Купер пробубнил с набитым ртом:

- Да, да. Я не такой возвышенный, как Алан. Уверен, это будет согревать его душу долгими ночами.

- Это гадко.

Глава 21

Полный покой

Если кто-то и обсуждал внезапное возвращение Купера в Гранди, то не в моем присутствии. Ни у кого не возникло сомнений в том, что мы помирились. Каждое утро мой надзиратель являлся в бар и тихой сапой приглядывал за мной и своим подрастающим чадом. Подлетал и выхватывал у меня из рук любой мало-мальски тяжелый предмет. Заставлял устраивать регулярные перерывы, чтобы давать отдых ногам, и рычал на всех, кто смел говорить со мной не елейным тоном. Когда он попытался уговорить Эви сократить мой рабочий день, мы обе велели ему заняться своими делами. Серьезно, всему есть предел.

Веселая, энергичная, словоохотливая я снова трудилась на кухне. Друзья словно вздохнули с облегчением. Разговоры вошли в привычное русло. Возобновились шутки. Казалось, все были так рады видеть прежнюю Мо, что не отваживались приставать с расспросами. И только Линетт дулась больше обычного.

Нейт Гоган составил купчую на дом. Мой первый настоящий дом! Я представить себе не могла, чтобы ребенок рос где-то в другом месте. Мистер Гоган едва не прослезился при подписании

документов. Когда я позвонила Каре и похвасталась статусом домовладелицы, подруга слегка опечалилась, но начала строить планы о том, как приедет в гости в следующем месяце до наступления холодов. Полагаю, подруга питала надежды на мое возвращение, но почла за лучшее признать, что я прочно обосновалась в городке Гранди на Аляске.

Наши с Купером отношения постепенно обретали более прочную основу. Он отказался от аренды жилья и перевез свои вещи в мой коттедж. Теперь на каминной полке стояли фото Грэйси, Самсона и Попса. Затем он соорудил маленькую детскую, отгородив угол в нашей комнате, хотя мы понимали, что рано или поздно придется добавить еще одну спальню. В доме стало немного тесно и очень «пестро», но я была рада тому, что Купер внес свою лепту в наш уклад.

И чудо из чудес: он пригласил меня на свидание, неожиданно осознав, что мы почти год как знакомы и ждем ребенка, но ни разу не выбирались из дома куда-нибудь перекусить. И вот, одним чудесным утром в четверг я стояла перед своей половиной шкафа, пытаюсь выбрать что-нибудь из одежды для предстоящего пятничного ужина. Купер вышел из ванной, упаковываясь на ходу в камуфляжный комбинезон.

- Это одеяние не годится для выхода в свет, - заявила я, выгнув бровь и прихлебывая имбирный чай. - Твой прикид совершенно не сочетается с моим нарядом.

Я продемонстрировала маленькое синее платье, которым Купер пару раз восхищался, хотя понимала, что если когда-нибудь и влезу в сей скромный лоскут ткани, случится настоящее чудо. Я и в джинсах-то уже помещалась с трудом. А скоро придется распрощаться и с драгоценной «Ла Перлой». В конце концов, мы будем вынуждены рассказать о беременности. А пока мне только и оставалось, что носить на работу разнообразные спасительные толстовки.

При виде платья Купер застонал.

- Ты меня без ножа режешь, женщина. Я только что получил срочный вызов от постоянного клиента.

- Ты просто девочка по вызову.

Купер закатил глаза.

- Этот парень хочет доставить клиентов на реку Снейк порыбачить. Какое-то дурацкое спонтанное единение, которое, по его мнению, может предотвратить экономический крах. Он часто ко мне обращается и вечно всем недоволен. Если я сейчас откажу, он наплетет друзьям-товарищам, какой я кретин, и они переметнутся в другое место. А с учетом начала сезона...

- Купер, это же всего на один день. Ерунда. Не волнуйся.

- Я вернусь завтра утром и отвезу тебя и твое синее платье в город. Клянусь.

- На самом деле, может быть, стоит перенести ужин на другой вечер, - сказала я. - Я не очень-то хорошо себя чувствую, поэтому и пью этот чай. Твой ребенок, похоже, вознамерился истязать меня до тех пор, пока я окончательно не вывернусь наизнанку.

Купер поцеловал меня в макушку.

- Ох! Теперь я точно не хочу тебя оставлять. И мы отправимся на свидание завтра вечером. Нам надо кое-что обсудить.

- Хорошо. - Я ткнула его в грудь. - Но если ты опять поведешь меня в поход, я надеру тебе задницу.

Улыбнувшись, он потерся носом о мою шею, затем наградил долгим, горячим поцелуем и надел кепку.

- Охотно верю.

Сидя на крыльце, я пила чай и махала рукой, пока он выводил пикап с подъездной дорожки. Может, именно таким и будет наше будущее? Я машу вслед, а мой большой, сильный мужчина отправляется на охоту, оставляя меня хранить домашний очаг? Как в настоящем средневековье.

- Надо идти на работу, - сказала я себе, а потом, передернувшись, отставила чашку в сторону и поднялась. - Принести домой немного бекона, поджарить его на сковороде, ну что-то вроде того, пока у меня не отобрали членский билет феминисток.

День в баре выдался спокойным. Мне удалось приготовить завтрак почти не испытывая тошноты, чему я была несказанно рада. Люди заказывали свои обычные блюда и ценили, что я помню о мелочах, например, о том, что Уолт не любит, чтобы тост касался яичницы или про аллергию Герти на чеснок. Моя рабочая смена благополучно заканчивалась, когда за стойкой появилась Мэгги. Я чуть крепче сжавила в руке нож.

- Мэгги, - предостерегающе сказала Эви. - Твоя мама и остальная родня могут терпеть твои заскоки, но если ты возьмешься буяннить здесь, то заплатишь за каждую разбитую вещь.

- Я пришла сюда не затем, чтобы буяннить, - огрызнулась Мэгги и посмотрела на меня с непроницаемым выражением лица. - Надо поговорить. Прогуляемся?

- Я еще не сошла с ума, чтобы идти с тобой в какую-нибудь подворотню, - заявила я. - Именно так и заканчивают женщины в репортажах, которые транслирует Си-Эн-Эн.

- Да не собираюсь я нападать, - вздохнула она. - Я обдумала то, что ты мне сказала тогда у мамы. И хочу поговорить. Снаружи.

- Через дорогу стоит скамейка, дальше не уходи, - напутствовала меня Эви. - Я буду наблюдать.

- Господи, Эви! - возмутилась Мэгги. - Я же сказала, что не собираюсь на нее нападать!

- Уж я прослежу, - парировала Эви. - Она носит под сердцем малыша — твоего племянника или племянницу.

У Мэгги отвисла челюсть, впрочем, как и у меня.

- Как ты узнала? - спросила я.

Эви погладила меня по голове.

- О, дорогая, нам давно все известно. Стоило тебе посмотреть на еду и тебя начинало тошнить.

Думаешь, мы ничего не замечали?

Все сидящие за стойкой дружно кивнули.

- Мы хотим устроить для тебя тематический праздник в следующем месяце, - сказала Герти и подмигнула. - Будет торт и веселые конкурсы. Тебе понравится.

- Приехали! - вздохнула я. - Получается, я зря наряжалась в балахоны.

Мы перешли улицу, и Мэгги то и дело настороженно поглядывала в мою сторону.

- А тебе это не навредит? - хрипло поинтересовалась она, когда мы уселись на грубую дощатую скамейку.

- У меня все отлично, - сказала я. - Но спасибо, что спросила.

- Мама должна была рассказать, - пропыхтела она. - Но теперь понятно, почему она безостановочно вяжет.

- Ну, мы не знали, как ты это воспримешь, Мэгги. Скажи честно, чего ты хочешь?

Она посмотрела на свои руки и сорвала заусенец.

- Охота и драки всегда давались мне очень легко. Я не мастак вести душевные разговоры. Понимаешь, мне гораздо проще пустить в ход кулаки.

Я тут же передвинулась чуть дальше по скамейке. Мэгги фыркнула, но слегка улынулась.

- Когда Купер ушел, я не то чтобы злилась, - сказала он. - Мне было больно. Нет, я не стыдилась брата. И дело даже не в том, что он испугался, когда напала другая стая. Я и сама испугалась до чертиков. Когда Купер ушел, мне показалась, что он стыдится тех моих поступков. Словно мне самой должно быть стыдно за свое умение сражаться, убивать, защищать то, что я люблю. Ведь именно он всегда внушал мне, что я такая же сильная, как и любой в стае. И вдруг оказалось, что это вовсе не так? Как будто все его слова обернулись ложью. Вся наша связь — это ложь. Он был всем для меня — и отцом, и братом. И вот так потерять его... нет, это даже не боль. Я буквально слетела с катушек. Все эти годы я ждала, что обида утихнет, хотя бы чуть-чуть, но она росла и росла.

- А как же Самсон?

- Самсон замечательный, - сказала она, пожимая плечами, и внезапно становясь совсем юной. - Но всегда был, как бы это сказать... милым? Любит охотиться, но ненавидит сражаться. Эли действительно взял на себя всю ответственность, когда принял руководство стаей. Эли близок мне по духу. Всегда говорит, что просто придерживает место Купера, пока тот не вернется. Но по правде сказать, я и сама не знаю, хочу ли его возвращения.

- И почему я не могу быть альфой? - требовательно спросила Мэгги. - Я одна из сильнейших в стае. Я самая быстрая. И если не считать Эли, возможно, и самая умная. Именно я вступилась за стаю, когда на нас напали. Почему мне нельзя взять то, от чего отказался Купер? Если он не хочет этим заниматься, то почему бы мне не взяться за дело? Как он может проявлять такое пренебрежение, словно речь идет о пустяках?

Я осторожно потрепала ее по руке.

- По-видимому, на повестке стоит что-то еще, кроме привычной обиды на отъезд родного брата.
- Да, в течение многих лет я была...
- Могу подсказать парочку прилагательных, если надо.

Мэгги сверкнула глазами.

- Я была избалованной, эгоистичной маленькой дрянью, заслуживающей хорошей порки. Долгие годы я отвратительно относилась к брату. Поскольку думала, что он недостаточно страдает. Эли всегда говорил, что он выглядит вполне довольным. И почему-то эти заявления только подливали масла в огонь. Я считала, что если мне плохо, то Куперу должно быть сто крат хуже, понимаешь? И когда я увидела, что он счастлив с тобой, то создалось ощущение, что он ловко избежал наказания. Я понятия не имела, как сильно он переживает. Не знала, что он тоже скучает. Я так долго злилась на него. И теперь не представляю, как выбраться из этой трясины.

- Чего же ты хочешь от меня Мэгги? Совета? Отпущения грехов? Живи дальше и больше не будь стервой.

- Нет, я хочу спросить. Как, по-твоему, Купер сможет меня простить?

Мэгги подняла взгляд и неожиданно стала похожа на неоперившегося птенца.

Я обняла ее. Ну как обняла, поставила руку на скамейку за спиной Мэгги, фактически не прикасаясь к ней, но мои намерения были кристально ясны.

- Думаю вам с Купером надо поговорить. Ему очень сильно тебя не хватает, но вам надо кое-что обсудить.

- Спасибо, - пробормотала Мэгги, выпрямляясь. - Но это вовсе не означает, что ты мне нравишься.

- О, разумеется. Я по-прежнему считаю тебя избалованной врединой. Дай только родить, и я тебе такую взбучку устрою, Креппи Ду.

Мэгги усмехнулась, встала и пошла по направлению к лесу, видневшемуся в конце улицы. Я не видела, как она обратилась, но услышала последовавший протяжный вой. Я покачала головой. Да уж, на шоу «Доктора Фила» такого точно не увидишь.

На следующее утро Купер не вернулся. И даже не позвонил. Я отправилась на работу, полагая, что после охоты он может сразу поехать в «Ледник», но наступил обед, а Купер так и не объявился и не отвечал на звонки. Я готовила и подменяла Эви, которая отлеживалась дома после визита к дантисту. И хотя мне не терпелось слинять домой, чтобы проверить не вернулся ли Купер, я не могла уйти.

Я размышляла о том, не приняла ли Мэгги мой совет, как указание к действию, и не побежала ли тотчас выслеживать Купера. Вдруг они помирились и отлично проводят время, наслаждаясь волчьими кровными узами? Мне больше нравился этот вариант, чем тот, где они сошлись в нешуточной схватке, и теперь Купер свернулся калачиком где-то в лесу и зализывает раненое

яичко.

Нервы постепенно сдавали. Чтобы отвлечься, я опустила голову, и, собирая тарелки, пыталась внушить себе, что веду себя глупо и слишком волнуюсь. Нет никаких оснований думать, что Купер попал в беду. Мне известно лишь то, что охота проходит успешно, и ему платят сверхурочные. Тем не менее я не могла избавиться от назойливых вспышек легкой тревоги в глубине сознания, пока огибала стойку, чтобы принять заказ у Алана.

- Привет, Мо, - сказал он. - Как самочувствие?

- Хорошее. Теперь не испытываю рвотных позывов всякий раз, когда раскалываю яйцо, и это большое подспорье в моей профессии.

Алан рассмеялся и посмотрел на прикрепленный к поясу телефон, который начал звонить.

- Прости. Одну минутку. Эй, Уолт, чем могу... Тихо, тихо, Уолт. Подожди. Скажи им, чтобы перестали кричать, я не слышу тебя.

Я наклонила голову, вопросительно глядя на Алана. Он закатил глаза и пожал плечами.

- Кого застрелили? - воскликнул он и вскочил, опрокинув стул. - Нет, не надо тащить его сюда! Лучше ко мне в сарай. Да, сейчас буду.

Алан захлопнул мобильник.

- Уолт с друзьями застрелили волка за городом. Говорят, здоровый сукин сын. Просят приехать и посмотреть, не он ли напал на Сьюзи и Абнера.

Я замерла, чувствуя, как кровь ревет в ушах. Блокнот выскользнул из рук и упал на пол.

Алан поднял взгляд и нахмурился.

- С тобой все нормально? Ты побледнела. Может, присядешь?

- А с волком что? - я услышала свой вопрос.

- Они везут его ко мне, так что я смогу взглянуть на него. Мне надо сделать несколько замеров и фотографий, позвонить ветеринару, чтобы произвести вскрытие...

У меня закружилась голова, а желудок неприятно ухнул вниз. Я развернулась, вытаскивая ключи из фартука.

- Мо? - позвал Алан. - Ты в порядке?

В дверь вплыла Линетт и приготовилась заигрывать с Аланом. Я схватила ее за руку и потянула за собой к выходу.

- Линетт, мне нужно, чтобы ты проследила за баром. Обеденная суতোлка закончилась. Пит позаботится о посуде. Просто пригляди тут одним глазком.

- У меня выходной, - насупилась Линетт и выдернула руку.

Я зарычала и приперла строптивицу к стене.

- Теперь послушай меня, я почти год терпела твои причуды. Твое мерзкое высокомерие, твое наплевательское отношение к работе и тот факт, что ты брала из банки с чаевыми больше причитающейся тебе доли, причем столько раз, что и сосчитать невозможно. И невзирая на то, что мне приходилось тебя покрывать, я ничего не говорила. Но, Господи помилуй, если ты сейчас не возьмешься за дело, я расскажу Баззу о тех отпечатках задницы, которые обнаружила в холодильной комнате.

Линетт побледнела.

- Ты не можешь знать, что они мои.

- Я и не знала, зато теперь убедилась, - сказала я, бросая ей фартук. - Принимай заказы на выпивку, пробивай чеки, делай свою чертову работу.

Линетт молча кивнула, и я вышла за дверь.

То, что Уолт застрелил волка еще не доказывало, что это Купер. Верно? В окрестностях бродят десятки волков. Уолт мог убить одного из них. Именно это я и твердила себе, отъезжая от «Ледника».

В зеркале над приборной панелью я увидела в окне бара своих соседей — обычных людей, которые ели бургеры и жили обычной жизнью. Раньше я была одной из них, и знать не знала о том, что помимо нашего существует иной мир. И на долю секунды мне стало так себя жалко, что захотелось вернуть то невежество.

По дороге в коттедж я молилась Иисусу, Будде, Гее, Великому Духу и всем остальным богам, которых могла припомнить, прося позволения приехать домой и обнаружить, что Купер выбирается из своего грузовика и рассказывает какую-нибудь историю о спущенном колесе или разряженном телефоне. Когда же я добралась до места и увидела, что подъездная дорожка пуста, я поняла, какой глупой была эта надежда. Я вылезла из машины и снова набрала номер Купера, открывая входную дверь. Пока я бегло осматривала дом, включилась переадресация на голосовую почту.

- Купер, если получишь это сообщение, пожалуйста, пожалуйста, дай знать, что с тобой все в порядке, - сказала я и нажала отбой.

Меряя шагами веранду, я попыталась просчитать возможные варианты. Я могла бы помчаться к Алану, броситься в гущу ликующих охотников и... что? Что я буду делать, если это Купер в волчьем облике? Начну биться в истерике, возможно, кричать, лупить горе-стрелков, и меня упекут в кутузку. Будет ужасно трудно растить ребенка в тюремной психушке. А если волк вовсе не Купер? Я вытерла слезы, неуклонно катившиеся по щекам. Что если это кто-то из сородичей Купера? Что тогда делать? Что если это простой, самый обыкновенный волк? Как я объясню свое внезапное непреодолимое желание взглянуть на его труп?

Нет, здесь я бессильна. Я вытащила сотовый и набрала единственный номер, который приходил в голову.

- Эли?

Глава 22

Нам понадобится усыпляющий пистолет побольше [43]

Где же носит Дженнифер Гарнер [44], когда она нужна?

Супершпионка Сидни Бристоу сумела бы просочиться через лес к дому Алана, разведать обстановку и отыскать своего возможно мертвого возлюбленного оборотня, а потом скрыться без каких-либо осложнений. Если бы у Сидни Бристоу имелся возлюбленный оборотень. Но тогда это был бы уже некий гибрид с сериалом «Сверхъестественное» [45].

Мне же пришлось звонить Эли и просить его тайком провести меня к Алану, поддерживая в этой аванюре. Я оставила Куперу около десяти голосовых посланий, одно истеричней другого, с требованием перезвонить. В последнем, я сообщала, где встречаюсь с Эли и умоляла избавить от необходимости лицезреть вблизи первого в моей жизни мертвого волка. Купер так и не перезвонил.

К тому времени, когда я съехала с дороги, ведущей к лесничеству, по щекам уже катились горькие слезы. Эли ждал меня на полянке, так что мы могли пройти через лес и проникнуть в сарай. На этом мои идеи заканчивались.

Эли с сочувствием глядел, как я выхожу из грузовика. Он развел руки, словно хотел заключить меня в объятия. Когда же понял, что я не намерена подходить ближе, благополучно свел их и положил мне на плечи.

- Спасибо, что откликнулся. Я боялась, что не справлюсь одна, и не знала к кому еще обратиться. И если это Купер, не хочу, чтобы Самсон или Грэйси видели его таким.

- Если тебе тяжело, я все сделаю сам.

- Нет, мне кажется, я не поверю, пока сама не увижу, - отказалась я, качая головой.

- Одна из худших обязанностей, - вздохнул Эли и повел меня в чащу. - Быть тем, кто приносит недобрые вести.

- Еще не известно, что вести недобрые, - возразила я слегка раздраженным тоном.

Он улыбнулся, но, как мне показалось, лишь из желания угодить.

- Конечно, нет. Прости, Мо.

Я пожала плечами. Эли быстро и бесшумно двигался по лесу, оставив меня далеко позади. Пришлось поднажать, чтобы не отставать. Примерно в миле от дома Алана, я была вынуждена согнуться пополам, чтобы перевести дыхание.

- Подожди, - окликнула я. - Прости, я не могу держать такой темп.

Эли скорчил кислую мину и пошел обратно.

- Ты больна?

- Нет, беременна. - Я глубоко дышала, набирая полные легкие воздуха.

- Что? Почему мне никто не сказал? - воскликнул он, и все краски сошли с его лица.

- Я попросила Грэйси никому не рассказывать, пока мы с Купером не расставим все по местам.

Эли, видимо, не понравилось, что его обошли стороной. Трудно сказать, что больше пострадало

— его самолюбие или альфачья гордость. Являясь де-факто главой, он, очевидно, хотел знать все, что происходит с членами его стаи.

– Черт, Мо! – Он неспешно пошел по лесу. Казалось, он восстановил обычные вкрадчивые повадки. – Жаль, что я ничего не знал. Я не позволил бы тебе приезжать. Тебе не следует на это смотреть. Не таким ты должна помнить Купера.

– Не факт, что это Купер, – опять возразила я, начиная злиться на своего провожатого, который словно заикнулся на наихудшем варианте. Эли взял меня за локоть и галантно поддерживал всю оставшуюся дорогу. Добравшись наконец до опушки, мы успели увидеть, как охотники направляются к своим машинам, похлопывая друг друга по спине в пресловутой манере «сошлись настоящие мужики». Я услышала несколько реплик. «Увидимся в баре. Ты проставляешься!» Алан уехал последним, надежно закрыв сарай и захватив с собой ключ.

вернуться

43

Отсылка к фразе «Нам понадобится лодка побольше» из фильма 1975 года «Челюсти». Герой Роя Шайдера произносит ее, когда видит огромную акулу, кружащую вокруг маленькой лодки, в которой он находится. В повседневной жизни это выражение используется, когда ситуация кажется неразрешимой.

вернуться

44

Дженнифер Энн Гарнер — американская актриса кино и телевидения, продюсер. Наиболее известна ролями агента ЦРУ Сидни Бристоу в телесериале «Шпионка».

вернуться

45

«Сверхъестественное» — американский телесериал о двух братьях — охотниках за нечистью, которые путешествуют по США, расследуя паранормальные явления.

Мы с Эли побежали к постройке. Он поднял ржавый разводной ключ, валявшийся возле бетонного фундамента, и сбил висячий замок с двери. Я заморгала в тусклом свете сарая, осаждаемая клубами пыли и слабым запахом моторного масла. Мой спутник бросил импровизированную отмычку на верстак. Когда глаза привыкли, я различила завернутый в одеяло силуэт на разборном деревянном столе. Неловко ступая, я двинулась к нему. Эли откинул одеяло, и я закрычала, желая заслонить глаза, но не в силах отвести взгляд.

Я закрыла лицо руками, бормоча нечто вроде «Спасибо тебе, спасибо тебе, спасибо тебе». Мех был чересчур светлым, а тело слишком худым. Это не Купер.

На меня нахлынули все чувства разом: и облегчение, и смятение, и смущение из-за того, что втянула Эли в эту историю. Я вытерла глаза, опять принимаясь гадать, где же Купер и все ли с ним хорошо.

Эли уставился на мертвое тело, и зрачки его сузились до крошечных точек, а сами глаза становились все более и более золотистыми. Рот сомкнулся в суровую, печальную линию.

- Это кто-то из твоих знакомых? - спросила я, немедленно устыдившись своего равнодушия. - Оборотень?

- Нет, самый обычный, заурядный волк, - ответил Эли бесцветным голосом.

- Эли?

- Сукин сын! - крикнул он и перевернул стол. Тело волка с глухим стуком упало на пол.

- Эли, что ты...

- Если хочешь что-то сделать, сделай это сам! - бушевал он, багровея лицом. - Ты хоть представляешь, сколько времени я ухлопал на эту затею? А чертовы тупые мужланы убили настоящего волка!

Теперь глаза Эли стали совершенно желтыми, а скулы заострились. Он начал изменяться, и окутавшая его тень, разительно отличалась от уже привычного света, сопутствующего превращению Купера. В этом обращении было нечто первобытное и зловещее. И когда до меня наконец дошел смысл сказанного, я поняла в какой переплет угодила.

Эли замахнулся и ударил меня рукой, которая все больше становилась похожей на лапу, так что я отлетела к ящику с инструментами.

Дженнифер Гарнер, безусловно, предугадала бы такой поворот событий.

Я осторожно села и бережно обхватила руками живот.

- Почему, Эли? Зачем ты это делаешь?

Он выгнул шею и вытянулся в струнку, желая повернуть обращение вспять, а потом сбросил одежду, чем, признаюсь, вызывал у меня беспокойство. Эли снова стал человеком с темно-кариими глазами.

- Поверишь ли... - ухмыльнулся он, - что я просто страсть как люблю морочить голову заезжим поварихам?

Он разместился напротив. Меня утешало лишь то, что сидеть голой задницей на шершавом бетоне то еще удовольствие.

- Знаешь, как долго я ждал? - спросил он. Я хотела отвернуться от нагого тела, но Эли схватил меня за подбородок и заставил смотреть в глаза. - Я столько лет угробил на то, чтобы добиться нынешнего положения. Купер слабак. Он слишком ратовал за справедливость и равенство, когда нам требовалась твердая рука. Я вожак, Мо. Я рожден командовать стаей. А они чересчур упрямые и невежественные, чтобы осознать эту простую истину. Представляешь ли ты, каково это — знать на что способен, и оставаться непризнанным? И виной тому Купер. Пока он рядом, я всегда буду вторым, временным заместителем.

На стене, за плечом Эли я заметила пистолет-транквилизатор. Но завладеть им не представлялось возможным. Оставалось надеяться, что Эли продолжит трепать языком, и я сумею добраться до оружия.

- Вражеская стая была сильной, но, как оказалось, не очень искусной, - раздраженно сказал он. - Они заporоли весь план, и это после того, как я несколько месяцев снабжал их информацией! В самом деле, если нельзя положиться на сообщников, с которыми устраиваешь переворот, то на кого тогда полагаться? Нападение обернулось полным провалом, и мне пришлось делать вид, что я наравне со всеми удивлен и испуган. Однако случившееся позволило отделаться от Купера, а это главное. Я вышел на первый план. Успокаивал своих людей. Был таким героем поневоле. Стал братом несносной пигалице Мэгги. Я лил ей в уши все, что она хотела услышать о ничтожестве Купера, о том, что я всегда буду рядом, и никогда ее не брошу, как это сделал он. Господи, как же мне осточертело ее постоянное нытье! Ее глупые мелкие подростковые беды, следующие одна за другой.

Эли тяжело вздохнул.

- Казалось, с уходом Купера мне, наконец, окажут заслуженное уважение, но стая только и ждала, когда он вернется. Я достаточно силен, чтобы быть вожаком, Мо. И я снова и снова доказывал свою состоятельность, но что получал взамен? Стенания о возвращении Купера. Вот и пришлось предпринять более решительные меры, чтобы избавиться от конкурента. Я постарался разделаться с ним руками Мэгги, как можно сильнее раззадорив девчонку, но она оказалась почти такой же мягкотелой и сентиментальной, как и ее брат. Вся их семейка — пустая трата хороших генов. Тогда мне пришла в голову мысль, что я могу вынудить кого-нибудь из твоих соседей пристрелить бедолагу. Оставалось создать видимость, что волки пожирают местных. Я всегда лучше контролировал свою волчью суть и отчетливее воспроизводил звериные воспоминания, чем Купер, который вечно стонал по поводу нашей сущности.

- Найти мишень оказалось легко. Турист здесь, пожилая леди там. Черт, я даже отправился вслед за вами в поход, полагая, что, может быть, мне удастся сцапать тебя, но твой кавалер ни на шаг от тебя не отходит, верно? Наткнуться на того старика вблизи вашего лагеря оказалось настоящей удачей. Твой друг Абнер, хоть и немолодой, но отважно сражался. Но он был всего лишь человеком. Люди такие хрупкие. Я боялся, что на этот раз Купер учует меня, но этот недотепа сразу взвалил всю вину на себя. И неважно, что подсказывали ему инстинкты.

У меня задрожали губы. Я утерла слезы, готовые вот-вот политься из глаз. Эли расправился с Сьюзи Ку. Уволок бедных туристов из лагеря и разбросал их кости, словно ненужные игрушки. Я подняла голову. Он убил Абнера.

- Сукин сын! - зарычала я и, не думая о последствиях, ринулась на Эли, стремясь выцарапать ему глаза. Он схватил меня за горло и приподнял, так что мои ноги едва касались грязного пола. Кашляя и задыхаясь, я вцепилась в руки обидчика и сумела-таки пнуть его в живот. Не думаю, что это как-то навредило Эли, но все же разозлило его и заставило отшвырнуть меня прочь. Я приземлилась на задницу и принялась лягаться, надеясь сбить противника с ног. Он ощерился, отпихнул меня и стукнул головой о верстак. Удар был такой, что ключ слетел со столешницы, а перед глазами заплясали ярко-красные звезды.

Заметка на память: прекратить драться с оборотнями. Это вредит малышу.

Я сдавила руками пульсирующую голову.

- Почему бы не напасть на самого Купера?

- Я не в состоянии причинить вред альфе. Это биологический императив, - усмехнулся Эли. - Купер никогда не остановит преследующих его Самсона или Мэгги, но я не могу прикоснуться

к нему, если только он не нападет первым.

- Зато я могу существенно осложнить ему жизнь. Этому правила не возбраняют. Я не рассчитывал, что местный егерь окажется таким некомпетентным слюнтяем. Или на то, что твои соседи настолько дрянные стрелки. Спрашивается, что еще нужно сделать, чтобы собрать в этом городе толпу разгневанных охотников на волка? Оставалась надежда, что Купер любит тебя настолько, что захочет защитить от большого злого чудовища в своем лице. - Эли закатил глаза. - Но, судя по всему, он просто не в состоянии находиться вдали от тебя, так? А теперь он и вовсе никуда не уйдет, учитывая, что ты носишь его щенка. Ты подтолкнула меня к решительным действиям, Мо.

Внезапно, Эли усмехнулся, и его блестящие глаза засияли. Он провел пальцами по моей щеке, скользя по ручейку крови, струившемуся из виска. А затем поднес кровь к губам и втянул воздух, как будто наслаждался букетом старого вина.

- Знаешь, это так здорово, что я могу поговорить с тобой о сокровенном. Понимаешь, я еще никогда не вел задушевных разговоров. Купер прав. Есть в тебе что такое, Мо. Что-то, что заставляет волка хотеть... ммм. - Эли слизнул кровь с пальцев. Я отпрянула, когда он придвинулся и понюхал мою шею. - Если бы тебя уже не обрюхатили, кто знает? Возможно, я взял бы тебя своей самкой. - Он улыбнулся, демонстрируя длинные, белые зубы. Я украдкой сжала в руке упавший ключ.

- Ай-ай-ай! - воскликнул мой собеседник, выдернул у меня ключ и, схватив за пальцы, чиркнул ими по бетонному полу.

Я зашипела и прижала руку к груди.

- Придурок!

- Выбирай выражения, Мо. Я считал, что воспитание не позволяет южанкам бить друга семьи по голове разводным ключом.

- Очевидно, ты плохо знаешь южанок, - парировала я.

Эли ухмыльнулся. Но я схватила и обрушила ключ на макушку шутника. Тот яростно взвыл и саданул меня в челюсть. Я отшатнулась в полной уверенности, что лицу пришла крышка. Рот наполнил медный привкус крови от запаха и вкуса которой все внутри меня поднялось, и я не смогла сопротивляться. Я привалилась к столу Алана и меня вырвало.

Глядя на меня с омерзением, Эли скривил губы.

- А знаешь, все может получиться лучше, чем я ожидал. Вполне вероятно, что твоя смерть подтолкнет Купера к самому краю. Он не захочет жить без тебя и ребенка после случившегося.

Черты лица Эли безобразно вытянулись, когда он начал превращаться. Он встал на четыре лапы, преграждая путь к выходу. Я вцепилась в лежащий передо мной ключ, молясь, чтобы этого оружия оказалось достаточно. Эли оскалился, обнажая клыки, и устремился ко мне.

За моим плечом раздалось рычание, показавшееся самой прекрасной музыкой, которую я когда-либо слышала. Купер на всех четырех ворвался в сарай, оттолкнул Эли и припал к земле передо мной, заняв оборону. Мэгги, быстрая и неистовая, на полном ходу врезалась в спину Эли и впилась зубами в его шею. От звука разрываемой плоти мой желудок опять взбрыкнул. Эли яростно дернулся и так отшвырнул Мэгги, что та врезалась в стену. Взвизгнув, она с

трудом поднялась на лапы и примостилась возле Купера.

- Купер. Ты выбрал неудачное время, - вздохнул Эли, снова приняв человеческий облик и встав на ноги.

Купер превратился в человека, а Мэгги осталась волчицей. Со вздыбленной шерстью она шагнула между Купером и Эли.

Мой защитник слегка успокоился; подтолкнув меня к себе за спину, он поднял руки в примиряющем жесте.

- Не трогай ее, Эли. Разбирайся со мной, а не с ней.

- Какая разница, - рыкнул тот. - Пока ты ошиваешься рядом, за мной не пойдут. Ты был вожаком и бездарно распорядился своим положением. Что ж, мне никто ничего не преподносил на тарелочке. Я всего добивался сам.

С усмешкой на губах, Эли кружил в опасной близости от меня. Мэгги шла за ним по пятам. Купер зарычал и сделал выпад, гоня его прочь. Этот разворот приблизил меня к цели — транквилизатору. Пока никто не видит, я схватила пистолет, наставила его сзади на шею Эли и спустила крючок. Пшик. Ничего.

Чертова капсула оказалась пуста. Тогда я взмахнула пистолетом как клюшкой и огрела Эли по голове. Вернее, огрела бы, не повернись он и не ринься на меня, превращаясь на лету. Купер зарычал и, перекинувшись в прыжке, приземлился между нами.

- Проклятье! - проворчала я, когда Мэгги оттеснила меня своей филейной частью в безопасный угол.

Она стояла как вкопанная — шерсть дыбом, клыки обнажены — и наблюдала за двумя волками, идущими по кругу. Эли и Купер изучали друг друга, прощупывая уязвимые места. Потеряв терпение, Купер издал рык и бросился в бой. Эли нацелился на его лапу, но Купер уклонился и приготовился вцепиться в спину противника. Тот огрызнулся, схватил Купера за заднее левое бедро и поволок по полу. Купер взвыл, вырвался и ударил соперника головой в живот.

Купер оттеснял врага все дальше и дальше от сарая, уводя от меня. Он сражался с мрачной решимостью до тех пор, пока Эли не приближался ко мне или к Мэгги. Обнаружив эту слабость, подлец использовал ее, чтобы отвлечь и дезориентировать соперника. Мэгги явно не нравилась отведенная роль. Нетерпеливо фыркнув, она перепрыгнула через брата и ринулась на Эли, вонзая зубы и когти в самые болезненные места. Он взвыл, потянулся через плечо, ухватил воительницу за загривок и скинул прочь. Купер гавкнул, призывая сестру отступить, но Мэгги как ни в чем не бывало продолжала атаковать противника, пока тот не подмял ее под себя. Эли поднял голову, глядя на Купера, и в его золотистых звериных глазах явственно отразилось сомнение, а потом резко потянулся к придавленной жертве. Тогда Купер низко пригнулся и прыгнул, отталкивая мерзавца от своей сестры и прижимая к земле. Челюсти Купера сомкнулись на глотке Эли, злобно кромсая плоть.

Последний визг Эли оборвался, и по траве расплзлась большая лужа крови. Видя, что битва закончена, Купер выпрямился и обежал вокруг, становясь между мной и умирающим волком. Мэгги заскулила, наклоняя голову к брату, и тот лизнул ее в макушку.

Когда Эли испустил последний хриплый вздох, Купер припал к земле и положил подбородок на лапы. Затем глубоко втянул воздух и принял человеческий облик. И лицо, и шея его были

забрызганы кровью. Мэгги последовала примеру брата. Покачиваясь, она встала на ноги и как-то неловко мне помахала.

Купер двинулся ко мне нетвердой походкой. Он обнял меня за талию и уткнулся лицом в живот. Я погладила его по спине, приговаривая:

- Я понимаю, что сейчас не время напоминать «а я говорила»...

- Да, да, - пробубнил он. - Ты была права. Я не сею смерть. Я ошибался.

- Будем надеяться, что наши споры всегда будут так заканчиваться, - сказала я, мягко потирая руками все еще напряженные мускулы моего героя.

Мэгги захихикала, прижимая к груди руку, чтобы не нагружать раненое плечо. Тем не менее я углядела исчезающий след укуса. Кожа драчуньи заживала буквально на глазах.

- Рада тебя видеть, - сказала я, сняла свою куртку и накинула ей на плечи.

- Поди и не думала, что когда-нибудь скажешь такое, да? - спросила она с дерзкой усмешкой.

- Нет, - покачала головой.

- Мэгги выследила, где мы охотимся. И после того, как стало понятно, что она не собирается наносить мне серьезные увечья, у нас состоялся долгий...

- Невероятно долгий, - пробормотала Мэгги.

- ...разговор, - сухо закончил Купер. - И мы для себя кое-что выяснили.

- Мне хотелось верить в худшие качества Купера, это гораздо легче, чем представлять, какую боль я могу ему причинить, - сказала Мэгги. - А Эли все видел и нагнетал обстановку. Я позволяла ему вешать такую лапшу, что удивляюсь, как у меня не отвалились уши.

- Красноречиво, - прыснула я.

- А я не проявил характер и не остался, чтобы объясниться, - признал Купер. - Я использовал Мэгги как предлог, чтобы держаться в стороне.

- А еще ты не брал трубку во время этого долгого разговора по душам. Почему? - спросила я.

Купер нахмурился:

- Я оставил телефон в лагере.

- Мы принялись собирать воедино разрозненные факты того периода, когда Эли манипулировал мной, как послушной марионеткой, - сказала Мэгги, слегка покраснев. - И нас заинтересовали мотивы. Если он с такой неохотой управлял стаей, как говорил, то почему находил способы изолировать Купера? Мы стали говорить о тебе, о сердечном приступе Попса, о нападениях в Гранди, и картина начала вырисовываться. Как раз во время нападения Эли ненадолго уезжал в Дирли — все совпадало. Купер вернулся в лагерь и сообщил клиентам, что уезжает. А также прослушал твои сообщения. Когда он понял, что ты находишься наедине с Эли, чуть не свихнулся. Впервые в жизни обогнал меня.

- Рада слышать, что в конце концов ты хоть в чем-то превзошел сестру, - сказала я Куперу.

Мэгги театрально вздохнула.

- Теперь он станет совершенно несносным, вот увидишь.

- Что будем делать с ним? - спросила я, кивая на неподвижно лежащего серого волка. - Как объясним?

- Эли остался в волчьем обличе, - сказал Купер. - Отвезу его в стаю и расскажу всем о том, что он сделал. Его надлежащим образом похоронят. Я постараюсь проявить доброту. Нет нужды сообщать все детали, достаточно того, что он угрожал тебе и ребенку. Я был вправе убить его только лишь за этот проступок.

- Как насчет семьи Эли? - спросила я.

- Он, собственно, последний в роду, - сообщила Мэгги. - Отец умер, когда Эли учился в старших классах. Он ухаживал за своей матерью, нашей тетушкой Билли. Она в последнее время совсем плоха. Болезнь Альцгеймера. Стая возьмет на себя заботу о ней. Мы опекаем своих.

- Никаких сожалений, - сказала я Куперу, заметив, что он потупился. - Никакого самобичевания. Никакого чувства вины.

- Совершенно, - согласился он и обнял меня, а потом положил подбородок на мое плечо и прошептал: - Думаю, что теперь мне придется на тебе жениться.

- Даже мои родители еще не женаты, - усмехнулась я.

Его теплая рука накрыла мою и сместилась на живот, который совсем скоро станет большим и круглым. Купер вздохнул, сопя возле шеи.

- Прошу, выходи за меня, Мо. Будем растить ребенка вместе.

Наклонившись, я уткнулась в шею Купера.

- При одном условии.

Он вздохнул, на этот раз более многозначительно.

- Выкладывай.

- Мы выберем нормальное, традиционное имя ребенку. Малышу хватит и того, что придется разбираться со всей этой полуоборотнической чехардой. Так что никаких цветочных имен, никаких имен деревьев, драгоценных камней или музыкантов, захлебнувшихся собственной рвотой, никаких интеллектуальных закидонов в виде вторых имен...

- Как насчет Ноа для мальчика и Евы для девочки? - предложил Купер, поднимая руки в капитулирующем жесте.

- Согласна, - поддержала я, думая о том, как будет счастлива Эви.

- Выходит, вы не назовете ребенка в честь любимой тетушки? - брюзгливо уточнила Мэгги. Когда же я повела бровью в ее сторону, она закатила глаза. - Ну хорошо, слишком рано. Но хотя бы учтите меня, давая второе имя.

- Мы не назовем моего сына Ноа Маргарет, - отчеканил Купер.

- И зачем только мы помирились? - спросила она.

- Понятия не имею, - ответил Купер, обнимая нас.

Я резко сменила тему беседы.

- Как вы умудряетесь сохранять серьезное лицо в нештучной стычке с голым парнем? Я не знала, куда смотреть.

Мэгги пожала плечами.

- Тут дело в зрительном контакте.

- Скучота.

Глава 23

Удушье на высоте шесть тысяч метров

- Спокойно, милая, - сказал Купер, когда рейс моих родителей приземлился в аэропорту Дирли. Мы ожидали возле единственного выхода, глядя сквозь стеклянные двери на легкий самолет, катящийся по взлетной полосе. Я поймала себя на том, что мне не терпится побежать навстречу и увидеть тех, благодаря кому я оказалась на Аляске, рядом с Купером.

- Все хорошо, - заверила я, и Купер застегнул на мне тонкую куртку, бережно скользнув пальцами по животу, который с каждым днем округлялся. Трудно поверить, что я всего на четвертом месяце. По человеческим меркам, можно подумать, срок составляет месяцев семь или восемь. За исключением ускоренных темпов беременность протекала вполне нормально и благополучно. Ну, почти нормально. Доктор Модер клялась, что ребенок должен родиться без хвоста, зато полный комплект зубов, скорее всего, будет в наличии. Эта перспектива заставила меня серьезно переосмыслить вопрос грудного вскармливания.

Все только и толковали, что о моем животе на нашей с Купером скромной брачной церемонии, состоявшейся в прошлом месяце во дворе моего дома под руководством сияющего Нейта Гогана. Собравшиеся добродушно дразнились, что у нас «свадьба по залету» и делали вид в высшей степени разочарованный из-за того, как я низко пала. Но люди женятся и по худшим причинам, так что большинство гостей к концу веселья и думать забыло об «оскандалившейся» невесте. Черт, некоторые из них даже имени своего не помнили под конец.

Мне хотелось традиционную свадьбу, насколько может быть традиционным союз между оборотнем и его беременной избранницей. Я надела белое платье и украсила волосы цветами. Кара, как и планировала, приехала из Миссисипи, назвав путешествие «незабываемым», и выступила в роли подружки невесты. Она еще не уехала. Кара и Алан начали строить друг другу глазки еще во время церемонии и до сих пор не закончили. Памятуя о том, как тянул резину со мной, Алан проявил больше настойчивости. Он попросил Кару остаться на «Большие заморозки» — грядущую через несколько месяцев вечеринку. Сейчас эти двое сотрясали рейнджерский дом, прерываясь лишь для того, чтобы сгонять в «Чудеса оптом» и затариться презервативами. Я была несказанно рада за друзей.

В качестве свадебного подарка Эви и Базз предложили мне двадцатипроцентную долю в своем заведении, поскольку с моим появлением оно стало приносить куда больший доход. Они уже

обустроили маленькую детскую в служебном помещении «Ледника», так что я могла продолжать работать после окончания декретного отпуска. Бар — не лучшее место для ребенка, тем не менее я знала, что там всегда найдется завсегда, готовый обнять и приголубить малыша... при условии, что поблизости не слоняется гордый отец, который, выражаясь словами Купера, «хвастается сыном». На мой резонный вопрос, что если родится девочка, муженек, слегка позеленев, начал что-то лепетать о том, что когда ей стукнет тринадцать, он расставит вокруг дома капканы.

Купер по-прежнему не проявлял желания становиться альфой, но со смертью Эли, довольно часто наведывался в родные уголья. После собрания, которое длилось целую ночь, стая наконец-то договорилась о более демократичном способе избрания альфы: путем тайного голосования. Мэгги победила с большим перевесом.

Самсон баллотировался, но никто из волков не поверил в его серьезный подход к делу. Мэгги приступила к работе и прекрасно справлялась с обязанностями. Даже без обусловленных генетикой качеств она приобрела авторитет настоящего альфы — ее боялись очень многие в стае. Вердикты Мэгги были справедливыми, быстрыми и, как правило, согласовывались с интересами подопечных. Она наконец-то обрела счастье. И даже улыбалась мне, когда я последний раз приезжала в долину.

Ну как улыбалась, скорее кривила губы, но без зубодробительной ненависти на лице, так что я считаю эту гримасу улыбкой.

Мои родители не сумели примириться со свадьбой, однако я, к своему удивлению, ничуть не обиделась. Всему свое время. Я отправила им фотографии, а они прислали длинное, проникновенное письмо с наилучшими пожеланиями. Этот визит должен был стать первым шагом к более счастливому сосуществованию.

Мы с Купером терпеливо ждали, когда самолет остановится. Через пару минут, дверь, как-то лихорадочно распахнулась. Двое пилотов и горстка пассажиров, наседая друг на друга, стали спускаться по небольшому трапу на безопасную землю. Они боязливо косились назад и чуть ли не бегом устремились к воротам.

- Вижу, матушка в своем очаровательном репертуаре, - вздохнула я, сохраняя решительную улыбку.

- Она ведь не собирается говорить о моей толстой кишке? - уточнил Купер, паясничая.

- Не могу гарантировать, - сказала я. - Но я не несу ответственности за нее или перед ней.

Купер поджал губы и боязливо покосился на самолет.

- В каком смысле?

- Если у вас возникнут проблемы, вам придется решать их самим.

- Трусишка, - фыркнул он, а родители тем временем благополучно спустились по трапу. Мама держала за руку какую-то туристку. Я подозревала, что бедной женщине пришлось выслушать лекцию о дарящих бодрость преимуществах ежедневного потребления суслу зверобоя.

- Таков ход вещей, - прошептала я, глядя, как папа машет рукой со взлетной полосы. Родители были одеты по-зимнему, по моде года эдак восемьдесят четвертого. Давно минули те времена, когда они носили что-то теплее маек и шортов. Тем не менее папа влез в теннисные туфли

вместо обычных шлепанцев, так что я оценила проявленную чуткость. Предки ворвались в дверь и уставились на меня, словно хотели запечатлеть в памяти каждую черточку, перед тем как я убегу.

- Привет! - воскликнула я, когда отец обнял и неуклюже притянул меня к себе за раздавшуюся талию.

- Ах, моя маленькая Молюцелла, - выдохнул он в мои волосы, а затем отстранился и окинул взглядом выпирающий живот. На его глаза навернулись слезы. - Посмотри на себя. Полагаю, ты уже не моя малышка, верно?

- Папа, это Купер, мой муж, - сообщила я, пока мама прощалась с несчастной новообращенной сторонницей сусла зверобоя.

- Значит, вы и есть тот самый молодой человек, который имел наглость украсть сердце моей дочки и сделать меня дедушкой, даже не переговорив со мной для начала? - спросил отец неожиданно строгим голосом. Купер словно окаменел. Стоя между ними, я открыла рот, но запнулась с ответом. Папа расхохотался, вытер глаза и заключил зятя в объятия. - Шучу, парень. Добро пожаловать в семью.

С нервным смешком Купер стрельнул на меня беспокойным взглядом, который стал еще тревожнее, когда матушка целиком сосредоточилась на мне.

- О, детка, посмотри на свои волосы! - воскликнула она, сжимая в ладонях мое лицо. - Они очень мило отросли. Просто идеальная длина.

Я тряхнула головой. Еще никогда моя прическа не удостоивалась похвалы. Мама такие темы даже не поднимала. Я была единственным человеком, который никогда не опасался родительской критики по поводу внешнего вида.

- И посмотри на себя! - сказала она и взяла меня за руки, чтобы рассмотреть живот. - Ты выглядишь такой цветущей и счастливой! Как ты себя чувствуешь?

- Хорошо, мам. Врач говорит, что я наглядное воплощение здоровья, - заверила я, пока мы вчетвером шли получать багаж.

- И все же во время беременности всегда надо быть начеку. Ты ешь органические продукты? Налегашь на овощи? Сократила потребление мясных изделий? Я привезла тебе специальный чай от тошноты — он в чемодане. Да, и чудеснейшую книгу «Все об эко-детской». Ты не поверишь, насколько легко сейчас пользоваться тканевыми подгузниками!

Чувствуя, что разговор уходит в ненужное русло, я сжала мамины руки и мягко сказала:

- Мам, мы обо всем позаботились.

Пусть и с тенью борьбы на лице, но мама чудесным образом не обиделась, а улыбнулась и поцеловала меня в щеку.

- Разумеется. Ты всегда была здравомыслящей девочкой. Несносной занудой, конечно, но здравомыслящей.

- О, да, - фыркнула я. - Я была занудой.

- Ты всегда донимала нас, чтобы мы платили налоги, водили тебя к зубному, подписывали школьные бумаги. Мы никогда не были такими взрослыми, как ты в свои двенадцать. И я чувствовала себя виноватой. А если я... управляла или манипулировала, то, скорее всего, из желания доказать, что ты по-прежнему нуждаешься во мне.

- Теперь уже неважно, - сказала я, стиснув мамины пальцы. - Но это вовсе не означает, что ты вольна продолжать в том же духе. Просто не будем ворошить былое.

Я увидела, как папа и Купер составляют не один, не два, а целых три огромных подержанных чемодана и несколько коробок с пометками «Скоропортящиеся органические продукты». Сердце екнуло.

- Mam, не слишком ли много багажа для визита на одну неделю?

- Ах, да, - мама звонко рассмеялась. - Мы с твоим папой подумали и решили, что будет лучше, если мы останемся до рождения ребенка. Тебе сейчас необходима забота родных, Mo. Дела в гостинице идут своим ходом, благодаря помощи наших друзей. Нам совершенно незачем сидеть дома. Мы пробудем с тобой столько, сколько нужно, дорогая. Эш, подожди, это коробка с зародышами пшеницы. Боюсь, что они просыпались во время полета. Кажется, я слышала какой-то хруст.

Я застыла в полном оцепенении, а мама бросилась учить папу правильному обращению с просыпавшимися зародышами пшеницы. С чемоданом в каждой руке ко мне подошел Купер. Последний раз он был таким бледным, когда я вызволяла его ногу из медвежьего капкана.

- Она сказала, что они пробудут здесь до рождения ребенка?

Я кивнула с выражением ужаса на лице.

- Это же два месяца.

Купер бросил свою ношу и легонько меня толкнул.

- Дыши, Mo. Дыши. Все будет хорошо. Я люблю тебя.

- Это чертовски удачно, потому что я тоже тебя люблю. - Я поглядела на Купера. - Как думаешь, насколько быстро нам удастся слинять в Австралию?